

СОЗЕРЦАТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ
ЛУДВИГА ЛАМБЕРТА,

Соч: В А Л Ъ З А К А.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Александръ Зражевской.



Генію, облако надъ святилищемъ;
а свѣтъ, одному Богу.

(Лудвигъ Ламбертъ.)



С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

1 8 5 5.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ нѣмъ, чтобы по отпечатаніи представле-
ны были въ Ценсурный Комитетъ три экзем-
пляра. С. Петербургъ, Марта 29 дня 1855-го
года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

ЛУДВИГЪ ЛАМБЕРТЪ.

Отъ переводчицы.

Лудвигъ Ламбертъ, и жизнь его, описанная Бальзакомъ, — два явленія равно примѣчательныя на горизонтѣ Психологiи и Литературы. И здѣсь, какъ и вездѣ, перо его мило, причудливо, роскошно, умѣетъ завлекать вниманiе, заставляетъ о-

VI

хотно переноситься, изъ луговъ прелестнѣйшихъ, въ пустыню дикую, безплодную, гдѣ на каждомъ шагу, кажется, грозитъ смертельная скука, и гдѣ такъ охотно идется за милымъ проводникомъ.

Жизнь Ламберта, одѣтая въ едва приметную форму Романа, кажется, есть первое покушеніе сблизить лѣнивое, прихотливое, поминутно летающее по *верхалямъ*, избалованное сластями, дымчатое воображеніе нашего вѣка; сблизить, говорю, съ тяжелыми, сухими тонкостями Метафизики, — покушеніе первое, — и можетъ скоро вы увидите Психологію, Метафизику, Физиологію, въ романахъ! . О сколько еще воображеній не дотомленнѣхъ,

сколько жажды любознанія еще не досыщенной!

Слушать все это съ кафедры, — то-ска смертельная! то-ли дѣло въ романѣ, шутя разанатомируемъ всего человѣка, до ниточки, до послѣдняго суставчика. Обыкновенный романтизмъ прискучилъ, пора, давно пора приняться за новое! — Не выдумать вамъ *страсти* страшнѣе Гюговой, не высказать вамъ сладкаго слаще Марлинскаго, злаго злѣе Брамбеуса, нѣжнаго нѣжнѣе Жуковскаго, милаго милѣе Пушкина и Козлова, — пора, пора за новос!

VIII

Лудвигъ Ламбертъ есть рѣдкій но не новый примѣръ, до какого удивительнаго состоянія можетъ достигнуть духъ человѣческій, и очень стоитъ, чтобы всмотрѣться въ него пристальнѣе.

Человѣкъ, — твердятъ всѣ, родъ человѣческій съ незапамятныхъ временъ идетъ, и долженъ итти къ совершенству.— Зародыши его совершенства, величія, красоты, — въ немъ; нужно развернуть; и это развитіе предоставлено тому же романтизму; это его цѣль, для этого и вложенъ онъ, не модою, а Творцемъ Самимъ, въ наше неугомонное сердце, которое до тѣхъ поръ не остановится, не успокоится?

не перестанетъ жаждать чего-то, пока не достигнетъ совершенства.

Но гдѣ путь къ этому совершенству?
 — Подъ нашими ногами! — Идемъ, бѣ-
 жимъ по немъ большею частію безъ от-
 чета, сами не знаемъ какъ, но точно и-
 демъ. Вглядимся хорошенько:

Человѣкъ столько знаетъ, сколько и-
 спыталъ. Сперва опытъ, потомъ знаніе.
 Сперва долженъ работать сердцемъ надъ
 сердцемъ, потомъ уже умомъ. — Сердце
 любить, ненавидитъ, влечется, отвращает-
 ся, ощущаетъ, радуется, скорбитъ
Сердцемъ духъ все осязаетъ. Потомъ уже

умь *видитъ*, размышляетъ, судить, заклю-
часть, помнить, воображаетъ, созидаетъ.

Сердце все *испытавшее*, умъ все *у-
зръвшій*, есть человекъ совсемъ иной,
чѣмъ мы: человекъ свѣтлый, прозрачный,
вссильный — малый Богъ.

Воротимся же къ Ламберту: — уди-
вительный ребенокъ, одаренный способно-
стями: крѣпче Англійской стали, острѣе
медицинскихъ пиль, тоньше бисерной и-
голки и обширнѣе самыхъ новыхъ, са-
мыхъ полныхъ, многотомныхъ романовъ, —
на громогласный зовъ къ совершенству —
всею дѣтскою силенкой, побѣждалъ безъ

ногъ, полетѣлъ безъ крыль и разбился въ прахъ!

Все это терпѣливые читатели и читательницы, увидите сами, если возьмѣте охоту и терпѣніе прочесть эту книгу; увидите, что бѣдный Ламбертъ самъ насильственно искажилъ себя. — Чѣмъ? — Тѣмъ, что началъ съ пути *ума*, а не *сердца*. Хотѣлъ *видѣть* то, что надобно прежде *почувствовать*. Силился рученкою отнять то, что дается и — только *прослещему*, а не своевольствующему.

— »Но онъ былъ такъ малъ, — ни-
» кто не предостерегъ, — Провидѣніе не

ХП

» пеклось, — оно погубило?» — Грѣшно такъ грѣшить! — Если Провидѣніе и пустило *одному* такъ громко погибнуть, то вѣроятно для того, чтобъ тысячи остереглись. — Но нѣтъ! Провидѣніе съ перваго шага дало ему вѣрнаго проводника — Библію. Тамъ, на первой, на второй, на послѣдней, на каждой страницѣ -- первый урокъ, первый совѣтъ — *не любознѣствуй*, повинуйся, не умничай; — сперва *отвѣдай*, потомъ *увидишь*. — «Вкусите и — увидите (Псал. 36). Не смотри на солнце — ослѣпнешь!

Въ буквальномъ смыслѣ скажи какому хочешь ребенку: — «смотри, ступай» по этой дорогѣ, не заглядывайся на ба-

»бочекъ, на поля, рощи, не сворачивай
 »въ сторону, — собьешься, заблудишься!«
 Какое дитя, подобное Ламберту, не пой-
 метъ? — И ежели заблудился, то это
 знакъ его непослушанія, пускай же блу-
 ждаеть, — по дѣломъ!

Такъ и Ламбертъ, вмѣсто того чтобъ
 идти путемъ *сердца*, любви, пошелъ пу-
 темъ *созерцанія*; и погубилъ рѣдкія, вы-
 сокія способности свои, безъ пользы для
 себя и человѣчества.

Да, путь созерцанія не новость! —
 Конечно, въ нынѣшнемъ большемъ тонѣ,
 онъ — не въ тонѣ, потому что неизвѣ-

стенъ ; но еще Балзакъ , другой — еще Черная Желщина и онъ можетъ войти въ моду паровиѣ съ феррошьерами ; однакожь онъ не феррошьеръ — его трудно скинуть , и опять замѣнить другою модою.

Въ первые вѣки Христiянства, онъ развить анахоретами *до нельзя*: многихъ просвѣтилъ, многихъ погубилъ, но тогда брали противъ него и мѣры. Во первыхъ прокладывали къ нему путь Христiанскою дѣятельностiю, ужасающею, едва для насъ имовѣрною, но былою, — очищая, укрѣпляя *сердце* ; потому что безъ чистоты сердечной, созерцанiе невозможно ; но при ней, безъ опытности *сердечной*, пагубно.

Послѣ того долго еще удерживали пылкихъ созерцателей, подѣкая самыя корни любопытства и страсти къ чудесному, удерживали; особливо молодыхъ, неопытныхъ, въ общежитіи обитателей; и уже по признакамъ *зрѣлости сердечной*, отпускали на одиночество созерцанія.

Такимъ образомъ, давали прежде *слухъ*, потомъ *видѣть*. Такъ-то многіе великіе созерцатели здѣсь еще вступили въ права человѣка: въ господство надъ стихіями, животными, людьми, надъ собой! — Они прошли всѣ степени романтизма до послѣдняго совершенства.

Да и вообще романтизмъ Христіантъ прошелъ уже всю школу сердца и ума, и выдержалъ торжественный экзамень.

Со стороны *сердца*: въ первые вѣки, язычники перегнали его до квинтъ-эссенціи въ своихъ котлахъ, клокотавшихъ смолою и свинцемъ, разанатомировали на плахахъ и крестахъ, и переплавили на кострахъ и въ печахъ.

Со стороны *ума*: послѣ Аѳинейской Философіи, перегнали его черезъ всѣ степени — суевѣріе и фанатизмъ.—Бель, Спиноза и Волтеръ съ товарищами энциклопедистами, пережгли его въ ретортахъ не-

вѣрля. Кому угодно, пробѣги каталоги Смирдина, Грѣфе и Плюшара въ статьѣ Христiянское ученiе, — прочти писанное *pro* и *contra* и убѣдись, какъ свѣтель, прость, высокъ и живъ романтизмъ Христiянъ, и какъ хорошо онъ оправданъ и доказанъ: исторически, логически, физически, метафизически, философически.

Теперь, покажите любую систему метафизическую отъ Аристотеля до Бальзакова Ламберта, которая прожила бы до *завтра*. — Одна послѣ другой являлись, увлекали, исчезали. — Ложь и обольщенiе не могутъ быть *презлественны* на долго. Умъ нашъ такой непокорный, не терпитъ узды ни систематической, ни рели-

XVIII

гіозной, но охотно покаряется убѣжденію. — Гдѣ же убѣжденные преемственно — въ Христіянствѣ или у систематиковъ? — Гдѣ единогласіе, единомысліе, отъ перваго разбойника на крестѣ, до послѣдняго изъ нашихъ вѣрующихъ праправнуковъ? — Въ какихъ системахъ?

Такъ-то романтизмъ истинный устоялъ, стоитъ и простоитъ пока не приведетъ всего человѣка къ совершенству. Онь путь къ нему единственный, неминуемый, мы всѣ идемъ по немъ, вѣрующіе и невѣрующіе, волей и неволей, путь *сердца*, а потомъ *ула*.

Ламбертъ же пошелъ путемъ созерцанія, безъ проводника, углубился, поселился внутри себя, но не въ сердце, а въ головѣ, — нашель, какъ и есть, міръ чудесъ, страну свѣта, — но ослѣпъ; и путнаго намъ ничего не сообщилъ, и совершенства не достигъ.

Г Бальзакъ съ нимъ вмѣстѣ учился, дѣлилъ и радость и горе; взялся передать намъ еще не созрѣлую систему мышленія Ламбертова, и едва ли мы поймемъ то, что онъ говорилъ не понимая. *Чего нѣтъ въ ощущеніи, того нѣтъ и въ понятіи.* Изъ словъ Г-на Бальзака видно, что онъ вовсе не былъ въ странѣ созерцательности. Для этого я сочла обязанностію надъ и-

ными мѣстами сдѣлать особыя примѣчанія, въ концѣ приложенія.

Г. Бальзакъ для выраженія понятій ему непонятныхъ, долженъ былъ выдумывать новыя слова: — надлежало ему последовать.

Нѣкоторыя строки, — я осмѣлилась пропустить, по разнымъ причинамъ; и думаю, Г. Бальзакъ цѣну свою потеряетъ не отъ этого, а развѣ отъ неудачнаго перевода вообще.

2-го *Февраля*.
1855.

ЛУДВИГЪ ЛАМБЕРТЬ.

Лудвигъ Ламберть родился 20-го Сентября 1797 года въ Монторъ, маленькомъ городкѣ Вандомскомъ. Отець его содержалъ небольшой кожевенный заводъ, и сначала хотѣлъ было и сына сдѣлать кожевникомъ. Но отвращеніе ребенка къ такому ремеслу, а еще болѣе, необычайная склонность къ ученію, перемѣнили отцовское намѣреніе. Впрочемъ, кожевникъ и жена его лелѣяли своего Лудвига, какъ только можно лелѣять единственнаго сына, и ни къ чему не хотѣли принуждать. Уже съ пятилѣтняго возраста, Ветхій и Новый

завѣтъ не выходили изъ рукъ его, и эта книга, содержащая столько книгъ, рѣшила судьбу малютки. Обняло ли юное воображеніе его это неизмѣримое созерцаніе міровъ? или младенческая душа въ простотѣ своей сочувствовала этому высокому ученію, рукою Божественною тамъ разлитому? . . . Остатокъ жизни его, для нѣкоторыхъ читателей, будетъ рѣшительнымъ на всё это отвѣтомъ. Слѣдствіемъ такихъ начатковъ мышленія надъ Священнымъ писаніемъ было, что Лудвигъ ходилъ по городу, и во всѣхъ домахъ выпрашивалъ книгъ тою непобѣдимую любезностію, тайна которой однѣмъ только дѣтямъ извѣстна и противу которой нельзя устоять.

Предавшись такому ученію безъ всякаго посторонняго руководства, Лудвигъ достигъ десятаго года. Въ это время наемщики были рѣдки; уже многія богатые семейства заранѣе приготовили ихъ, чтобъ не затрудняться во время набора. Крайность бѣднаго кожевника не позволяла ему надѣяться нанять охотника вмѣсто своего

сына; только въ духовномъ званіи видѣлъ онъ средство спасти его отъ рекрутства;— и потому въ 1807 году, отослалъ его къ дядѣ съ материнской стороны, проповѣднику Мера, маленькаго городка лежащаго при Лоарѣ, близъ Блоа.

Такое намѣреніе согласило всѣ противности: — страсть Лудвига къ ученію, и желаніе родителей сохранить сына; а при томъ его преждевременная зрѣлость подавала имъ надежду, что онъ много выиграетъ въ томъ званіи.

Пробывъ почти три года у своего дяди стараго Ораториста, довольно свѣдущаго, Лудвигъ Ламбертъ въ началѣ 1811 года помѣщенъ былъ Госпожею Сталь въ Вандомскую школу на ея иждивеніи.

За покровительство этой знаменитой жены, Ламбертъ обязанъ случаю, или лучше Провидѣнію, которое всегда печется о своихъ избранныхъ, въ ихъ дѣтствѣ или нищетѣ. Но превратности, примѣры которыхъ такъ часты и разительны въ жизни

великихъ людей, — всегда кажутся слѣдствіями, просто физическихъ событій. Быть можетъ случайное появленіе въ толпѣ, юнаго ума, много общающаго, производить надъ опытными чувствами знатоковъ впечатлѣніе, очень сходное съ ощущеніемъ ботаника, когда онъ увидитъ рѣдкое и прекрасное растеніе въ пестротѣ луговъ.

Покрайней мѣрѣ такое сравненіе близко къ приключенію Лудвига Ламберта. По обыкновенію, дядя давалъ ему конфеты, и это время онъ проводилъ въ отцовскомъ домѣ. Но не предаваясь, по обычаю дѣтей, сладости этого *far niente*, котораго и мы такъ жаждемъ во всякомъ возрастѣ, онъ съ самаго разсвѣта, взявъ свой хлѣбъ и книги, уходилъ читать и размышлять въ чащу лѣсовъ, избѣгая материнскихъ выговоровъ, которая находила такое чрезмѣрное прилѣжаніе опаснымъ. — Удивительное материнское предчувствіе!...

Съ этихъ поръ чтеніе сдѣлалось для Лудвига нѣкоторымъ родомъ душевной

жажды, которую ничто не могло утолить. Онъ пожиралъ всякія книги и питался безъ разбора твореніями духовными, историческими, философическими и физическими. По его признанію, въ то время онъ ощущалъ неописанную сладость даже перечитывать словари, за недостаткомъ другихъ книгъ; и я охотю вѣрю. Да и какой ученикъ, и сколько разъ не чувствовалъ ли удовольствія, доискиваясь вѣроятнаго смысла невѣдомаго существительнаго? . .

Разборъ слова, его начертаніе, исторія — были для Ламберта источникомъ продолжительныхъ думъ; это не тѣ мечты врожденныя, которыя пріучаютъ ребенка къ явленіямъ нашего быта, изоощряютъ понятливость нравственную или физическую, не та работа невольная, которая по времени только приноситъ плоды, развивая умъ и нравъ. Нѣтъ! Лудвигъ обнималъ факты изъясняя ихъ, пріискивая въ то же время съ тончайшею дальновидностью и причину, и конецъ. Такимъ образомъ по чудной иерѣ природы,

которую не рѣдко она позволяеть себѣ, и которою подтверждается истина такого сосредоточеннаго внутри себя существованія, — онъ могъ съ четырнадцатилѣтняго возраста, легко излагать такія мысли, глубину которыхъ, едва я понималъ, и то не совершенно, спустя долгое время.

Часто, говаривалъ онъ въ послѣдствіи, рассказывая мнѣ о своемъ чтеніи, часто я съ неописаннымъ услажденіемъ странствовалъ на одномъ словѣ, какъ на кораблѣ, по пучинамъ прошедшаго. Отправляясь изъ Греціи, я пріѣзжалъ въ Римъ и перелеталъ пространство лѣтъ современныхъ. Какую прекрасную книгу можно составить пересказывая жизнь и приключенія одного слова! Вѣроятно оно получило различныя впечатлѣнія отъ происшествій которымъ служило; потомъ смотря по мѣстамъ, отъ него возникали разнообразныя понятія; но не важнѣе ли еще тройственное разсматриваніе: души, тѣла и движенія слова? — Или отвлекая силу, дѣйствіе слова, — не значить ли утонуть въ океанъ мышленія, разсматривая его

только въ немъ самомъ? . . . Не цвѣтитъ ли большая часть словъ тою мыслию, которой вѣншиною жизнь они рисуютъ? . . . Чей умъ изобрѣлъ его? Если требуется много уметвенности чтобы создать одно слово, то какова же должна быть незримая давность языка человѣческаго? . . . Чрезъ соединеніе буквъ, ихъ вида, ихъ начертанія въ составъ слова, сквозить во всѣхъ земляхъ то невидимое существо, котораго образъ есть слово. — Не видимъ ли въ словѣ *vrai* какой-то родъ фантастической правоты, а въ краткомъ звукѣ его — необъятный образъ наготы и дѣвственной простоты *истиннаго* во всемъ. Какая-то особенная свѣжесть въ этомъ слогѣ! . . . Для примѣра я взялъ выраженіе понятія отвлеченнаго, не желая объяснить предложеніе словомъ, которое очень легко знакомитъ съ нимъ, — таково слово *tonpîquet*, гдѣ всё говоритъ чувствамъ. Не то ли же и каждый глаголь? . . . Всѣ они напитаны живою силою, (1) которую заимствовали отъ души, и опять ей возвращаютъ чрезъ таинственное дѣйствіе и чудное *отдѣйствіе* (2) между словомъ и

мыслию Такъ пламенный обожатель столько же любви почерпаетъ на устахъ своей любимицы, сколько самъ передаетъ ей. — Однимъ своимъ начертаніемъ, слова животворятъ въ нашемъ умѣ тѣ созданія, которыхъ они суть одежда, призракъ, оболочка Подобно всѣмъ существамъ, они имѣютъ свою сферу, и только въ ней вполне могутъ дѣйствовать и развивать ихъ свойства Но этотъ предметъ требуетъ можетъ быть особой науки! . . .

И онъ пожималъ плечами какъ бы желая сказать мнѣ:

— Мы всё и ничего! . . .

Впрочемъ, страсть Лудвига къ чтенію находила непрерывную пищу. Для его имѣлъ до трехъ тысячъ томовъ; и такое библиографическое сокровище ничего ему не стоило, потому что досталось послѣ ограбленныхъ во время революціи замковъ и монастырей. Старикъ въ санѣ священно-проповѣдника, — употребимъ его

собственное выраженіе, — за кусокъ хлѣба, могъ выбирать лучшія творенія изъ драгоценнѣйшихъ собраній, которые продавались на вѣсъ за самую бездѣлицу.

Въ теченіе трехъ лѣтъ, Лудвигъ Ламбергъ извлекъ сущность всѣхъ книгъ въ библіотекѣ своего дяди, которыя точно стоили труда, — прочесть.

Посредствомъ чтенія зоркость его понятій сдѣлалась въ немъ чуднымъ явленіемъ. Онъ разомъ окидывалъ семь и восемь строкъ, и умъ его обнималъ смыслъ ихъ съ быстротою равною быстротѣ взгляда. Часто одного слова въ періодѣ, достаточно ему было чтобъ уловить цѣлую мысль. — Память неимовѣрная. — Онъ помнилъ съ одинаковою точностію все: что пріобрѣлъ чтеніемъ, разговоромъ и размышленіемъ. Наконецъ, онъ зналъ наизусть мѣста, имена, слова, вещи и образы. И не только свободно припоминалъ по желанію предметы, но даже въ самомъ себѣ вновь усматривалъ ихъ, свѣтло, яс-

но, свѣжо, какъ бы въ первый разъ ему представились.

Такая сила памяти касалась и до едва ощутимыхъ дѣйствій разумѣнія. По словамъ его, онъ припоминалъ даже самый *покрой* мыслей въ книгѣ изъ которой извлекалъ ихъ, и всѣ расположенія души своей, даже самыя давнишнія. Посредствомъ такой, почти сверхъ естественной способности, память могла легко пересчитать ему всѣ ступени его успѣховъ и цѣлую жизнь ума, начиная отъ первоначальнаго понятія до послѣдняго развитія, отъ самой нестройной мысли до совершенной ясности. Умъ его съ дѣтства приученный къ такому трудному сосредоточенію внутреннихъ силъ человѣческихъ, вынималъ изъ этого обильнаго архива тму необычайныхъ образовъ, дѣйствительныхъ, свѣжихъ, которыми питался онъ во все время свѣтлыхъ созерцаній своихъ.

— Мнѣ стоитъ только, говаривалъ онъ на своемъ языкѣ, которому сокровищница памяти, придавала летучую оригина-

нальность, — мигъ стоитъ только зажмуриться, и — тотчасъ захожу внутрь себя: тамъ нахожу черную комнату, въ которой всѣ событія природы *отливаются* въ видѣ гораздо чистѣйшимъ того, въ какомъ они же представляются внѣшнимъ моимъ чувствамъ.

Уже на двѣнадцатомъ году, его воображеніе, изощренное непрерывнымъ упражненіемъ всѣхъ умственныхъ силъ, до того дошло, что смотрѣлъ ли онъ на что, или читалъ о томъ — вещи представлялись уму его съ одинаковою живостью, потому ли, что онъ доходилъ по сходству (*analogie*) или одаренъ былъ, — скажемъ — вторымъ зрѣніемъ, которымъ обнималъ природу.

Углубляясь такимъ образомъ въ чтеніе, онъ терялъ нѣкоторымъ родомъ сознаніе физической жизни своей; и существовалъ только всецѣльною работою внутреннихъ органовъ, которыхъ сила постоянно расширялась, *раздвигая*, по его словамъ, *передъ нимъ пространство*. Но я

не хочу говорить преждевременно обо всѣхъ измѣненіяхъ созерцательной жизни его, и даже противъ воли нарушилъ порядокъ постепеннаго развиванія исторіи такого человѣка, котораго дѣятельность перешла вся въ мысль, подобно какъ другіе всю мысль направляютъ въ дѣйствіе.

Непреодолимая охота влекла его къ мистическимъ сочиненіямъ.

— *Abyssus, abyssum*, часто повторялъ онъ мнѣ. Духъ нашъ бездна, улаждаемая только бездною! . . . Дѣти, мужи, старики, — всѣ мы алчемъ таинственнаго, подь какимъ бы видомъ ни представлялось.

Но, если позволено судить о жизни его по законамъ обычая, и мѣрять счастье по своему, или взвѣшивать предразсудками общества, то это пристрастіе было его пагубой. Такое влеченіе къ *вещамъ небеснымъ*, или говоря его любимымъ изрѣченіемъ, эта *mens divinior*, родилась отъ сильнаго вліянія первыхъ книгъ имъ прочитанныхъ у дяди. Святая Терезія и Го-

свожа Гіонъ служили ему продолженіемъ Библии; онъ то были начатками его ненасытнаго изученія и пріучили его къ этимъ живымъ отдѣльностямъ души для которыхъ изступленіе есть въ тоже время и причина и слѣдствіе. Этотъ вкусъ, это изученіе, возвысили сердце, очистили, облагородили его, дали ему *отвѣдать* божественной природы и сообщили всю тонкость почти женскую, которая становится инстинктомъ великихъ людей: ихъ превосходство, есть можетъ быть не иное что, какъ потребность самоотверженія отличающая женщину, влекомую ко всему великому. Это высшее стремленіе сохранило чистоту Лудвига въ школѣ; а чистота чувствъ непремѣнно содѣйствовала непрерывному утопченію умственныхъ способностей его.

Баронесса Сталь, сосланная за сорокъ миль отъ Парижа, остановилась на нѣсколько времени въ имѣніи лежащемъ близъ Вацдома. Однажды прогуливаясь она встрѣтила подъ оградой своего парка сына кожевника почти въ рубищѣ, глубоко по-

грузившагося въ чтеніе. Книга, которую читалъ онъ, была переводъ *Неба и Ада*.— Въ эту эпоху Сентъ-Мартинисты, Жансенисты и еще нѣсколько полунѣмецкихъ умовъ въ Имперіи Французской, одни только и знали имя Шведенборга. Изумленная Госпожа Сталь вырвала изъ рукъ у Лудвига книгу, съ тою опрометчивостію, которая иногда противъ воли сквозила въ ея вопросахъ, взглядахъ и во всѣхъ пріемахъ; и бросивъ на Ламберта пронизательный взоръ, —

Ты понимаешь это? . . . сказала ему.

— Вы молитесь Богу? спросилъ ребенокъ.

— По Да!

— А понимаете-ли вы Его?

Баронесса онѣмѣла. Потомъ съѣла во злѣ Ламберта, занялась имъ. По несчастію память моя хотя довольно обширна, однако не можетъ сравниться съ памятью мо-

его товарища ; и потому кромѣ первыхъ словъ я забылъ весь разговоръ ихъ.

Эта встрѣча сильно поразила Г-жу Сталь. Однако, по возвращеніи въ замокъ, она мало говорила объ ней, не смотря на потребность изліянія, часто перерождавшася у нее въ болтливость; — она была въ сильномъ раздумьи. Изъ живыхъ одна только особа припомнить это приключеніе; и недавно въ разговоръ съ нею я старался вывѣдать, что говорила тогда Госпожа Сталь; особа та съ трудомъ отыскала въ своей памяти одно только слово Баронессы на счетъ Ламберта:

— *Дѣйствительно это зрячій!*

Лудвигъ не оправдалъ въ глазахъ свѣта лестныхъ надеждъ покровительницы своей, и потому минутную привязанность ея къ нему сочли просто за женскую прихоть, столь свойственную умамъ необыкновеннымъ.

Госпожѣ Сталь непременно захотѣ-

лось отнять Ламберта у Императора и Церкви, и направить какъ говорила она, къ блестящему назначенію его ожидавшему.

По этому случаю, еще до отъезда своего, Баронесса поручила одному изъ своихъ друзей Господину Корбиньи, бывшему тогда Префектомъ въ Блоа, опредѣлить Лудвига въ известное время въ школу Вандомскую. Въ послѣдствіи вѣроятно забыла объ немъ. Поступивъ въ началѣ 1811 года четырнадцати лѣтъ, Ламбертъ долженъ былъ выдти изъ Вандома въ концѣ 1814 года по окончаніи курса Философіи. Впрочемъ, сомнѣвалось чтобы въ теченіе этого времени онъ получилъ какое нибудь воспоминаніе отъ благотельницы своей, если можно назвать благотѣяніемъ трехлѣтнюю плату за воспитаніе, безъ малѣйшаго попеченія о будущей участи ребенка, по прихоти сброшеннаго съ того поприща, на которомъ вѣроятно онъ былъ бы счастливъ.

Но справедливость требуетъ замѣтить,

что тогдашнія обстоятельства и дарованіе Ламберта могутъ совершенно оправдать безпечность и неизъяснимую щедрость Г-жи Сталь.

Посредникъ ея сношеній съ воспитанникомъ, оставилъ Блоа при самомъ выпускѣ его изъ школы. Конечно политическіе перевороты защищаютъ его отъ укоризны въ равнодушіи къ питомцу Баронессы.

И такъ она никогда болѣе не слышала о своемъ маленькомъ Моисеѣ. Столудоровъ, врученныхъ ею Г-ну Корбиньи, который, полагаю, и самъ умеръ въ 1812-мъ году, была не такая значительная сумма, чтобы хотя денежными издержками разбудить вниманіе Госпожи Сталь, кипучая душа которой нашла пицу, а замыслы пришли въ сильное броженіе, во время нежданной развязки 1814 и 1815 годовъ.

Въ это время Лудвигъ Ламбертъ былъ крайне бѣденъ, и слишкомъ гордъ,

чтобы гоняться за своєю благодѣтельницей, которая путешествовала тогда по всей Европѣ. Однако наконецъ рѣшился изъ Блоа пѣшкомъ идти въ Парижъ, въ надеждѣ увидѣться съ нею; но по несчастію, пришелъ туда въ тотъ самый день, когда Баронесса умерла. Два письма къ ней Ламбертовы остались безъ отвѣта. И такъ память добрыхъ намѣреній Госпожи Сталь въ пользу Лудвига уцѣлѣла только въ нѣкоторыхъ юныхъ головахъ, похожихъ на мою, и пораженныхъ чудесностію этого случая.



Надобно покрайней мѣрѣ побывать въ нашей школѣ, чтобы понять вліяніе *Новизка* на дѣтскіе умы наши, и особенное впечатлѣніе на насъ Ламбертоваго приключенія чисто Вандомскаго.

Здѣсь, я необходимо долженъ упомянуть о первоначальныхъ постановленіяхъ нашего заведенія, нѣкогда отчасти военнаго, отчасти монастырскаго, за тѣмъ, чтобъ подробно изъяснить новый образъ жизни, предстоявшій Ламберту.

Еще до революціи, орденъ Оратористовъ, подобно Іезуитскому, посвященный обществу воспитанію, имѣлъ въ своемъ вѣденіи множество провинціальныхъ заведеній, изъ которыхъ знаменитѣйшіе были школы: Вандомская, Турнонская,

Ляфлешская, Понт-ле-Войская, Сорезская и Жульинская. Вандомская, подобно другимъ, воспитывала известное число учениковъ для военной службы. Уничтоженіе учебныхъ заведеній опредѣленіемъ Конвента мало имѣло вліянія на школу Вандомскую. Послѣ перваго перелома правленія, она опять возстановилась. Нѣсколько Оратористовъ разсѣянныхъ по окрестностямъ возвратились и снова учредили ее, сохранивъ всѣ старинныя права, обычаи, давшія ей тотъ обликъ, которому нѣтъ подобія ни въ одномъ изъ лицеевъ, посѣщенныхъ мною по выпускѣ изъ Вандома.

Школа стоитъ среди города при маленькой рѣчкѣ Лоаръ, которая омываетъ собою главное зданіе. Она обнесена обширною оградой тщательно запертою, въ которой заключены всѣ принадлежности необходимаго заведенію этого рода: — домовая церковь, театръ, больница, пекарня, сады, водоемы. Школа эта, — богатѣйшій разсадникъ умовъ, какіе только есть въ средоточіи Франціи, — поддерживается иждивеніемъ многихъ провинцій и

даже нашихъ колоній. Отдаленіе не позволяетъ родителямъ часто прїѣзжать туда для свиданія съ дѣтьми; къ тому же отъездъ въ каникулы возбраненъ уставомъ, и воспитанники разъ вступившіе выходятъ изъ нее только по окончаніи полного курса.

За исключеніемъ прогулокъ внѣ школы подъ надзоромъ монаховъ, прочее устройство этого дома придавало ему всѣ выгоды порядка монастырскаго.

Въ мое время, Корректоръ былъ еще въ свѣжей памяти. Класная мѣдная ферула съ честью отправляла страшное служеніе свое. Паказанія, издавна выдуманная Іезуитами, равно ужасныя и нравственно и физически, оставались во всей неприкосновенности старинной программы. Особый день назначенъ былъ для писемъ къ родителямъ и для исповѣди; тогда и грѣхи и чувствованія наши имѣли правильную форму. — Все отсвѣчивалось монастырскимъ однообразіемъ. Между прочими остатками стариннаго постановле-

ніа, я припоминаю смотръ, который веѣмъ намъ дѣлали по Воскресеньямъ. Вытянувшись въ рядъ какъ солдаты, мы ожидали двухъ директоровъ, которые въ сопровожденіи учителей и поставщиковъ дѣлали тройственный смотръ: платя, тѣла и души.

Двѣсти или триста воспитанниковъ, помѣщавшихся въ школъ, раздѣлялись по прежнему уложенію на четыре степени: *Малолѣтныя, Малыя, Среднія и Старшія.*

Отдѣленіе Малолѣтныхъ занимало классы, называвшіяся *осьмой и седьмой*; Малыя, — *шестой, пятый и четвертый*; Среднія, *третій и вторый*; а Старшія: *Риторикъ, Философію, Высшую Математику, Физику и Химію.*

Каждое изъ этихъ отдѣленій имѣло свое помѣщеніе, свои классы и дворъ на общемъ обширномъ мѣстѣ; всѣ учебныя комнаты примыкали и выходили въ общую столовую. Эта транеца, достойная древнихъ монастырей, вмѣщала всѣхъ уче-

никовъ. Вопреки другимъ учебнымъ уставамъ, за столомъ могли мы разговаривать. Такая христіанская терпимость позволяла мѣняться кушаньями, смотря по нашему вкусу.

Если изъ Среднихъ, сидѣвшій на главномъ мѣстѣ, предпочиталъ горохъ пирожному, — намъ всегда подавали пирожное, — то слѣдующій вызовъ перелеталъ по столовой:

— *Пирожное за горохъ!* пока найдется охотникъ. Доля гороху отправлялась по пересылкѣ до желающаго, а его пирожное, такимъ же порядкомъ поступало на мѣсто гороху, — и всегда исправно. Если случалось много сходныхъ пересылокъ, то каждая шла подъ своимъ номеромъ и тогда говорили:

Первый горохъ за первое пирожное.

Столы были у насъ предлинныя, безпрестанная мѣна кушаньями способствовала шумному движенію, и мы говорили,

бли и дѣйствовали съ бѣглостью безирри-
мѣрной. Говоръ трехъ сотъ мальчиковъ,
появленіе и уходы слугъ, перемѣняющихъ
тарелки, приносящихъ кушанье и подаю-
щихъ хлѣбъ, выговоры начальниковъ,
представляли зрѣлище единственное въ
своемъ родѣ, удивлявшее всѣхъ посѣтите-
лей.

Чтобъ усладить нѣсколько отчужден-
ную жизнь нашу, лишенную материнскихъ
ласкъ и всякаго сообщенія съ вѣшно-
стью, святые отцы позволяли намъ дер-
жать голубей и разводить сады. Вотъ по-
чему двѣсти или триста шалашей нагоро-
женныхъ нами, тысячи голубиныхъ гнѣздъ
вокругъ нашей недоступной стѣны и трид-
цать садовъ, являли взгляду *нѣчто*, еще
любопытнѣйшее нашихъ обѣдовъ.

Можно легко наскучить, исчисляя всѣ
подробности, которыя школы Вандомской
даютъ очеркъ такой оригинальный и обиль-
ный воспоминаніями для питомцевъ ея.
Однако не смотря на горести ученичества,
— кто изъ насъ не вспомнить съ востор-

гомъ всѣхъ причудъ этой отшельнической жизни! Напримѣръ: покупка съѣстнаго тайкомъ во время прогулокъ, позволеніе играть въ карты и на театрѣ въ каникулы, — позволеніе необходимое въ затворничествѣ. Потомъ, наша военная музыка, — остатки кадетства; наша Академія, домовая церковь, наши отцы наставники. Наконецъ, особенныя игры дозволенныя и запрещенныя: кавалерія ходулей, катанье на копыкахъ, топотня старинныхъ галошъ, и въ особенности торговля производимая въ лавочкѣ, нарочно для этого устроенной во внутренности нашихъ дворовъ. Хозяинъ лавки былъ нѣкто въ родѣ Господина Якова, у котораго всё можно было купить, — отъ соуса изъ голубей, которыхъ мы убивали, до глиняныхъ горшковъ, въ которыхъ сберегали для завтрака къ другому дню рисъ, остававшійся отъ ужина. — Рѣзкія черты дѣтскаго быта!

И такъ нарисовавъ себѣ отдѣльность этой огромной школы со всѣми монастырскими принадлежностями, расположенной среди маленькаго городка, и че-

тыре парка въ которыхъ мы іерархически затворничали, — можно вообразить — каково для насъ было появленіе *Новишка*, выходца изъ другаго свѣта. Никогда новобрачная, представленная ко Двору, не подвергается такому ѣдкому разбору, какую передѣлку выносить *Новичекъ* отъ всѣхъ товарищей своего отдѣленія.

По обыкновенію, во время вечернихъ роздыховъ до молитвы, льстецы-искатели, привыкшіе заводить розказни съ очереднымъ изъ двухъ монаховъ, которымъ поручень еженедѣльный за нами надзоръ, первые получали это офиціальное извѣстіе:

— Завтра у васъ *Новичекъ*! . . . Въ одну минуту отголоски: *Новичекъ*! *Новичекъ*! разлетаются по всѣмъ дворамъ. Тогда мы отсюду сбѣгались въ одно мѣсто и толпясь вокругъ надзирателя неотвязно допрашивали:

— Откуда онъ? Какъ зовутъ? —

Въ который классъ поступить? и проч.

Такъ и прибытіе Луденга Ламберта, было неизчерпаемою темой сказокъ въ родъ *Тысячи и Одной Ноги*.

Тогда я былъ еще въ малыхъ, четвертаго класса. Мы звали надзирателей своихъ, по преданію, отцами. Дѣйствительно, въ мое время было въ Вандомѣ только четверо настоящихъ Оратористовъ, которые законно носили этотъ санъ. Въ 1814 году они оставили школу, во время ея постепеннаго превращенія изъ духовной въ свѣтскую, и выбрали своимъ убѣжищемъ сельскіе приходы, по примѣру священника Мера.

Отецъ Гогульть, очередной надзиратель, человекъ добрый, но небольшихъ свѣденій, которому даже недоставало смѣливости различать свойства дѣтей и соразмѣрять наказанія по ихъ силамъ; — этотъ то отецъ Гогульть началъ намъ Лаксеново рассказывать чудеса объ удивитель-

пѣйшемъ изъ Новичковъ, который завтра
лвится.

Тотчасъ игры прекратились. Водвори-
лось глубокое безмолвіе, и всѣ Малыя жа-
дно слушали приключеніе Лудвига Лам-
берта, котораго Госпожа Сталь нашла,
какъ аеролита, въ углу лѣса.

Отецъ Гогульть долженъ былъ изъ-
яснить намъ Госпожу Сталь. И въ этотъ
вечеръ она казалась мнѣ въ десять футъ.
Въ послѣдствіи я видѣлъ портретъ Корин-
ны, — кисть Жерарда представила её и
высокою и прекрасною; но идеальная жен-
щина, рисовавшаяся воображеніемъ моимъ,
до такой степени превосходила настоящую
Госпожу Сталь, что она совершенно по-
губила себя въ умѣ моемъ, даже и по
прочтеніи превосходной книги:—*Германія*.

Но тогда Ламбертъ былъ другое чудо!

Проекзаменовавъ его, рассказывалъ
отецъ Гогульть, Г-нъ Марешаль, Инспек-
торъ классовъ, остался въ перъшимости,

куда помѣстить его: къ старшимъ нельзя, потому что Лудвигъ слабъ въ Латинскомъ языкѣ, и по той причинѣ его отведутъ въ четвертый, предоставляя право ежегодно переходить изъ класса въ классъ.

Сверхъ того онъ долженъ считаться Академикомъ! . . . *Proh pudor!* И такъ мы удостоимся чести имѣть между *Малыши*, одного, украшеннаго алою лентой; — всѣ Вандомскіе Академики носили такое отличіе. Они пользовались блестящими правами: частыми обѣдами за директорскимъ столомъ, два раза въ годъ держали литературныя собранія, на которыхъ мы присутствовали съ восхищеніемъ, чтобы слушать ихъ произведенія. Однимъ словомъ Академикъ былъ въ маломъ размѣрѣ великой человѣкъ. Пусть каждый Вандомецъ откровенно сознается, что въ послѣдствіи, — дѣйствительный членъ настоящей Академіи Французской менѣе занимаетъ его, чѣмъ ребенокъ-исполнѣе, пожалованный крестомъ и волшебною алою лентою, — этими отличіями нашей Академіи.

Но чтобъ понять всю важность этой чести надобно знать напередъ, что не прошедши нижней степени, мудрою принадлежать къ такому знаменитому сословию; — Академики были обязаны читать намъ сказки въ стихахъ или прозѣ, отрывки, посланія, разсужденія, Трагедіи, Комедіи, труды, запрещаемыя дѣтскому понятію низшей степени заведенія.

Долго не могъ я позабыть сказки *Зеленый Осель*, которая по мнѣнію моему, есть самое видное произведеніе этой невидимой Академіи.

Въ четвертомъ классѣ быть Академикомъ! и между нами будетъ четырнадцатилѣтній удивительный поэтъ, любимецъ Госпожи Сталь, будущій геній, и, прибавилъ отецъ Гогультъ, чародѣй, изобрѣтатель, способный кончить задачу или сложить стихи, пока скликаютъ въ классъ, и съ разу выучить урокъ. — Лудвигъ Ламбертъ обморочилъ насъ. Къ тому же любопытство отца Гогульта, его собственное нетерпѣніе увидѣть поскорѣ новаго

питомца, подливало только масла на наши всыхнувшіе умы.

— Если онъ вздумаетъ завести голубей, то нѣтъ для него шалапа; даже нѣтъ мѣста. Тѣмъ хуже! сказалъ одинъ изъ насъ, сдѣлавшійся въ послѣдствіи великимъ земледѣльцемъ.

— Возлѣ кого помѣстятъ его? спросилъ другой.

— О какъ бы желалъ я *сдружиться* съ нимъ, нѣкто вскричалъ съ энтузіазмомъ.

Трудно перевести значеніе ученическаго слова *сдружиться*. Оно во всѣхъ отношеніяхъ выражало братскій раздѣлъ счастья и несчастья нашей дѣтской жизни, обѣтъ взаимныхъ выгодъ при удачахъ и потеряхъ, договоръ союза наступательнаго и оборонительнаго. Странно! никогда въ мое время я не зналъ родныхъ братьевъ такъ *сдружившихся*. Человѣкъ живетъ только чувствами и можетъ быть онъ бо-

ится объднѣть, смѣшивая нѣжность пріобрѣтенную съ горячностію естественною.

Впечатлѣніе произведенное во мнѣ въ тотъ вечеръ отцемъ Гогультомъ было чрезвычайно живо, и я могу его примѣнить развѣ къ чтенію *Робинсона Крузе*. . . . Даже въ послѣдствіи, помощію воспоминанія этихъ чудесныхъ ощущеній, я сдѣлалъ открытіе, можетъ быть новое, — различныхъ дѣйствій, производимыхъ словами на умы. Въ словѣ нѣтъ силы независимой. — Мы сильнѣе надъ нимъ чѣмъ оно надъ нами. Сила его пропорціональна толщѣ образовъ, которыми окружаемъ его. Но изученіе такого явленія требуетъ глубокихъ развитій, не принадлежащихъ сюда:

Потерявъ сонъ, я долго спорилъ съ сосѣдомъ моимъ въ спальнѣ, о загадочномъ существѣ, которое должно завтра же явиться между нами; и мы дѣлали на счетъ его предлинные розыски. Этотъ сосѣдь, углубленный подобно мнѣ въ метафизическіе вопросы, часто говаривалъ со

мною о Богѣ, человекѣ и природѣ. Онъ даже притворялся невѣрующимъ, и всѣми мѣрами желая выдержать свою ролю, съ упрямствомъ отрицалъ дарованія Ламбертовъ, тогда какъ я лишь только кончивъ чтеніе *Жизни знаменитыхъ дѣтей*, закидалъ его рѣзкими доказательствами, ссылаясь на маленькаго Монткальма, Пикъ де-ла-Мирандоля, Паскаля и другихъ умовъ, преждевременно развившихся, предшественниковъ Ламберта, составляющихъ исключеніе въ Исторіи ума человѣческаго.

Я и самъ тогда былъ пристрастенъ къ чтенію. Отецъ мой желая видѣть меня въ Политехнической школѣ, платилъ особенно за мои математическіе уроки. И потому-то мой репетиторъ, а вмѣстѣ и библіотекаръ нашего училища, позволялъ мнѣ брать книги, ни мало не заботясь о томъ, какія выбиралъ и уносилъ я изъ библіотеки, этого мирнаго убѣжища, гдѣ во время роздыховъ, онъ давалъ мнѣ уроки. Я полагаю, что онъ былъ одно изъ двухъ или совсѣмъ недалековидень, или весь

погруженъ въ какое нибудь важное предпріятіе, потому что охотнѣе позволялъ мнѣ читать въ часы назначенные для повторенія, а самъ работалъ не знаю надъ чѣмъ. Впрочемъ, наше нѣмое условіе было для обоихъ довольно пріятно, — я не жаловался на него, что не училъ меня, а онъ молчалъ о моемъ похищеніи книгъ.

Безвременно увлекаемый этимъ пристрастіемъ, я пренебрегалъ науками, только и сочинялъ поэмы, которыя правду сказать, не обѣщали успѣховъ, если я посужу о нихъ по этому длинному стиху, такъ прославленному моими товарищами, и которымъ начиналась Эпопея объ Инкахъ:

О Инка! Инка, царь несчастный, злополучный!

За это я прослылъ *Постомъ*, — насмѣшки не исправляли меня. Съ утра до вечера я мучился надъ рѣчами, презирая мудрый совѣтъ Г-на Маршала, нашего Инспектора, который всѣми силами старался исцѣлить меня отъ такой заразы, намѣкая баснею: несчастія наказанной ма-

липовки, упавшей изъ своего гнѣзда отъ нетерпѣливаго желанія летать безъ крыль. Но я продолжалъ свое чтеніе и сдѣлался въ отдѣленіи Малыхъ, ученикомъ самымъ безпечнымъ, лѣнивымъ, задумчивымъ, и за то чаще всѣхъ подвергался наказанію.

Такое автобіографическое отступленіе отъ главной цѣли должно дать понятіе какъ были настроены мои мысли во время прибытія Ламберта. Тогда мнѣ исполнилось двѣнадцать лѣтъ. Въ одинъ мигъ я ощутилъ какое-то неопредѣленное сочувствіе къ этому ребенку, почти одинаковыхъ со мною склонностей; — такъ судьба готовила мнѣ спутника думъ и размышленій. Не понимая еще что такое слава, я почиталъ за славу имѣть своимъ товарищемъ питомца, которому Госпожа Ставъ готовила безсмертіе. Лудвигъ Ламбертъ представлялся мнѣ гигантомъ.

Ожидаемое утро наступило. Передъ завтракомъ мы усаживали на нашемъ пустынномъ дворѣ двоившійся гуль шаговъ Г-на Маршала и Новичка! . . . Тотчасъ всѣ головы машинально обернулись къ дверямъ класса. Отецъ Гогультъ, котораго любопытство судорожилось не меньше нашего, забылъ даже по обыкновенію свисткомъ унять общій шопотъ нашъ и вовсе не принуждалъ заниматься. Тогда-то мы увидѣли этого знаменитаго гостя, котораго Г-нъ Маршалъ держалъ за руку. Надзиратель тотчасъ сошелъ съ кафедры, а Инспекторъ слѣдуя положенному обряду торжественно произнесъ:

— Вотъ, милостивый государь, вручаю вамъ Лудвига Ламберта. Вы помѣстите его въ четвертый классъ. Завтра онъ начнетъ учиться.

Потомъ поговоря тихонько съ надзирателемъ, онъ громко сказалъ:

— Куда же вы посадите его?

Несправедливо было бы для новаго воспитанника перемѣщать прежнихъ, и какъ оставалось одно только пустое мѣсто, то Лудвигъ и занялъ его возлѣ меня; — я былъ послѣдній въ классѣ.

Несмотря на срочные уроки, мы всѣ приветали чтобы хорошенько оглядѣть Ламберта. Г-нъ Марешаль видя это сказалъ раземѣявшись:

— Покрайней мѣрѣ будьте умны и не разстраивайте другихъ классовъ.

Такія благосклонныя слова дали намъ полную свободу на нѣсколько времени до завтрака, и между тѣмъ какъ Г. Марешаль расхаживалъ съ отцемъ Гогультомъ по двору, мы толпою окружили Ламберта.

Насъ было счетомъ восемьдесятъ бѣсепять, хищныхъ какъ ястребы. И хотя

мы всё въ свою очередь прошли чрезъ эту жестокую пытку обновленія, однако не щадили ни одного новичка, — насмѣшки, допросы и самыя грубости со всѣхъ сторонъ сыпались на бѣдняжку для испытанія его нрава, силы и свойствъ.

Ламбертъ спокойный или оглушенный, не отвѣчалъ ни на одинъ изъ нашихъ вопросовъ. Тогда кто-то изъ насъ сказалъ: видно онъ только что выпущенъ изъ Пифагоровой школы, и общій смѣхъ раздался повсюду. Такимъ образомъ новаго питомца звали *Пифагормъ* во все пребываніе его въ училищѣ. Однако проинцательный взглядъ Ламберта, и презрѣніе, сквозившее на лицѣ его къ нашимъ ребяческимъ шуткамъ, противнымъ свойству его ума, свободное положеніе въ которомъ онъ умѣлъ остаться, его видимая сила отвѣчавшая возрасту, внушили къ нему даже въ самыхъ негодныхъ изъ насъ, какое-то неизъяснимое уваженіе. Что же касается до меня, то не говоря ни слова и обратясь въ зрѣніе, я весь былъ погруженъ въ него.

Людвигъ былъ худощавъ и нѣжнаго сложенія, вышиною четырехъ футовъ съ половиною. Лице и руки, загорѣвшіе отъ солнца, казалось уличали его въ крѣпости тѣлесной, которой, въ послѣдствіи оказалось, онъ не имѣлъ. А потому черезъ два мѣсяца по вступленіи своемъ въ школу, когда отъ пребыванія въ классѣ загаръ сошелъ, онъ сталъ блѣденъ и бѣлъ какъ дѣвочка. Голова его была замѣтно велика. Прекрасные черные волосы, рассыпавшіеся пучками кудрей, придавали лбу его прелесть невыразимую, размѣръ котораго, заключалъ въ себѣ нѣчто необыкновенное, даже для насъ, впрочемъ очень безпечныхъ къ указаніямъ черепологіи. Красота этого пророчественнаго лба въ особенности происходила болѣе отъ встрѣчи, чрезвычайно чистой и пріятной, двухъ сводовъ, изъ подъ которыхъ блистали его черные глаза, какъ будто вставленные въ алебастръ, и линіи которыхъ, что очень рѣдко, сохраняли совершенную параллельность при самомъ началѣ носа. Впрочемъ, трудно было заниматься подробностями его наружности довольно неправильной,

взглянувши на его глаза, которыхъ взоръ такъ полонъ былъ величественнаго разнообразія въ выраженіи. Попеременно, то лениый и проникательный до удивленія, то свѣтящій небесною кротостію, взоръ этотъ мгновенно становился тусклымъ, безцвѣтнымъ, въ тѣ минуты когда онъ погружался въ созерцаніе, и тогда именно, его глазъ уподоблялся стеклу, въ которомъ солнце блеснуло и скрылось. Таково было въ немъ и всё прочее, сила тѣлесная совершенно первическая, гибкость органовъ: — таже подвижность, тѣ же неравности. Голосъ его, сладкій какъ мелодическій утренній голосъ любви на ложь пѣнги, становился иногда жесткимъ, шероховатымъ, сжатымъ, если только можно употребить эти слова, чтобы выразить небывалыя дѣйствія. Что же касается до его силы, онъ не могъ выносить усталости самаго малѣйшей игры, и видимо былъ немощенъ и хилъ. Однако въ первые дни Лудвигова вступленія, одинъ изъ нашихъ храбрецовъ посмѣялся надъ такою болезненною слабостію, которая дѣлала его неспособнымъ къ сильнымъ гимнастическимъ

упражненіямъ , столь обыкновеннымъ въ учебномъ заведеніи, — Ламбертъ взялъ обѣими руками за конецъ одного изъ нашихъ столовъ , заключающихъ въ себѣ двѣнадцать большихъ ящичковъ сдѣланныхъ въ два ряда со скатомъ , потомъ уперся на ректорскую кафедру и удерживая столъ ногами за нижнюю перекладину :

— Становитесь десятеро , и попробуйте сдвинуть . . . сказалъ онъ .

Я былъ при этомъ , и могу подтвердить такой невѣроятный опытъ : не было возможности вырвать у него столъ . Ламбертъ казалось имѣлъ даръ , въ нѣкоторыя минуты призывать въ себя сверхъ естественную власть , или сосредоточивать все силы свои на данный предметъ .

Но дѣти , точно также какъ и люди , привыкшіе обо всемъ судить по первому впечатлѣнію , изучали Лудвига только въ первые дни опредѣленія его . Вскорѣ онъ совершенно опровергъ предсказанія Г-жи Сталь , не осуществивъ ни одного изъ

тѣхъ чудесъ, которыхъ мы ожидали. Потомъ черезъ три мѣсяца Ламбертъ прослылъ за ученика самаго обыкновеннаго. Одинъ только я проникъ въ глубину этой превосходной души. Можетъ ли что быть ближе къ божеству какъ не гений въ сердцѣ отрока?

Свычка и сходство вкусовъ и мыслей нашихъ *сдружило* насъ. Наша братская нѣжность дошла до того, что наконецъ имена наши, слитыя вмѣстѣ, никогда не произносились одно безъ другаго. Чтобъ кликнуть изъ насъ когонибудь — товарищи кричали: *Поэтъ-и-Пиоагоръ!* . . . Таковъ школьный обычай; и не къ однимъ намъ онъ относился: были и другія имена въ примѣръ подобнаго супружества.

Такимъ образомъ въ школѣ я прожилъ два года въ неразрывной дружбѣ съ бѣднымъ Лудвигомъ Ламбертомъ, и былъ столь тѣсно связанъ съ нимъ, что мнѣ нельзя теперь не написать очеркъ созерцательной жизни его.

Долго, долго я не зналъ сокровищъ и поэзіи таившихся въ сердцѣ и головѣ моего товарища. Мнѣ надлежало достигъ тридцатипятилѣтняго возраста, наблюдательности моей созрѣть и сплотиться; надлежало лучу свѣта самаго живаго снова озарить её, и только тогда я могъ понять весь объемъ явленій, которыхъ былъ прежде неопытнымъ свидѣтелемъ; тогда я игралъ лишь ими безогчетно, увлекался, не разумѣя ни мѣры, ни механизма ихъ; а нѣкоторые и совсѣмъ забылъ кромѣ самыхъ рѣзкихъ. Нынче только, переносясь мысленно въ блаженные дни юной дружбы нашей, память моя оцѣнила ихъ, — и я допущенъ въ таинства этой плодovitой головы. И такъ одно только время растолковало мнѣ значеніе причинъ и событий которыми обилуетъ эта жизнь невѣдомая, подобно жизни многихъ другихъ, также погибшей для просвѣщенія. Поэтому-то найдется много обмолвокъ въ выраженіяхъ и оцѣнкѣ вещей этого біографическаго отрывка, анахронизмовъ чисто нравственныхъ, которые однако, по-

лагаю, не повредят его удальной заманчивости.

Въ первые же мѣсяцы жизни въ Вандомѣ, Лудвигъ сдѣлался добычею болѣзни, сущность которой была недоступна для нашихъ надзирателей; эта болѣзнь ужаснымъ образомъ глушила развитіе его высокихъ способностей. Привыкнувъ къ свѣжему воздуху, къ независимости собственнаго ученія, къ нѣжнѣйшимъ ласкамъ и попеченіямъ старца, который взлелѣвалъ его, пріучившись размышлять подъ открытымъ солнцемъ, онъ при всемъ насилуваніи себя, не могъ изгибаться подъ тяжестью школьнаго устава; (3) жить въ четырехъ стѣнахъ, гдѣ восемьдесятъ мальчиковъ смиренненько сидѣли на деревянной скамейкѣ, каждый у своего ящика. Его чувства, до чрезвычайности тонкіе страдали отъ всего въ такой утѣшенной жизни. Духота неизбѣжная въ многолюдіи, смрадъ комнаты всегда неопытной и заваленной скопищемъ съѣстныхъ остатковъ отъ завтрака и ужина, мертвили его обоняніе, это чувство, которое, такъ ска-

затѣ, крѣпче прочихъ соткано съ мозговымъ составомъ, и производили величайшее потрясеніе въ его мысляхъ, переламывая ихъ во вышность. Кромѣ порчи воздуха въ нашихъ учебныхъ залахъ были заведены норки, куда каждый пряталъ свою добычу; напримѣръ, я часто видѣлъ тамъ битыхъ голубей, приготовленныхъ къ празднику, или кушанья украденныя изъ столовой. Наконецъ въ нашихъ залахъ стоялъ огромный камень и въ немъ во всякую пору двѣ полныя кадки, къ которымъ мы каждое утро приходили по очереди мыть лице и руки въ присутствіи надзирателей. Оттуда насъ вели къ столу, гдѣ женщины чесали и пудрили насъ. А какъ наше жильё обметалось однажды въ сутки, то поутрамъ, до пробужденія нашего, оно всегда было въ грязи, и не смотря на множество оконекъ и вышину дверей, воздухъ задушался безпрерывнымъ напареніемъ отъ кадокъ, прически, порока и тысячи затѣй ученическихъ, — да насъ восемьдесятъ.

Недостатокъ въ чистомъ и благораз-

творенномъ воздухѣ полей и лѣсовъ, въ которыхъ онъ выросъ, переменна привычекъ, порядокъ, строгости, — всё это тяготило Ламберта. Всегда облокотясь на свой столикъ, и склоня голову на свою лѣвую руку онъ проводилъ часы ученья, смотри на дворъ, на листья древесные или на облака яснаго неба. Иногда казалось, быть углубленъ въ заданные уроки; но видя неподвижность его руки съ перомъ или страницу тетради совсѣмъ чистую, ректоръ кричалъ ему:

— Ты ничего не дѣлаешь Ламбертъ! ...

Такое: — *Ты ничего не дѣлаешь!* ... пущенное какъ стрѣла людьми, которые никогда не могли равняться съ нимъ въ познаніяхъ, щемило сердце Ламберта.

Далѣе, — онъ не зналъ досугу во время роздыховъ; — вѣчно писалъ *repsit*. Это *repsit*, наказаніе, въ каждой школѣ свое, — въ Вандомѣ составляло нѣсколько строкъ, переписываемыхъ въ часы роздыха. Ламбертъ и я такъ были отягощены этимъ *repsit*, что не имѣли

шести дней свободныхъ въ продолженіе нашей двухлѣтней дружбы; и если бы не уносили потихоньку изъ библіотеки книгъ, то такая система существованія довела бы насъ до самой крайней одурѣлости.

Мы навлекали на себя *repsum* всякимъ образомъ.

Память наша была такъ остра, что мы вовсе не учили уроковъ. Довольно было прослушать когда товарищи отвѣчали заданное на Французскомъ, Латинскомъ языкахъ или изъ грамматики, — и мы уже знали; но если по несчастію учителю вздумывалось нарушить обыкновенную очередь и спросить насъ первыхъ, — то мы часто даже не знали въ чемъ состоятъ урокъ. И *repsum* постигали насъ, не взирая на всё искусство отговорокъ.

Наконецъ, мы всегда выполняли обязанности свои въ послѣднія минуты срока. Хотѣлось ли кончить книгу, или просто пометать? — обязанность забыта — новый источникъ для *repsum*!

Сколько разъ мы составляли свои переводы, именно въ то время пока *Старшій*, для того назначенный, отбиралъ ихъ у каждаго начиная съ перваго!

Но къ нравственнымъ препятствіямъ Ламберту *уприродиться* (s'acclimater) въ школу, присоединилась еще другая школа, не менѣе тяжкая, черезъ которую мы все прошли — школа болѣзней тѣлесныхъ, для насъ измѣнявшаяся до безконечности.

Тонкость дѣтской кожи требуетъ непрерывныхъ попеченій, особенно зимой, когда понуждаемые безчисленными причинами, они мѣняютъ ледяную атмосферу грязнаго двора на знойную теплоту классовъ. И такъ за недостаткомъ материнскаго вниманія, котораго Повички вдругъ лишаются, у Малолѣтнихъ и Менишихъ на ознобленныхъ мѣстахъ дѣлалась жестокая опухоль и трещины столь болѣзненные, что требовали во время завтрака особенной перевязки, впрочемъ неисправной за множествомъ отмороженныхъ рукъ, пальцевъ и пятъ. Къ тому же иныя дѣти изъ

крайности предпочитали болѣзнь леченію. Какъ утерпѣть и между дѣломъ не сбѣгать на катокъ? — При томъ же, въ школь завелась мода смѣяться надъ бѣдняками ходившими на перевязку, и дразнить ихъ ветошками, которыми закутывали имъ руки. Такъ-то зимою многіе изъ насъ, съ оцѣпенѣвшими пальцами и полумертвыми ногами, не могли работать отъ боли, и подвергались наказанію, потому что не работали. Бывая часто игрушкою притворныхъ болѣзней, святой отецъ не вѣривъ и дѣйствительнымъ.

Плата вносимая каждымъ ученикомъ, обращалась на ихъ содержаніе подъ распоряженіемъ училища, правительство котораго, имѣло обычай назначать срокъ обуви и платы: отсюда тотъ недѣльный смотръ, о которомъ я уже упоминалъ. Но этотъ обычай, полезный для надзирающаго, имѣлъ всегда плачевныя слѣдствія для надзираемаго. Бѣда тому малолѣтнему, у котораго вкоренилась дурная привычка стаптывать и драть башмаки. Для такихъ, въ продолженіе зимы, всякая ходь-

ба становилась мучительною. — Часто протоптанныя пятки мѣшали проклятой обуви держаться на ногѣ ребенка, который въ этомъ случаѣ принужденъ былъ съ великимъ трудомъ волочить её по скользкой дорогѣ, а иногда вытаскивать изъ грязи. Наконецъ, вода и снѣгъ свободно проходили сквозь незамѣтныя пробонны или носокъ худо сдѣланный, — и ноги пухли. Изъ шестидесяти дѣтей едва было десять, которые могли ходить не хромя, и между тѣмъ все тащились увлекаясь толпою, подобно какъ жизнь увлекаетъ человѣка къ жизни. Сколько разъ великодушный ребенокъ плакалъ отъ досады, истощая остатокъ силы, чтобъ опередить другихъ или дотащиться домой, не смотря на все муки; до такой-то степени и въ этомъ возрастѣ, душа, впрочемъ еще неопытная, боится насмѣшки и состраданія, равно мучительныхъ. Въ школѣ тоже что и въ свѣтѣ, сильный презираетъ слабого, не понимая въ чемъ состоитъ истинная сила.

Этого мало. — Новая боль, новая це-

чаль. — Ни у кого нѣтъ перчатокъ. Случалось, — родители, надзиратель или инспекторъ давали перчатки самому слабому между нами, то старшіе въ классѣ вѣшали эти перчатки на печку, чтобъ засушить ихъ; забавлялись, швыряли; еслижъ они и избѣгали своихъ гонителей, то размокали и коробились отъ перадвѣнія. Однимъ словомъ, нельзя было завести перчатокъ. Перчатки означали предпочтеніе, — а дѣти хотятъ быть равными.

Такія-то различныя страданія угнетали Лудвига Ламберта. Подобно всѣмъ глубокимъ мыслителямъ, которые въ тишинѣ своихъ думъ, пріобрѣтаютъ привычку какого нибудь машинальнаго движенія, у него была страсть играть башмаками, и отъ того въ короткое время онъ ихъ изнашивалъ. При томъ его губы, тонкая и нѣжная кожа на лицѣ, трескались отъ малѣйшаго холоду; его мягкія и бѣлыя руки краснѣли и костенѣли; — безпрестанно простужался, безпрестанно страдалъ, пока не привыкъ къ Ван-

домскому быту. Но со всею страдальческою опытностью, все таки ему трудно было, говоря по николюму, думать о своих *дѣлахъ*. Ему надлежало заботиться о своей норкѣ, столикѣ, платкѣ, башмакахъ; беречь чернилы, книги, тетради, перья, наконецъ, — заниматься всѣми мѣлочами, принадлежащими къ дѣтскому существованію, въ которыя съ неимоверною точностію вникали посредственные и себялюбивыя головы, похищавшія тѣмъ награду первенства и добронравія; но о нихъ никакъ не могъ заботиться ребенокъ исполненный будущаго и влекомый, подъ игомъ блестящаго воображенія, стремительнымъ потокомъ мыслей.

Не все еще. Между учителями и учениками вѣчная борьба, борьба безъ отдыха, которой нѣтъ ничего подобнаго въ обществѣ, — развѣ только борьба оппозиціи съ министерствомъ въ представительномъ правленіи. Но тамъ журналисты и ораторы оппозиціи, не такъ можетъ быть отважны въ удачахъ, не такъ жестоки въ

укорахъ при неудачѣ, не такъ язвительны въ насмѣйкахъ, — какъ дѣти со своими приставниками. Для этой должности не достанетъ и ангельскаго терпѣнія; нельзя много и требовать отъ бѣднаго пастыря, мало награждаемаго за уроки его, иногда перасторопнаго, — если онъ выдетъ изъ себя и надѣлаетъ несправедливостей. Тысяча язвительныхъ взоровъ стережетъ его, — силки на каждомъ шагу — мудрено-ли что онъ вымѣщаетъ дѣтямъ, слишкомъ зоркимъ на его промахи. — Ферула, какъ естественное наказаніе за великія шалости, была въ Вандомѣ, — *ultima ratio Patrum*. Забвеніе обязанностей, невслушанные уроки, разныя шалости, получали *pensum*. Но оскорбленное самолюбіе учителя всегда изъяснялось ферулою.

Изъ всѣхъ нашихъ страданій физическихъ, самое жестокое доставалось намъ отъ этой мѣдной дощечки шириною въ два пальца, которая переводила на наши слабыя руки всю силу, всю досаду раздраженнаго приставника. Для полученія этой классической корректуры, виноватый

становился на колѣни среди залы. Сперва надлежало сойти со скамейки, приколѣниться у каѳедры, и выносить любовныя, а часто и насмѣшливые взгляды товарищей. Для чувствительныхъ душъ такия приготовленія были двойная казнь, почти подобная переходу изъ дворца на Гревскую площадь къ эшафоту, — какой случился нѣкогда съ однимъ осужденнымъ. Смотря по свойствамъ, однѣ заливались горячими слезами прежде или послѣ ферулы, другіе напротивъ, стоически выносили боль; но въ страшномъ ожиданіи ея, даже самые отважные не могли скрыть судорожнаго движенія въ лицѣ.

Лудвигъ Ламбертъ не выходилъ изъ подъ феруль, и за это въ особенности былъ обязанъ упражненію природной способности, которой и самъ не зналъ въ себѣ. Когда приставниково — *ты ничего не дѣлаешь*: насильно исторгало его изъ глубины думъ, то часто подъ бременемъ мыслей, невольно бросалъ онъ въ этого человѣка взглядъ, исполненный какого-то дикаго презрѣнія. Этотъ взглядъ, безъ

сомнѣнія , электрически потрясалъ учителя и грызъ его въ самой глубинѣ , своею безмолвной эниграммой ; потому-то ему и захотѣлось отвадить ученика отъ этого нестерпимаго взгляда , и запретить душѣ его сквозить глазами и метаться молніей въ души другихъ .

Въ первый разъ лишь только святой отецъ отвѣдалъ такого струистаго презрѣнія , онъ произнесъ эти незабвенныя слова :

— Если ты еще помотришь на меня такимъ образомъ , Ламбертъ , то получишь ферулу .

При этихъ словахъ все носы вспорхнули вверхъ , все глаза перелетали отъ учителя къ Лудвигу . Такая пошлая выходка вызвала снова громовый взглядъ моего сосѣда на отца наставника .

Отсюда затѣялась между Ламбертомъ и надзирателемъ ссора , разрѣшив-

маяся нѣсколькими ферулами и открывшая ему гибельную силу его взгляда.

Несчастный поэтъ съ такимъ нервическимъ составомъ, часто мечтательный какъ женщина, одержимый постоянною задумчивостію, болѣзнуемый своимъ гениемъ, какъ неопытная дѣвушка первою любовью, которую называетъ, но еще не знаетъ; ребенокъ такой сильный и слабый, пересаженный Коринною изъ прекрасныхъ и цвѣтущихъ луговъ въ школьную раму, гдѣ каждый умъ, каждое тѣло, не смотря на объемъ способностей и сложенія, непременно должны втиснуться въ форму ея устава и отчеканить на себѣ его однообразіе, какъ золото подъ ударами чеканнаго станка; — Лудвигъ Ламбертъ перешель въ степени страданій и тѣломъ и душою.

Усаженный на скамейкѣ въ области своего ящика, избитый ферулою, измученный болѣзнію, стѣсняемый во всѣхъ своихъ чувствахъ и оюсапный ремнемъ своихъ несчастій, онъ вынужденъ былъ

передать оболочку свою на безчисленные школьные тиранства. Подобно мученикамъ, улыбавшимся въ минуту казни, онъ отлеталъ на небеса, доступныя его чистѣйшимъ созерцающимъ ; — и можетъ быть внутренняя жизнь эта, помогала ему прозирать въ тайнства, которымъ онъ такъ вървался!

Наше своеволие, неуказанныя упражненія, наружная лънь, постоянная безчувственность, и отвращеніе наше къ обязанностямъ и *repsum*, — все это ославило насъ негодными мальчиками, безъ надежды исправленія. Учители презирали насъ; товарищи, отъ которыхъ мы тщательно скрывали тайну исключительнаго ученія нашего, чтобъ избѣжать ихъ насмѣшекъ, — также ни во что насъ не ставили.

Такое отовсюдное уничиженіе, столь несправедливое со стороны монаховъ, было очень естественно для соучениковъ: мы не умѣли играть въ мячикъ, не бѣгали, боялись ходить. Во дни всепрощенія

или когда сверхъ чаянія удучали свободную минуту, мы не дѣлили съ ними ни одной изъ ихъ забавъ. Чуждые ихъ удовольствіямъ, одни задумчиво сиживали мы подъ какимъ нибудь деревомъ. Тогда Поэты и Пифагоръ составляли исключеніе, — жизнь внѣ общей жизни. Тонкой инстинктъ, самолюбіе учениковъ столь зоркое, давали имъ провидѣть въ насъ умы, поставленные выше или ниже ихъ умовъ. Отсюда, — одни насъ ненавидѣли за безгласную нашу аристократію, а другіе презирали за бесполезность. Можетъ быть они и мы, вовсе безотчетно, питали между собою такія чувства.

Точно какъ двѣ мышки, пританувшія въ углу залы, за своими столиками, постоянно просиживали мы часы ученія и роздыховъ. Такое вывихнутое положеніе могло, и въ самой вещи поставило насъ въ состояніе борьбы со всѣми. Почти всегда забытые, мы оставались тамъ спокойны, полущастливы, какъ два украшенія, которыхъ недоставало для симметріи въ залѣ. Иногда же самыя дерзкіе изъ то-

варищей надоѣдали намъ, желая похвастать надъ нами своею силою; мы отвѣчали презрѣніемъ, и — побои градомъ сыпались на Поэта-и-Пифагора.

Бездѣйствіе Ламберта длилось многіе мѣсяцы. Не умѣю описать задумчивости его пожиравшей. Лудвигъ исказилъ многія изъ лучшихъ моихъ произведеній . . . Мы вмѣстѣ сочиняли тогда *Lépreux de la Vallée d'Aoste*, и испытали ощущенія выраженные въ книгѣ Местра прежде нежели я прочелъ её. Сочиненіе легко можетъ пробудить воспоминанія дѣтства, но никогда не возметъ надъ ними верхъ. Элегія, вдохновенная въ меня вздохами Ламберта, гораздо чувствительнѣе самыхъ лучшихъ страницъ Рене. Но можетъ быть также нельзя уподоблять мученій причиняемыхъ страстію, которую справедливо или нѣтъ, запрещаютъ законы, страданіямъ несчастнаго ребенка, тоскующаго по свѣтъ солнца, по росѣ пустынной и свободѣ. Рене былъ рабъ желанія, Лудвигъ Ламбертъ былъ весь душа-рабъ. При равныхъ дарованіяхъ, чувство самое трогательное

тельное или основанное на желаніяхъ нестинныхъ и потому чистыхъ, несравненно выше поддѣльныхъ воплей генія.

Долго размышляя подъ густою линою нашего двора, Лудвигъ говорилъ мнѣ одно слово, но это слово отзывалось глубокою мыслию.

— Какъ счастливъ я, вскричалъ онъ однажды; встрѣчаются блаженныя минуты, въ которыя мнѣ кажется что стѣны въ классѣ падаютъ, и что я, не знаю гдѣ-то, въ поляхъ! Какое наслажденіе уноситься думою, какъ птица всѣмъ своимъ полетомъ! . . .

Почему природа такъ щедра на зеленый цвѣтъ? спросилъ онъ у меня. Почему такъ мало въ ней прямыхъ линий? . . . Для чего человѣкъ не терпитъ кривизны въ произведеніяхъ своихъ? . . .

Слова эти проявляли долговременный полетъ въ пространствѣ. Точно, онъ видѣлъ цѣлые ландшафты и вдыхалъ аро-

маты дубравъ. Это, — живая и выспренная элегія: — всегда молчаливъ, самоотверженъ; страдалецъ, никогда не произносившій: — страдаю! . . .

Для этого орла былъ тѣсенъ мѣръ, а его томилъ въ четырехъ стѣнахъ тѣсныхъ и грязныхъ.

Такимъ образомъ жизнь его должна была быть идеальной, въ полномъ смыслѣ слова. Презирая, почти ничтожное ученіе, на которое мы были осуждены, онъ шелъ воздушною стезей, вполне отрѣшенный отъ всего насъ окружавшаго. Влекомый потребностію подражанія, столь свойственною дѣтямъ, я старался всеми мѣрами сообразоваться съ его бытіемъ, и онъ тѣмъ скорѣе вдохнулъ въ меня страсть къ тому роду сна, въ который глубокая созерцательность погружаетъ тѣло, что я былъ моложе, мягче для принятія впечатлѣній. Потому-то мы привыкли какъ любовники, вмѣстѣ думать и дѣлиться своими думами.

Уже его созерцательныя ощущенія достигли той зоркости, которая неотъемлемо должна быть удѣломъ великихъ поэтовъ, и часто подводитъ ихъ къ безумію.

— Ощущаешь ли, подобно мнѣ, спросилъ онъ однажды, невольное дѣйствіе мысленныхъ страданій? Напримѣръ, если я живо представляю себѣ, какъ лезвие моего перочиннаго ножа вошло въ мое тѣло, то въ тотъ же мигъ чувствую острую боль, какъ бы въ самомъ дѣлѣ что меня кольнуло: только недостаетъ крови. Но такое удивительное ощущеніе внезапно постигаетъ меня какъ вихрь потрясающій безмолвіе. Что скажешь? — Какова мысль, — возбуждать физическія страданія!

Когда онъ изъяснялъ мнѣ тончайшія мысли свои, то мы вмѣстѣ простодушно призадумывались, отыскивая въ самихъ себѣ невыразимые явленія, относящіеся къ *родословію* мысли, которую надѣялся онъ уловить до малѣйшаго развитія, и современемъ начертать невѣдомый составъ ея. Потомъ, послѣ споровъ, нерѣдко съ при-

мъсью ребячества, пламенеющіе глаза Ламберта искрились неизъяснимымъ взглядомъ; онъ пожималъ руку мою; изъ души его вырывалось слово, и кратко высказывало его душу.

— Мыслить, есть видѣть! . . . сказалъ онъ однажды, будучи вызванъ возраженіемъ моимъ касательно основы нашей организаціи.

Его намѣреніе изучать существо мысли, заставило его съ нѣкоторою гордостью принять жизнь непрерывныхъ лишеній, на которыя осуждала насъ и наша лѣнь, и пренебреженіе къ обязанностямъ. Онъ имѣлъ нѣкоторое сознаніе собственной цѣны, которое свѣжило его въ ночныхъ бдѣніяхъ. Съ какимъ услажденіемъ ощущалъ я отдѣйствіе души его надъ моею! Сколько разъ, на нашей уединенной скамейкѣ, вмѣстѣ читывали мы одну и ту же книгу, во взаимномъ самозабвеніи, не покидая другъ друга, и зная что мы оба тутъ, — плавали въ океанѣ размысленій, какъ двѣ рыбки въ

одной и той же водѣ! . . . Жизнь наша только растительная на взглядъ, плодотворилась сердцемъ и умомъ. Ощущенія, мысли, были для насъ великія событія.

Совершенную власть Ламбертову надъ моимъ воображеніемъ, я еще и до сихъ поръ чувствую. Дѣйствительно, я слушала его рассказы, окрашенные чудеснымъ, съ тою жадностію, которая въ дѣтяхъ и взрослыхъ такъ сладко пожираетъ всѣ ро- сказки, гдѣ истина прикрыта самыми не- лѣпыми чертами. Страсть его къ таин- ственности и легковѣрію, сродное дѣтямъ, часто увлекали насъ въ разговоры о не- бѣ и адѣ. Тогда Лудвигъ, изъясняя Шве- денборга, старался внушить мнѣ свое вѣ- рованіе въ ангеловъ (4). Даже въ самыхъ невѣрныхъ сужденіяхъ его протлѣдывали разительныя наблюденія о могуществѣ че- ловѣка, придававшія его слову печать не- тины, безъ которой нѣтъ ничего возмо- жнаго ни въ какомъ искусствѣ. Потомъ романическая развязка, его *приданое* судьбѣ чело- вѣка, пуще вовлекала его во- ображеніе въ чрезмѣрности. Не въ колы-

бели-ли народовъ родились все кумиры ихъ? А сверхъестественные духи, приводящіе ихъ въ трепетъ, не есть ли олицетвореніе ихъ ощущеній и потребностей уже *рослыхъ?* . . . (5).

Еще уцѣлѣли въ моей памяти разговоры Ламбертовы и мои, полные поэзіи, на счетъ Шведскаго Барона, котораго творенія изъ любопытства я читалъ послѣ, чтобъ лучше изложить то, что пишу.

Мы находили въ себѣ два существа различныя. По мнѣнію Шведенборга, ангель есть существо, въ которомъ внутреннее всегда торжествуетъ надъ чувственнымъ.

Хочетъ ли человѣкъ внять призванію быть ангеломъ? . . . Онъ долженъ съ той минуты, когда мысль укажетъ ему двойное бытіе его, питать свою нѣжную и божественную природу ангела. Если же, не имѣя такого просвѣтленнаго воззрѣнія на свой составъ, дозволитъ чувственности господствовать, вмѣсто того чтобы растить

жизнь духа, то всѣ душевныя силы его становятся игрушкою чувствъ тѣлесныхъ, и ангель непримѣтно погибаетъ въ этомъ овеществленіи обѣихъ естествъ. Напротивъ, ежели внутреннему онъ даетъ приличную пищу, то душа осиливаетъ вещество, и старается разъединиться съ нимъ. И когда такое разъединеніе послѣдуетъ подъ формою, которую мы зовемъ *Смерть*, то ангель уже довольно крѣпкій, чтобъ сбросить земную оболочку, начинаетъ истинную жизнь.

Безконечное разно-качествованіе людей можно объяснить только этимъ двойнымъ бытіемъ: оно и доказываетъ, и даетъ ясное понятіе о той разнокачественности. Въ самомъ дѣлѣ, разстояніе между человекомъ, котораго одереვენѣлая умственность осуждаетъ на видимую одурѣлость, и тѣмъ, который упражненіемъ духовнаго существа своего, развилъ его силу, должно убѣдить насъ, что между геніями и негеніями тоже разстояніе, какое между зрячимъ и слѣпымъ.

Эта мысль до безпредѣльности расширяющая наше созданіе, подаетъ нѣкоторымъ образомъ ключъ къ небесамъ.

Твари по видимому перемѣшанныя здѣсь, въ самой вещи, смотря по совершенству ихъ *внутренняго существа*, живутъ въ сферахъ совершенно отдѣльныхъ свойства и самый языкъ однихъ вовсе чужды для другихъ. Въ міръ незримомъ, какъ и въ дѣйствительномъ, пришлецъ изъ низшихъ степеней, появившійся въ высшемъ избранномъ кругѣ, не бывъ того достойнымъ, не только не понимаетъ ни привычекъ ни рѣчей ихъ, но еще присутствіе его парализуетъ и сердца и голоса.

Въ Божественной Комедіи Данта, проглядываетъ только легкій очеркъ этихъ сферъ, которыя начинаясь въ міръ горестей возносятся круговымъ движеніемъ въ небеса.

Книга Шведенборга останется навсегда произведеніемъ свѣтлаго ума, наци-

тавшаго бездну явленій, которими ангелы открывають себя среди чловѣковъ.

Такое глубокое ученіе, которое нынѣ стараюсь выразить кратко, логически, было представлено мнѣ Ламбертомъ со всѣми обольщеніями тайнственности, обернутой пеленою особеннаго языка тайнологовъ, языка темнаго, полнаго отвлеченностей, и столь живо печатлѣющагося въ умѣ, что ѣдкость нѣкоторыхъ книгъ Якова Бема, Шведенборга или Г-жи Гіонъ, (6) вводитъ въ страну мысленныхъ фантазій, столь же чудовищныхъ, какъ и фантазіи отъ упоенія опіумомъ.

Ламбертъ рассказывалъ мнѣ про таинственный бытъ такой чудный, и такъ живо потрясавшій воображеніе, что у меня кружилась голова. И я не менѣе его любилъ погружаться въ этотъ міръ незримый для чувствъ, гдѣ для каждаго такъ хорошо, — представляютъ ли его подъ безпредѣльною формою вѣчности, или одѣвають вымыслами Басни. Такія сильныя *отдѣйствіи* души на самую се-

бя, невольно раскрыли мнѣ крѣпость ея, и приучили работать мыслями.

Что же касается до Ламберта, то онъ всё изъяснялъ своею системою объ ангелахъ. Чистая любовь, такъ говорилъ онъ, та любовь, о которой мечтаютъ въ юности, есть соприкосновеніе двухъ ангельскихъ природъ, и ничто не можетъ выразить горячности его желанія встрѣтить ангела-женщину. И кто же больше его, могъ вдохнуть и ощущать любовь!

Если что можетъ дать понятіе о тонкости ощущеній, то это безъ сомнѣнія врожденная любезность и доброта, сквозившія въ чувствахъ его, словахъ, поступкахъ и малѣйшихъ движеніяхъ, наконецъ во взаимности насъ соединявшей. Отъ него ли что было, отъ меня-ли, — въ томъ не было никакого различія. Мы поочередно поддѣльвались подъ свои почерки, и всегда одинъ изъ насъ работалъ за двоихъ. Когда мнѣ или ему нужно было кончить книгу и отдать математическому учителю, — тотъ дочитывалъ, а его урокъ

и *pensum* готовилъ другой. Мы раздѣлялись со своими уроками какъ съ податью на наше спокойствіе. Часто они были, если память меня не обманываетъ, удивительно превосходны когда Ламбертъ ихъ составлялъ. Но прослывъ бездарными, мы подвергались строжайшему разбору пристрастнаго учителя, предававшаго нашу работу даже на поруганіе товарищамъ.

Однажды, припоминаю, вечеромъ, послѣ класса отъ двухъ до четырехъ часовъ, учитель взялъ переводъ Ламберта.

Строка начиналась: *Caius Gracchus, vir nobilis*

Лудвигъ перевелъ такъ: *Кайъ Гракхъ былъ благородное сердце.*

— Гдѣ ты видишь сердце въ *nobilis*?
. . . грубо спросилъ учитель.

Все засмѣялись. Ламбертъ посмотрѣлъ на учителя какъ обезумевшій.

— Что скажетъ Баронесса Сталь узнавъ, что ты переводишь поперегъ смысла слово, означающее *благородный родъ*, *происхождение патриція*?

— Она скажетъ, что ты дуракъ! . . . проговорилъ я потихоньку.

— Господинъ Поэтъ, извольте отправиться въ тюрьму на восемь дней! . . . возразилъ учитель, по несчастію вслушавшись въ мои слова.

Ламбертъ тихо произнесъ, бросивъ на меня взглядъ неизъяснимой нѣжности:

— *Vir nobilis!* . . .

Госпожа Сталь была отчасти бичемъ для Ламберта. Кстати и не-кстати учителя и ученики швыряли въ него это имя, то въ насмѣшку, то въ упрекъ.

Лудвигъ, изъ дружбы, также не замедлилъ попасть въ тюрьму. Тамъ больше свободные, чѣмъ гдѣ нибудь, мы мо-

гли разговаривать по цѣлымъ часамъ, въ тишинѣ спаленъ; — это алковы, для каждаго свой, въ шесть квадратныхъ футъ, перегородки которыхъ оканчивались вверху желѣзными рѣшетками; а двери ажуръ, каждый вечеръ запирались и всякое утро отпирались подъ надзоромъ отца, приходившаго насъ будить и укладывать. Скрипъ этихъ дверей, отпираемыхъ съ особенною быстротою мальчиками, нарочно приставленными къ спальнямъ, былъ также не изъ послѣднихъ оригинальностей школы.

Алковы, такимъ образомъ устроенныя, служили намъ темницею, и мы иногда гостили въ ней по цѣлымъ мѣсяцамъ. Ученики посаженные въ эту клетку, были подъ строгимъ надзоромъ Префекта, родъ цензора, приходившаго и въ свои часы, и нечаянно, на цѣпочкахъ, подслушивать, дѣлаемъ-ли свой *repsuit*, или разговариваемъ. Но орѣховая шелуха, наброшенная по лѣстницѣ, или тонкость слуха, всегда почти упреждали насъ о приходѣ его; и мы безъ помѣхи могли предаваться любимымъ занятіямъ. Но какъ чтеніе

намъ запретили, то часы ареста обыкновенно посвящались метафизическимъ спорамъ или пересказыванію любопытныхъ случайностей въ области мышленія.

Раскажу одно изъ необычайныхъ событій, не только потому, что оно касается Ламберта, но и потому еще, что оно рѣшило можетъ быть судьбу его учености.

По законамъ училищъ Воскресенье и Четвергъ были днями свободы. Но всѣ службы, на которыхъ мы присутствовали со всѣмъ усердіемъ, такъ наполняли дни воскресные, что только одинъ Четвергъ былъ для насъ праздничнымъ днемъ. И въ самомъ дѣлѣ простоявъ одну обѣдню, мы имѣли довольно времени нагуляться по полямъ въ окрестностяхъ Вандома. Замокъ Рошамбо былъ предметомъ нашихъ славнѣйшихъ походовъ, можетъ по причинѣ отдаленія. Рѣдко малолѣтнихъ пускали въ такой отважный путь; и только разъ или два въ годъ, Ректоры позволяли намъ прогулку въ Рошамбо какъ награду.

Въ 1812 году, въ концѣ весны мы готовились идти туда въ первый разъ, и пламенное желаніе видѣть знаменитый замокъ Рошамбо, владѣлецъ котораго подчивалъ иногда воспитанниковъ завтракомъ, заставлялъ ихъ всѣхъ вести себя умно. И такъ ничто не препятствовало гулянью.

Ни я, ни Ламбертъ, не знали прекрасной долины Лоары, въ которой построень этотъ пустынный замокъ. Воображеніе наше еще наканунѣ переносилось на это гулянье, — источникъ неописанной радости во всемъ училищѣ. Мы проговорили о немъ весь вечеръ, общалась истратить на плоды и молоко всѣ деньги, которыя мы имѣли вопреки уставу Вандомцевъ. На другой день, послѣ обѣда въ половинѣ перваго отправились въ путь, снабженные кубическимъ кускомъ хлѣба въ запасъ. Быстрѣе ласточекъ цѣлымъ стадомъ понеслись мы къ знаменитой обители, съ такою нетерпѣливостью и жаромъ, которые въ началѣ даже заглушали въ насъ чувство усталости.

Когда же мы пришли на холмъ, откуда открывается въ сторону замокъ, столицей на косогоръ и извивается долина, гдѣ блестятъ и вьется змѣйкою рѣка по прекрасному лугу, плѣнительно ею фесто-пированному. Удивительный видъ! одинъ изъ тѣхъ, которымъ живыя ощущенія молодости или любви придають столько прелестей, что въ послѣдствіи не надо болѣе и видѣть ихъ, — Лудвигъ Ламбертъ мнѣ сказалъ:

— Представь! — точно, все это я видѣлъ сегодня ночью во снѣ! . . .

Онъ узналъ и густую *связку* деревь, гдѣ мы сидѣли, и расположеніе листьевъ, оттѣнокъ водъ, башни замка, всѣ мѣлочи отдаленія и мѣстности, которыя онъ видѣлъ въ первый разъ.

Мы точно были тогда оба дѣти, мнѣ только тринадцать, а Лудвигъ хотя въ пятнадцать лѣтъ, и могъ уже имѣть глубину человѣка гениальнаго; но мы оба неспособны были лгать въ самамалѣйшихъ

вещахъ нашей дружеской связи. Съ другой стороны хотя Ламбертъ предчувствовалъ могуществомъ мысли важность событій, но еще не могъ съ разу обнимать всю обширность ихъ. Такъ и здѣсь, — онъ изумился. Не бывалъ ли ты, спросилъ я, когда нибудь прежде въ Рошамбо? Вопросъ мой поразилъ его. Но обдумавъ прошедшее, отвѣчалъ рѣшительно: — Нѣтъ!

Конечно, со многими случалось подобное видѣть во снѣ, — и это приключеніе ясно раскрываетъ силу и объемъ ума Ламберта. Въ самомъ дѣлѣ изъ одного этого онъ составилъ систему, какъ Кювье, въ другомъ родѣ вещей, изъ одного обломка мысли — превосходное цѣлое.

Въ эту минуту мы оба сѣли подъ тѣнь стараго дуба. И послѣ нѣкотораго размышленія Лудвигъ сказалъ:

— Если видѣ этого мѣстоположенія не самъ ко мнѣ приходилъ, что было бы глупо думать, то конечно я ходилъ къ нему . . . Если же я точно былъ тутъ во

время сна въ альковѣ, то не явно ли доказывается совершенное различіе между тѣломъ и внутреннимъ существомъ моимъ? Если же они могли разстаться во время сна, то почему же я не могу равномерно разъединить ихъ на яву?

— Не скрывается ли въ этомъ явленіи особенная наука? . . . прибавилъ онъ сильно ударивъ себя по лбу. Если же и не составляетъ оно основанія науки, то раскрываетъ въ человѣкѣ чудесную силу. Или по крайней мѣрѣ обличаетъ не рѣдкое разъединеніе двойственной природы нашей, — ось около которой я уже столько времени обращаюсь. Наконецъ вотъ очевидное доказательство превосходства духовныхъ чувствъ надъ внѣшними! . . .

— Но, быть можетъ, возразилъ онъ, помолчавъ и сопровождая ужимкою сомнѣнія, въ насъ не—двѣ природы? . . . Можетъ, мы просто одарены внутренними качествами ощущенія, способными утончаться, которыя отъ упражненія и развитія, производятъ въ насъ явленія дѣятель-

ности, проицанія, видѣнія, еще не познанные. (7) Въ нашей страсти къ чудесному, этомъ порожденіи гордости, мы преобразили бы эти дѣйствія въ созданія вымысла, потому что не понимаемъ ихъ. Ахъ! признаюсь, мнѣ жалко будетъ разстаться съ моими призраками. (8) Вѣрить двойственной природѣ и ангеламъ Швейденборга — потребность моя. Это новое ученіе убиваетъ ихъ; а изслѣдованіе нашихъ невѣдомыхъ свойствъ, — не есть ли цѣлая наука?

И полуопечаленный онъ задумался. Быть можетъ мечты дѣтства показались ему пеленою, которую пора уже оставить.

— Зрѣніе и слухъ, сказалъ онъ, смѣясь своему выраженію, вѣроятно футляры чудеснаго инструмента! . . . (9)

Бывало, когда онъ разговаривалъ со мною о небѣ и адѣ, то всегда смотрѣлъ хозяиномъ на природу, но произнося эти слова, чреватые вѣденіемъ, онъ парилъ по мѣстоположенію, и его лобъ, готовъ былъ,

казалось, треснуть подъ напоромъ генія. Брызги ума его, точно какъ будто сверкали чрезъ всё органы, служащія выраженіемъ мыслительной силы: его глаза пламенѣли лучами думъ; поднятая рука, трепещущія губы, огненный взглядъ искрились, говорили. Наконецъ голова его, отяжѣвшая или утомленная быстрымъ полетомъ, склонилась на грудь. Малютка—этотъ исполинъ согбенный, — взялъ меня за руку, сжалъ ее въ своей влажной рукѣ; съ такимъ то лихорадочнымъ усиленіемъ искалъ онъ истины; и помолчавъ сказалъ:

— Я буду знаменить!

— И ты тоже! . . . съ живостію прибавилъ онъ. Мы оба сдѣлаемся алхимистами мозга.

Единственное сердце! я узналъ его превосходство; но онъ никогда не позволялъ себѣ дать мнѣ то почувствовать. Раздѣляя со мною сокровища своей мысли, онъ дѣлалъ меня какъ бы участникомъ

открытій своихъ; а мои бѣдныя размышленія въ цѣлости предоставлялъ одному мнѣ. Всегда ласковъ и милъ, какъ женщина упоенная любовью, онъ сберегъ всю чистоту чувства, всю нѣжность души, отъ которыхъ легче и слаще живется.



На другой же день Ламбертъ началъ сочинять книгу: *Теорія Воли*. Обдумывалъ, располагалъ, не разъ перемѣнилъ и планъ и методу; но событіе того незабвеннаго дня, дѣйствительно было зародышемъ его творенія, точно какъ электрическое прикосновеніе, всегда ощущаемое Месмеромъ отъ приближенія слуги своего, было началомъ магнетизма, науки издавна таившейся во глубинѣ таинствъ Изиды и Дельфійскихъ. Озаренные этою внезапною ясностію, понятія Ламберта получили болѣе обширный размѣръ; разложивъ всѣ пріобрѣтенныя отдѣльныя истины, онъ опять совокупилъ; потомъ, какъ ваятель, отлилъ ихъ.

Послѣ шестимѣсячной сидячей работы, труды Ламберта возбудили любопытство въ товарищахъ и сдѣлались предметомъ колкихъ шутокъ, не обѣщавшихъ добра. Однажды, неотступившій изъ нашихъ гонителей, непременно захотѣлъ видѣть рукопись, подобралъ себѣ подобныхъ, и сталъ насильно отнимать ящикъ, гдѣ хранилось сокровище, которое Ламбертъ и я защищали съ неслыханнымъ мужествомъ. Ящикъ запертъ, похитителямъ нельзя отворить, то они пытались разбить его въ борьбѣ. Такая черная злость возмутила насъ, — мы закричали. Нѣсколько товарищей, влекомые справедливостію, а можетъ и пораженные нашимъ отважнымъ сопротивленіемъ, упрашивали оставить насъ въ покоѣ, отягощая унижительнымъ сожалѣніемъ, какъ вдругъ отецъ Гогультъ, на шумъ сраженія, вбѣжалъ и началъ доискиваться причины. Такъ какъ противники оторвали насъ отъ репсита, то ректоръ сталъ было защищать насъ — его узниковъ. Въ оправданіе свое, грабители открыли ему существованіе рукописей. Тогда ужасный Гогультъ приказалъ

подать ящикъ и открыть; — поупрямся мы, онъ былъ бы разбить, — Ламбертъ отдалъ ключъ. Ректоръ взялъ тетради, повергълъ ихъ, и конфисковавши, сказалъ:

— Такъ вотъ для какого вздора вы пренебрегали своими обязанностями?

Крупныя слезы покатались изъ глазъ Ламберга, слезы оскорбленнаго сознанія своего внутренняго превосходства, безвинной обиды и вѣроломства, котораго мы стали жертвою. Мы презрительно поглядѣли на доносчиковъ. Не общему ли врагу они насъ продали? Это заставило ихъ нѣсколько устыдиться своего чернаго поступка. Если они и могли, по *правиламъ ученичества*, насъ бить, то все же должны были умолчать о нашей винѣ. — Отецъ Гогультъ, не постигая цѣнности умственныхъ сокровищъ, несозрѣвъ сѣмена которыхъ онъ такъ безжалостно развѣялъ, вѣроятно продалъ *Теорію Воли* какому нибудь торгашу на обертки.

Спустя шесть мѣсяцевъ послѣ этого,

я вышелъ изъ школы; — и не знаю, возобновилъ ли свое сочиненіе Ламбертъ, впавшій въ ужасное уныніе по разлукѣ со мною.

Чтобъ ознаменовать несчастіе, постигшее книгу Лудвига, я употребилъ недавно въ вымышленномъ сочиненіи, которымъ начинается рядъ моихъ сказокъ, заглавіе, дѣйствительно выдуманное Ламбертомъ. Но не одно это я заимствовалъ отъ него. Его нравъ, занятія, все послужило въ пользу тому сочиненію, предметомъ котораго было воспоминаніе нашихъ юношескихъ умствованій; а эти строки, — памятникъ другу, завѣщавшему мнѣ все свое имѣніе — свою мысль.

Въ этомъ произведеніи Ламбертъ изложилъ идеи какъ человекъ зрѣлый. Десять лѣтъ спустя, встрѣтивъ нѣсколько ученыхъ, прилѣжно занимавшихся явленіями, насъ привлекавшими, и которыя Ламбертъ такъ чудно разбиралъ, я понялъ всю глубину и важность его трудовъ, забытыхъ уже какъ дѣтскія химеры. Нѣ-

сколько мѣсяцевъ я припоминалъ главныя открытія моего товарища: и собравъ все припомненное, могу подтвердить, что съ самаго начала 1812, онъ основалъ, угадалъ, раздробилъ въ Теоріи своей много важныхъ *искомыхъ*, которыя, говорилъ онъ мнѣ, подтвердятся рано или поздно. Такое философическое изслѣдованіе конечно бы включило и его въ число великихъ мыслителей, въ разныя времена являвшихся между людьми, чтобъ открыть имъ нагія начала предбудущей науки, которой корень въ человѣческомъ разумѣніи. Такъ бѣдный ремесленникъ, рывшійся въ земляхъ, чтобы отыскать тайну гербовыхъ красокъ, утвердилъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ, съ несомнѣннымъ авторитетомъ генія, геологическія истины, доказательство которыхъ прославило нынче Бюффона и Кювье.

Я думаю можно дать понятіе о Теоріи Ламберта главными предложеніями, составляющими всю ея основу; но я невольно сниму оболочку тѣхъ понятій, въ которыя онъ одѣлъ свою основу, и кото-

рыя были существенно ея принадлежностью. Избравъ совсѣмъ противоположную ему дорогу, я заимствовала только тѣ изъ его изысканій, которыя согласовались съ моею системой. Не знаю, смогу ли я, ученикъ его, вѣрно перевести его мысли, которыя я приняла, напередъ перекрасивъ ихъ, можетъ на бѣду его, въ мои собственные цвѣты. (10)

Къ новымъ понятіямъ и слова новыя, или принятыя изъ старыхъ болѣе расширенныхъ, просторныхъ и лучше *определенныхъ*. Такъ и Ламбертъ, чтобъ вѣрнѣе изложить основу своей системы, выбралъ нѣсколько престонародныхъ словъ, свободно вмѣщавшихъ его мысль.

Словомъ ВОЛЯ, онъ называлъ *жидкую среду*, въ которой *тайно-дѣйствуетъ* МЫСЛЬ; (11) или по выраженію менѣе отвлеченному, груду силы, посредствомъ которой человекъ можетъ обнаруживать дѣйствія составляющія внутреннюю жизнь его. ВОЛЕНІЕ, слово выдуманное Локкомъ, означало дѣйствіе или произведеніе ВОЛИ.

Слово МЫСЛЬ, по его выраженію, — квинтъ эссенція самой ВОЛИ, также означало *жидкую среду* раждающую понятія, которыхъ она есть сущность. ПОНЯТІЕ, [L'idée] общее названіе всѣмъ произведеніямъ ума, составляло обнаруженіе мысли человѣка.

И такъ Воля и Мысль два производителя, а Воленіе [12] и Понятіе два произведенія. Воленіе представлялось ему Понятіемъ, перешедшимъ изъ состоянія отвлеченнаго въ *сплоченное*, изъ жидкаго почти въ отвердѣлое, если только эти слова могутъ отгнѣять примѣты почти непримѣтныя. Мысль и Понятіи суть движенія и дѣйствія нашего внутренняго организма, подобно какъ Воля и Желанія составляютъ дѣйствія жизни внѣшней. [13]

Волю онъ производилъ прежде Мысли.

— Чтобъ Мыслить, надобно Волить, говорилъ онъ. [14] Многія существа живутъ въ состояніи Воли, но никогда не

достигаютъ состоянія мысли. На Сѣверѣ—долговременность, на Югѣ—скоротечность жизни; но въ тоже время въ Сѣверѣ сплоченіе; на Югѣ безпрерывное разжиженіе Воли, до черты, гдѣ отъ излишняго холоду или отъ чрезмѣрнаго жару органы почти тупѣютъ. [15]

Выраженіе *жидкая среда*, онъ заимствовалъ изъ наблюденія, котораго какъ дитя, не понималъ, вѣроятно, всей значительности, но странность котораго долженствовала поразить его воображеніе, столь легко печатѣемое.

Мать его, женщина влажнаго и нервическаго сложенія, чрезмѣрно нѣжная и пламенная; созданіе, предназначенное быть образцемъ женщины, въ чистѣйшемъ соединеніи совершенствъ, но по ошибкѣ, брошенное на дно общественнаго быта, вся любовь, и столько же вся страданіе,—рано умерла непознанная, потому что все способности свои сосредоточила въ одной материнской нѣжности.

Ламбертъ , шестилѣтній малютка , котораго клали въ колыбель возлѣ постели его матери , часто , пока еще не засыпалъ , видѣлъ электрическія искры , сыпавшіяся съ волосъ матери , когда она чесалась гребнемъ . Юноша пятнадцати лѣтъ ухватился всею силою науки за этотъ фактъ , которымъ дитя игралъ , фактъ несомнѣнный , много разъ замѣченный почти на всѣхъ женщинахъ , непознанныя ощущенія которыхъ и до чрезвычайности летучія , по какой то гибельной судьбѣ погибають : или неявленные или незамѣченныя , въ совершенной неизвѣстности .

Предоставя кожной системѣ нашей оболочки назначеніе защищать , всасывать , испарять и осязать — развѣ кругообраще-

ніе крови съ снарядомъ своимъ, не соотвѣтствуетъ осуществленію нашей воли, столько же какъ кругообращеніе нервической жидкости соотвѣтствуетъ осуществленію мысли? (16)

Наконецъ приливъ болѣе или менѣе живой, этихъ двухъ дѣйствительныхъ началъ, не долженъ ли происходить отъ какого нибудь совершенства или несовершенства органовъ, которыхъ состояніе надобно еще изучать во всѣхъ ихъ видоизмѣненіяхъ?

Въ самомъ дѣлѣ, нашедъ почти во всѣхъ твореніяхъ, два отдѣльные движенія, (17) онъ ихъ предчувствовалъ, придавъ даже нашей природѣ и назвалъ ихъ: *дѣйствіе* и *отдѣйствіе* (18).

— Желаніе, говорилъ онъ , есть дѣйствіе воли вполнѣ совершившеся въ ней, но еще не обнаруженное.

И такъ сумма нашихъ Воленій и Понятій составляетъ *дѣйствіе*, а сумма всего что дѣлаемъ наружно, *отдѣйствіе* [19].

Послѣ, прочтя наблюденіи Биша надъ двойственностію внѣшнихъ чувствъ нашихъ, я остолбенѣлъ, вспомня удивительное сходство между понятіями этого знаменитаго фізіолога и понятіями Ламберта. Оба умерли безвременно, оба шли равнымъ шагомъ къ какимъ-то истинамъ [20].

Природѣ угодно было во всемъ дать двойное назначеніе различнымъ снарядамъ, изъ которыхъ составлены творенія; и двойственное дѣйствіе нашего организма, какъ вещь неоспоримая, подтверждаетъ, грудою ежедневныхъ случайностей, заключенія Ламбертовы относительно *дѣйствія* и *отдѣйствія*.

Существо *дѣйствующее* или внутреннее, слово которымъ онъ хотѣлъ означить невѣдомую *особенность*, таинственное сплетеніе нервовъ которымъ соотвѣтствуютъ различныя, не вполнѣ постигнутыя силы мышленія, воленія; наконецъ существо безъимянное, видящее, дѣющее, все приводящее къ концу, все совершающее, — не можно, не унижая его природы, подчинить какимъ бы ни было физическимъ условіямъ, которыми, существо *отдѣйствующее*, внѣшнее, чловѣкъ видимый, останавливается въ своихъ обнаруженіяхъ.

Отсюда, вывелъ онъ, тысячу логическихъ объясненій, самымъ страннымъ, по видимому, дѣйствіямъ нашей двойственной природы, и повѣрку многихъ системъ и ложныхъ и справедливыхъ [21].

Многіе умы, усмотрѣвъ нѣкоторыя явленія естественной игры существа *дѣйствующаго*, унеслись какъ Шведенборгъ, за предѣлы истиннаго міра, пылкію

души, дышущей вымысломъ и упоенной началомъ таинственнымъ. Сладкія мечты, съ которыми Ламбертъ не хотя расста- вался, которыя еще лелѣялъ онъ и въ ту минуту, когда мечь его разбора отсѣ- калъ ослѣпительныя крылья ихъ.

Но какимъ образомъ въ тѣ вѣки, ко- гда умы были напитаны набожностью и Теургіей, вѣки средніе между вѣрою и сомнѣніемъ, какимъ образомъ можно бы- ло тогда возбранить себѣ толковать таин- ства нашего внутренняго начала иначе, — какъ не божественнымъ изліяніемъ? . . . У кого, кромѣ самаго Бога, ученые долж- ны были просить объясненія (22).

Но второстепенные умы, не столь поэтически набожные, умы холодные и

разсудительные, быть может и шарлатаны, покрайней мѣрѣ изступленные больше мозгомъ, нежели сердцемъ, замѣтивъ эти отдѣльные явленія, приняли ихъ за самобытныя, а не за радіусы того же центра. Отсюда: призываніе адскихъ духовъ, астрологія, ворожба, наконецъ всѣ роды гаданія, основанные на случайностяхъ, существенно пустыхъ, потому что они измѣняются смотря по сложенію, и по волѣ обстоятельствъ, совершенно невѣдомыхъ (23).

— Если появленіе духовъ не заключаетъ въ себѣ ничего противувозможнаго, говорилъ Ламбертъ, то оно должно происходить отъ разширенія мыслей, уловляющихъ чистѣйшую сущность человѣка, жизнь котораго, конечно не погибающая, только уклоняется отъ внѣшнихъ чувствъ, но можетъ сдѣлаться ощутительною вну-

треннему существу нашему, если оно, отъ непрерывнаго упражненія способностей, достигло высшей степени изступленія или великаго совершенства зоркости.

Я и нынче помню, но не ясно, что идя по слѣдамъ дѣйствій Мысли и Воли, во всѣхъ ихъ измѣненіяхъ, Ламбертъ изложилъ законы ихъ, далъ отчетъ (24) въ тысячи явленіяхъ, которыя до него считались недоступными. (25).

Человѣкъ, находя по указаніямъ орѣховаго прута, водяные родники, повинуетъ ся какой-то симпатіи или антипатіи, ему самому невѣдомымъ.

Только одна странность такихъ дѣйствій могла придать имъ историческую извѣстность.

Симпатіи рѣдко дѣлаются гласными ; состоя изъ удовольствій взаимно ощущаемыхъ , онѣ хранятся только въ памяти тѣхъ счастливецъ , пока развѣ сами они открываютъ ихъ чудесность ; и опять , симпатіи происходятъ въ тайнѣ тѣснаго союза , гдѣ все забывается.



Но антипатіи, происходящія отъ противусродства были рѣзко замѣчены , особливо надъ людьми знаменитыми. Напримеръ Бойль мучился судорогами, слыша журчаніе воды ; Скалигеръ блѣднѣлъ при взглядѣ на крейссамадь ; Еразма била лихорадка отъ рыбьяго духу. Эти три антипатіи происходили отъ водяной сущности. Герцогъ Епернонской обмиралъ при видѣ зайца ; Тихобраге отъ лисицы ; Генрихъ III не могъ смотрѣть на котятъ ; Маршалъ д'Албертъ на вепренка , — антипатіи происходившія отъ испаренія животныхъ и дѣйствовавшія на значительномъ разстояніи. Шевалье де Гизъ, Марія

Медицинею, и многіе другіе чувствовали сильную боль при видѣ розъ, даже рисованныхъ.

Такихъ явленій антипатіи, исторически извѣстныхъ, достаточно, чтобы дать понятіе и о вліяніи симпатій невѣдомыхъ.

Я не могу настоятельно утверждать, чѣмъ соединялась эта теорія съ равносторонними науками Галла и Лаватера; но онѣ были только естественныя слѣдствія этой теоріи; даже умъ мало свѣдущій тотчасъ примѣтитъ многообразіе вѣтвей, которыми необходимо съ ней соединялись наблюденія френологическія одного, и основныя фізіогномическія другаго. Открытіе Месмера, столь важное, и такъ худо еще оцѣняемое, выводилось во всей цѣлости однимъ изъ развитій этой теоріи, хотя Лудвигъ вовсе не зналъ лаконическихъ сочиненій знаменитаго ученаго Швейцарца.

Логической и простой выводъ изъ его началъ показалъ ему, что Воля можетъ, чѣсто отдѣйствующимъ движеніемъ вну-

тренияго существа, сжиматься, потомъ другимъ движеніемъ расширяться во внѣшность, и даже передавать себя вещественнымъ предметамъ. Такимъ образомъ полная сила человѣка должна имѣть свойство *отдѣйствовать* на другихъ, и проницать ихъ сущностию имъ чуждою, если только они не противятся сами этому дѣйствію. (26)

По его мнѣнію, Воля, Мысль — *силы живыя*, и слова его горѣли убѣжденіемъ. По его, — обѣ эти силы нѣкоторымъ родомъ зримы и осязательны. Мысль бываетъ медленною или быстрою, тяжелою или гибкою, свѣтлою или темною. Онъ приписывалъ ей всѣ качества дѣйствующихъ существъ: — она можетъ парить, отдыхать, просыпаться, расти, старѣться, сжиматься, чахнуть, оживать. Онъ уловилъ её жизнь, изчисляя подробно всѣ ея дѣйствія странностями нашего языка.

— Часто среди тишины и безмолвія, такъ говорилъ онъ, когда наши духовныя способности усыплены, когда мы предаемъ

ся всей сладости покоя, когда остаемся въ нѣкоторомъ родѣ темноты, и выходимъ въ созерцаніе внѣшнихъ предметовъ, — вдругъ мысль бросается, летитъ подобно молніи сквозь безпредѣльность пространства, которую мозгъ нашъ дѣлаетъ намъ осязаемою; потомъ эта сверкающая мысль, блеснувъ какъ блудящій огонь, гаснетъ навсегда: мгновенное существованіе! — родъ одноминутнаго цвѣтка въ поляхъ мысли. Иногда же понятіе, вмѣсто того чтобы блеснуть сильно и умереть безплодно, начинается прозябать, колышется въ неизвѣстной странѣ органовъ, гдѣ и зараждается; занимаетъ насъ продолжительнымъ своимъ ражданіемъ, потомъ развивается, растетъ, оплодотворяется, богатѣетъ, и производитъ себя во внѣшности, въ полномъ цвѣтѣ юности и силы, дышащей долговременною жизнію; эта мысль выдерживаетъ самыя пристальныя взгляды, влечетъ ихъ и никогда не утомляетъ: испытаніе выдержанное ею, господствуетъ надъ удивленіемъ, какъ и во всѣхъ дѣлахъ долгоременно обработываемыхъ. Иногда мысли являются ролями: одна ведетъ другую;

и всё сдѣпляются, всё прельщаются, разливаются, шалятъ. То онѣ встаютъ блѣдныя, мутныя и погибаютъ за недостаткомъ крѣпости или пищи. Въ иной день низвергаются онѣ въ бездны и освѣщаютъ тамъ глубины неизмѣримыя, ужасаютъ душу и повергаютъ въ уныніе. Наши понятія составляютъ полную систему, похожую на одно изъ царствъ природы, на нѣкоторый родъ разцвѣтанія, которому человѣкъ, вѣроятно безумный, можетъ сдѣлать лицеочертаніе. Да, всё подтверждаетъ жизнь этихъ плѣнительныхъ созданій, которыя я сравниваю съ цвѣтами, покаяясь, не знаю, какому-то откровенію ихъ природы! . . . Впрочемъ, ихъ произведеніе, какъ цѣль человѣка, ни мало не удивительнѣе аромата и разноцвѣтности растѣній. Ароматъ, быть можетъ, есть тоже понятіе. Размышляя, что черта гдѣ оканчивается мясо и начинается ноготь, заключаетъ въ себѣ неизъяснимое и невидимое таинство постепеннаго претворенія влаги въ рогъ, надо вѣрить, что ничего нѣтъ невозможнаго для чудесъ превращенія въ существѣ человѣческомъ! . . . Не находимъ ли так-

же и въ нравственномъ мірѣ признаковъ движенія и тяжести, подобныхъ физическимъ? . . . *ожиданіе*, (чтобъ взять примѣръ живо оцутимый для каждаго) — такъ *тяжело*, именно по дѣйствию закона, въ силу котораго *вѣсъ тѣла умножается на свою скорость или разстояніе*. Тяжесть ощущенія, производимаго ожиданіемъ, не возрастаетъ ли отъ постояннаго *сложенія* страданій прошедшихъ съ горестію настоящею? — Наконецъ чему какъ не электрическому существу должно отнести чародѣйство Воли, которая: или возсѣдя величественно на престолѣ взора, вержеть грома на преграды по мановеніямъ генія; или сверкаетъ въ голосѣ; или пробивается не смотря на лицемѣріе, сквозь личину человѣческую? . . . Струистый потокъ этого царя жидкостей, который, повинуясь сильному давленію Мысли, изливается волною, или уменьшается и опадаетъ, потомъ сжавшись сверкаетъ молніей, — есть скрытый дѣятель всѣхъ удивительныхъ усилій художествъ и страстей, въ чемъ бы то ни было: въ пѣнопѣніяхъ ли голоса звучнаго, который услаждаетъ, стра-

шить, истомляеть, глушить, увлекаеть, производя трепетаніе въ сердце, во внутреннѣйшемъ существа; въ умѣ, по изволенію нашему; или въ очарованіи косновенія, откуда происходятъ все переливы души столь многихъ художниковъ, которыхъ творческія руки, послѣ неутомимыхъ, страстныхъ изученій, оживотворяють природу; или наконецъ, рисуется безконечной постепенностью въ глазѣ, начинаясь безцвѣтной недѣйственности, до самаго ужасающаго изображенія свѣта.

Слушая его и принимая въ душу этотъ свѣтоносный взглядъ, не возможно было не ослѣпиться его убѣжденіемъ, не увлечься его словами.

Такой простоты взгляда Ламбертова на законы, такой формулы нашего ума, какъ утверждалъ онъ, — достаточно для объясненія необычайной дѣятельности, которою душа его пожирала сама себя.

Онъ прискивалъ доказательства своимъ основамъ въ исторіи великихъ лю-

дей, жизнеописаніе которыхъ дастъ множество любопытныхъ особенностей, касательно дѣйствій ихъ ума. Память его помогала ему прибирать факты, служащіе развитіемъ его ученія; онъ прилагалъ ихъ къ каждой главѣ въ видѣ доказательствъ.

-Творенія Кардана, человека одареннаго чудеснымъ даромъ видѣнія, сообщили ему безцѣнные матеріалы. Онъ не забылъ:

Ни Аполлонія Тианскаго, который предвѣстилъ въ Азіи смерть тирана и описалъ его казнь въ тотъ именно часъ, когда это совершилось въ Римѣ;

Ни Плотина, который въ далекомъ отъ Порфирія, предузналъ его намѣреніе убить себя, и прибѣжалъ отговорить его.

Не забылъ онъ и событіе, случившееся въ послѣдній вѣкъ, въ присутствіи самаго насмѣшливаго и безпримѣрнаго невѣрія, — событіе сверхъ-естественное, по словамъ людей, привыкшихъ находить въ сомнѣніи оружіе противъ Бога, но очень

простое для некоторых ученых. Альфонсъ Марія Лигори, Епископъ Сент-Агаты, утѣшалъ Папу Ганганелли, который видѣлъ его, слышалъ и отвѣчалъ ему. Въ то самое время, далеко отъ Рима, Епископъ въ состояніи изступленія сидѣлъ въ креслахъ, въ которыхъ обыкновенно отдыхалъ послѣ обѣдни. Опомнившись, онъ засталъ всѣхъ своихъ приближенныхъ на колѣнахъ передъ собою. Всѣ почитали его умершимъ. — Друзья мои, сказалъ онъ имъ, святой Петръ скончался! . . . Черезъ два дня гонецъ подтвердилъ это извѣстіе. Папа умеръ точно въ томъ часу, въ которомъ Епископъ ошамановался.

Ни приключенія, еще болѣе свѣжаго, въ послѣднемъ вѣкѣ, съ молодою Англичанкой, которая страстно любя морскаго офицера, отправилась изъ Лондона искать его; и одна, безъ провожатаго нашла въ пустыняхъ Сѣверной Америки и спасла его отъ смерти.

Лудвигъ взялъ дань и съ древнихъ таинствъ, съ подвиговъ мученичества, ко-

торыми болѣе всего прославилась Воля
человѣческая, съ бѣснологіи среднихъ вѣ-
ковъ, уголовныхъ дѣлъ, розысковъ вра-
чебныхъ, — различая всюду истинное и
вѣроятное съ удивительною мудростію.

Такой богатѣйшій сборъ ученыхъ анек-
дотовъ, выбранныхъ изъ множества книгъ,
большою частію достойныхъ довѣренно-
сти, послужила безъ сомнѣнія на обертки;
такой трудъ, — по крайней мѣрѣ любо-
пытный плодъ удивительной памяти, —
погибъ.

Между всѣми доводами, обогащавши-
ми сочиненіе Ламбертово, находилось про-
исшествіе случившееся въ его семействѣ,
и которое онъ пересказывалъ прежде не-
жели сталъ писать свое сочиненіе. Это
происшествіе, касающееся *пребытія* [post-
existence] внутренняго существа [если
только могу позволить себѣ это новое сло-
во, чтобы выразить дѣйствіе еще не на-
именованное] такъ меня поразило, что я
до сихъ поръ не могу забыть его.

Отцу и матери Ламберта предстояла тяжба, проигрышъ которой очернилъ бы ихъ праводушіе, послѣднее имущество бѣдныхъ людей. И такъ, они сильно тосковали, разбирая вопросъ: — защищаться, или уступить несправедливости обидчика? Совѣщаніе происходило въ осеннюю ночь, передъ зажженнымъ турфомъ, въ комнатѣ кожевника и жены его.

На совѣтъ были двое или трое изъ родни и прадѣдъ Лудвиговъ по матери, земледѣлецъ, старикъ уже согбенный, но почтеннаго и величественнаго вида, — глаза ясные; — а черепъ пожелтѣвшій отъ времени, сберегъ еще нѣсколько клочковъ сѣдыхъ волосъ. Какъ *Оби* негровъ или *Сага* дикарей, онъ былъ нѣчто въ родѣ духа прорицателя, съ которымъ совѣщались въ необыкновенныхъ случаяхъ. Внуки обрабатывали его поля, кормили и служили ему. Онъ предвѣщалъ имъ нещастье и вѣдро, назначалъ время сѣнокоса и жатвы; и барометрическая точность его словъ, сдѣлавшаяся извѣстною, увеличивала и довѣренность и почтеніе къ нему.

Онъ дѣльные дни просиживалъ неподвижно на своемъ стулѣ. Такое состояніе изступленія сдѣлалось его обычнымъ со времени смерти его жены, къ которой онъ питалъ самую живую, постоянную любовь.

Споръ происходилъ при немъ; по видимому онъ не обращалъ вниманія. Наконецъ, когда спросили его мнѣніе,

— Дѣти, — сказалъ онъ имъ, — дѣло слишкомъ важно; одинъ я не могу рѣшить; надобно посоветоваться съ женою! . . .

Старикъ всталъ, взялъ посохъ свой, и къ великому удивленію предстоявшихъ, которые подумали что онъ заребчился, вышелъ, потомъ скоро воротился и сказалъ:

— Мнѣ не надобно было ходить на могилу; мать ваша предупредила меня — и нашель её воздѣ ручья. Она сказала, что вы найдете у Нотаріуса въ Блоа квитанціи, по которымъ выиграете дѣло.

Слова эти произнесены твердымъ голосомъ. Видъ, лице правды, показывало человека, для котораго такое явленіе не новость. Въ самомъ дѣлѣ, квитанціи нашлись, и тяжба устранилась.

Это происшествіе, случившееся подъ отеческимъ кровомъ, въ глазахъ Лудвига — тогда девятилѣтняго, не мало способствовало его вѣрованію чудеснымъ видѣніямъ Шведенборга, показавшаго во время жизни своей много опытовъ силы видѣнія, которою было одарено его *внутреннее существо*. А съ лѣтами по мѣрѣ развитія понятій, Ламбертъ вынужденъ былъ доискиваться въ законахъ природы человѣческой, причины чуда, которое въ дѣтствѣ еще обратило его вниманіе. Да и какъ назвать, если не чудомъ, тотъ случай, который собралъ вокругъ него, факты, событія и книги, относящіяся къ этимъ явленіямъ, а самаго его сдѣлалъ и театромъ и лицедѣемъ, величайшихъ чудесъ мышленія?

Если бы вся слава Лудвига огради-

валась только тѣмъ, что пятнадцатилѣтній онъ извлекъ это психологическое правило:

»Всѣ произшествія имѣютъ свои материальныя причины, и въ нихъ свое предварительное зачатіе, подобно какъ наши сужденія совершаются въ нашей мысли, прежде нежели являются во внѣшности; предчувствія и проницанія суть *линии эфирныя* причинъ, —

— То полагаю, въ немъ должно оплакивать потерю генія равнаго Наскалямъ, Лавуазьеру, Лапласу.

Быть можетъ его система объ ангелахъ слишкомъ долго надъ нимъ господствовала; но не искатели-ли золота нечувствительно создали химию?

Однако если бы въ послѣдствіи Ламбертъ изучилъ сравнительную Анатомію, Физику, Геометрію и всѣ науки вспомогательныя для его открытій, то непременно возымѣлъ бы намѣреніе собрать всѣ выводы опыта и подчинить ихъ стро-

тому анализу, единственному свѣтильнику, который можетъ освѣщать мрачный путь, ведущій къ недоступнѣйшему изъ всѣхъ естествъ. Конечно, онъ имѣлъ слишкомъ много ума, чтобъ оставаться въ облакѣ теорій, которыя всѣ, переводятся въ нѣсколькихъ словахъ, нѣсколькихъ основахъ. Да нынче самое простое доказательство, не дороже ли самыхъ превосходныхъ системъ? Но разставшись съ нимъ въ ту эпоху жизни, когда мышленію его надлежало быть гораздо плодоноснѣе, я могу только рассчитывать обширность зрѣлыхъ его трудовъ по дѣтскимъ покушеніямъ. Легко понять въ чемъ погрѣшала его Теорія Воли; но при всемъ несовершенствѣ этого труда, не есть ли онъ отголосокъ науки, которой таинства въ послѣдствіи онъ изслѣдовалъ бы глубже, основы утвердилъ прочнѣе, изыскалъ бы, изложилъ и сцѣпилъ развитіи. Не было ли это *quod est demonstrandum*, цѣлью его будущаго?

Шесть мѣсяцевъ спустя послѣ конфискаціи Теоріи Воли, я вышелъ изъ школы, и совсѣмъ неожиданно. Мать моя, встревоженная лихорадкой, которая съ нѣкотораго времени не покидала меня, и при моемъ тѣлесномъ бездѣйствіи, раскрыла всѣ признаки спячки, — внезапно, въ теченіе четырехъ или пяти часовъ, взяла меня изъ училища. Извѣстіе о моемъ отъѣздѣ ужасно поразило Ламберта; — мы спрятались, чтобы вмѣстѣ заплакаться.

— Увижу-ли тебя когда нибудь? . . . Сказалъ онъ сладостнымъ своимъ голосомъ, крѣпко обнимая меня.

— Ты будешь жить прибавилъ онъ. Но я, я умру! и если можно, — явлюсь тебѣ!

Надо быть юношей, чтобъ произнестъ такія слова съ рѣзкимъ убѣжденіемъ, которое заставляетъ принять его за обѣщаніе, пугающее своимъ исполненіемъ. Я долго думалъ объ этомъ обѣщанномъ видѣніи. — Находятъ такіе дни тоски, сомнѣнія, боязни, одиночества, что я вынуждаюсь прогонять воспоминаніе этой горестной разлуки, которая впрочемъ не должна быть послѣднею.

Когда я шелъ выходнымъ дворомъ, Ламбертъ прильнулъ къ рѣшетчатому окну столовой, чтобы еще насмотрѣться на меня. По неотступности моей, матушка выпросила ему позволеніе отобѣдать съ нами въ гостинницѣ; и въ свою очередь, вечеромъ, я отвелъ его къ роковому порогу училища. Никогда любовники разставаясь не проливали столько слезъ какъ мы!

— И такъ прощай милый! . . . Я остаюсь одинъ въ этой пустынѣ, сказалъ онъ, указывая на обширные дворы, гдѣ играли и забавлялись двѣсти воспитанниковъ. Когда усталый, полумертвый возвращусь я изъ продолжительныхъ странствованій по степямъ мысли, то въ чьемъ сердцѣ отдохну я? . . . Одинъ мой взглядъ высказывалъ тебѣ все; а теперь кто пойметъ меня? . . . Прощай! — О если бы я никогда не зналъ тебя, не зналъ бы и ужасной потери моей

— А со мною, отвѣчалъ я ему, что станется со мною? . . . Положеніе мое не въ тысячу ли кратъ ужаснѣе? . . . Тамъ, ничего не будетъ для меня утѣшительнаго.

Онъ покачалъ головою; — движеніе сквозившее прелестію смѣшанною съ невыразимою горестію; — такъ мы разстались. Я опять съ нимъ видѣлся въ послѣдствіи; но не узналъ прежняго, огненнаго Ламберта! . . .

Во время разлуки нашей, Лудвигъ Ламбертъ, былъ вышиною въ пять футовъ два дюйма: и не выросъ больше. Въ лицѣ его, получившемъ необъятную выразительность, проглядывала необыкновенная доброта души. Его ангельское терпѣніе, — слѣдствіе суроваго обхожденія съ нимъ; непрерывное сосредоточеніе внутри себя — потребность его созерцательной жизни, изгладили въ его взорахъ ту дерзкую горделивость, которая нравится въ нѣкоторыхъ людяхъ, и которою онъ еще такъ недавно поражалъ нашихъ учителей. Въ чертахъ его сіяло мирное чувство и плѣнительная ясность, безъ всякой примѣси язвительнаго или насмѣшки, — чистый образъ силы въ полномъ сознаніи ея. Руки прелестныя, соразмѣрно длинныя и всегда почти влажныя. Весь составъ его — чудо достойное скульптуры. Но наши сѣрые мундиры съ позолоченными пуговицами, короткіе панталоны, придавали видъ самый безобразный, такъ что совершенная соразмѣрность и живописность тѣла Ламбертова была видна только въ купаньи. Когда мы плавали въ нашемъ Ло-

арнскомъ прудѣ, Лудвигъ отличался бѣлизною своею, которая мелькала между разноцвѣтными кожами нашихъ товарищей, съѣженными отъ воды и омраморованными отъ холоду. Онъ какъ цвѣтокъ, видомъ красивъ, пріятенъ въ движеніяхъ, слегка оцвѣченъ, — не дрожалъ выйдя изъ воды, можетъ потому, что всегда искалъ солнца, бросаясь на дернъ какъ молодой павлинь.

Лудвигъ ѣлъ мало, пилъ только воду; и вообще презиралъ всякую въ отношеніи себя изысканность. По привычкѣ, онъ склонялъ голову на лѣвую сторону и облакачивался такъ часто, что рукава его всегда были изтерты.

Помнится, — онъ утверждалъ, что самое лучшее сочиненіе, какое нынче нужно бы предпринять: — это исторія первоначальной церкви. Никогда онъ не возносился такъ пѣтически, какъ въ минуту

вечернихъ бесѣдъ, обнимая необыкновеннымъ взглядомъ своимъ чудеса, совершавшіяся силою воли, въ ту великую эпоху невинности и вѣры.

— Явленія, бывшія почти при всѣхъ мукахъ, столь мужественно понесенныхъ Христіанами, и распространеніе ихъ вѣры, не доказываютъ ли, говорилъ онъ, что вещественныя средства власти ничтожны протіву силы мышленія и воли человеческой? . . . Всякой можетъ по этому дѣйствию, произведенному волею всѣхъ, заключать о своей отдѣльной волѣ.

Я не намѣренъ излагать его мнѣнія о поэзіи и литературѣ, ни сужденій его о лучшихъ произведеніяхъ нашего языка. Ни мало не любопытно приводить здѣсь мнѣнія, сдѣлавшіяся почти пошлыми, но которыя въ устахъ ребенка казались необыкновенными. Чтобъ выразить въ двухъ словахъ талантъ его: онъ писалъ *Задига* и *Разговоръ Силы и Евкрата*. Строжай-

шая правдивость его понятій заставляла его желать во всякомъ сочиненіи, прежде всего, пользы; а разборчивость ума требовала новизны мысли и формы.

Возносясь выше общества, которое зналъ только по книгамъ, онъ судилъ о немъ сухо.

— Законы, говорилъ онъ, никогда не могутъ обуздывать сильныхъ и богатыхъ, они поражаютъ только слабыхъ, а имъ-то и нужно покровительство! . . .

Добродушіе не позволяло ему сочувствовать политикѣ; его система вела къ страдательному послушанію, котораго Иисусъ Христосъ былъ образецъ.

Въ послѣднія минуты моего пребыванія въ Вандомѣ, онъ не чувствовалъ подстреканія славы. Онъ даже нѣкоторымъ отвлеченнымъ образомъ какъ будто наслаждался этою громкою извѣстностью, но потомъ разсмотрѣвъ ее, онъ, не какъ древніе жрецы, которые доискивались бу-

дущаго въ сердцѣ жертвъ, — ничего прочнаго не нашель во внутренности этой химеры.

Здѣсь, прежде нежели разстанемся съ его дѣтскимъ возрастомъ, не мѣшаетъ окинуть его быстрымъ взглядомъ.

За нѣсколько времени до нашей разлуки, Ламбертъ сказалъ мнѣ:

— Кромѣ общихъ законовъ, которыхъ кажется я нашель формулу, и которые суть тѣже законы нашего организма, — жизнь человѣческая есть движеніе, въ особенности совершаемое каждымъ существомъ, не знаю отъ какой силы, въ Головъ, Сердцѣ и Дѣятельности. Три эти состоянія, выраженные обыкновенными словами, производятъ безконечныя измѣненія человѣчества, зависящія отъ разной мѣры, больше или меньше хорошаго со вмѣщенія, этихъ трехъ главныхъ производителей

Онъ остановился; ударилъ себя по лбу и сказалъ:

— Странно! Все знаменитые мужи, портреты которыхъ я видѣлъ, имѣли короткую шею Быть можетъ природа хотѣла, чтобъ у нихъ сердце было ближе къ мозгу.

Потомъ прибавилъ:

— Отсюда происходитъ какая-то сумма дѣйствиій, составляющая общественный бытъ. Человѣку съ Сердцемъ — Вѣра; человѣку съ Дѣятельностію — Сила; человѣку съ Мозгомъ — Геній. Но, прибавилъ онъ печально, Генію — облако надъ Святилищемъ, а Свѣтъ — одному Богу.

И такъ, по его же опредѣленію, Ламбертъ былъ весь сердце и мозгъ.

По моему, его созерцательная жизнь имѣла три фазиса.

Привыкнувъ съ малолѣтства къ пре-

ждевременной дѣятельности, можетъ по болѣзненному расположенію или по совершенству органовъ, внѣшнія силы его стѣснялись игрою внутреннихъ чувствъ и приизобилованіемъ мозговой жидкости. Какъ мыслителю, ему надлежало утолять жажду мозга своего, который стремился притянуть къ себѣ всѣ понятія. Отсюда его чтеніе; отъ чтенія — думы, которыя научили его давать вещамъ самое простое выраженіе, погружать ихъ въ самаго себя, и тамъ изучать ихъ сущность.

Благодѣянія этого блистательнаго періода, наступающаго у прочихъ людей, развѣ только послѣ долговременнаго ученія, выпали на долю Ламберта въ самомъ младенчествѣ, счастливомъ младенчествѣ, разцвѣтшемъ въ ученическихъ наслажденіяхъ поэта. Съ той черты, на которой большая часть умовъ останавливается, Ламберту надлежало только еще начать свое странствіе въ новые міры познаній.

Здѣсь, не зная самъ того, онъ создалъ себѣ жизнь алчную, исполненную потреб-

ностей — ненасытную. Чтобъ существовать, ему непременно нужно было безпрестанно бросать добычу въ пропасть, которую онъ разверзъ въ себѣ. — Подобно созданіямъ въ вещественномъ быту, — не могъ ли онъ погибнуть за недостаткомъ пищи, отъ чрезвычайности обманутаго алканія? — Такая жадность, проникшая внутрь души, не должна ли была довести ее, какъ тѣла пресыщенныя алкоголю, до мгновеннаго возгорѣнія?

Этотъ первый фазисъ ума мнѣ неизвѣстенъ. Только теперь, я могу объяснить себѣ необыкновенную плодовитость его и дѣятельность. Тогда Ламберту было тринадцать лѣтъ.

Я провелъ съ нимъ только первые дни его втораго фазиса. Здѣсь Ламбертъ, — можетъ это и спасло его, — впалъ во всѣ несчастія нашей школьной жизни, и разточилъ избытокъ своихъ мыслей. Перейдя отъ вещей къ ихъ точному вы-

раженію, отъ словъ къ ихъ идеальной сущности, отъ этой сущности къ основнымъ началамъ; наконецъ все отвлекая, онъ домогался, чтобъ не умереть — новой пищи, новыхъ созерцаній. Обузданный бѣдствіями училища и болѣзнями тѣлесными, онъ началъ углубляться внутрь себя, разгадалъ ощущенія и провидѣлъ новыя знанія — истинную груду понятій!

Остановленный въ теченіи своемъ и слишкомъ слабый еще, чтобы созерцать высшія сферы, онъ разсматривалъ самаго себя внутренно. Тогда онъ мнѣ представилъ борьбу мысли съ ея отдѣйствіемъ на себя самую, произведенную желаніемъ похитить тайну своей природы; это тоже, еслибъ врачъ, сталъ изучать свойство собственной болѣзни.

Я хотѣлъ бы утаить отъ глазъ свѣта—

имя, черты лица, видъ и жизнь той женщины — ангела, которой такъ жадно искалъ Ламбертъ, утаить за тѣмъ собственно, чтобъ только одному знать тайну ея существованія и схоронить далеко въ моемъ сердцѣ. Я счелъ себѣ долгомъ, не смотря на всю трудность, попытаться описать юность Лудвига, эту сокровенную жизнь, которой обязанъ сладостными часами и пріятнѣйшими воспоминаніями безпечной юности моею: за исключеніемъ этихъ двухъ лѣтъ — я только томился и скучалъ.

Конечно, я слишкомъ разиространялся. Но не проникнувъ во всю обширность сердца и ума Ламбертова, — два слова, которые не вполне еще изображаютъ безконечные переливы *его внутренней жизни*, — почти невозможно было бы понять третій фазисъ его созерцательной жизни, равно неизвѣстный свѣту и мнѣ, но въ сокровенную паготу котораго, мнѣ было позволено заглянуть на нѣсколько часовъ.

Тѣ , кому еще не наскучила эта книга, надѣюсь, поймутъ остальные приключенія.

Ламбертъ вышелъ изъ училища восемнадцати лѣтъ, въ половинѣ 1815. Черезъ шесть мѣсяцевъ потомъ онъ лишился отца и матери. Не находя въ семьѣ своей никого, съ кѣмъ бы породниться душою, всегда летучею, но вѣчно сжатою со дня нашей разлуки, — онъ удалился къ дядѣ своему, опекуну, поселившемуся въ Блоа, по смѣнѣ съ должности проповѣдника.

Лудвигъ прожилъ у него нѣсколько времени; но томимый желаніемъ кончить свое ученіе, которое считалъ неполнымъ, — отправился въ Парижъ, чтобы увидѣть Г-жу Сталь, и почерпнуть ученость въ

самыхъ источникахъ. Старый священникъ, до слабости любимшій Лудвига, — допустилъ ему прожить въ Парижъ, все наследство свое въ три года, и совѣмъ тѣмъ онъ терпѣлъ тамъ крайнюю нужду; учился по санскритски, гречески, арабски, рылся въ библіотекахъ, ходилъ на публичныя лекціи — и возвратился въ Блоа въ началъ 1820, прогнанный изъ Парижа, страданіями неизбѣжными для людей безъ состоянія. Его сердце безпрестанно тамъ леденѣло; душа изныла: — не встрѣтился ни другъ утѣшитель, ни врагъ, отъ котораго бы жизнь могла дать отголосокъ.

Принужденный жить безпрестанно въ самомъ себѣ, и не раздѣляя ни съ кѣмъ своихъ высокихъ наслажденій, онъ можетъ быть рѣшилъ бы свой жребій изступленіемъ, и вѣроятно подъ формою почти растительною, какъ анахоретъ первыхъ временъ церкви, (27) добровольно отрекся бы власти міра ученаго. Конечно, онъ, должно быть, довольно настрадался, собралъ горькій опытъ между людьми, или

гналъ все общество страшною ироніей; и все это не могло въ немъ, бѣднѣйшемъ, возбудить даже и то желаніе, которое исполнили нѣкоторые владыки, утомленные роскошью и властію.

Или можетъ быть въ уединеніи, онъ кончилъ бы какой нибудь великой трудъ предпринятый въ умѣ его. Никто въ это время не проникъ въ тайну его мысли. Онъ конечно былъ игралищемъ этихъ урагановъ воли, этой бурливости мыслей, которою волнуемы всѣ художники, если судить по одному приключенію, живо оставшемуся въ памяти его дяди.

Однажды Лудвигъ, сидя во Французскомъ театрѣ, на скамейкѣ во второмъ ярусѣ галерей, возлѣ одной изъ колоннъ, между которыми расположенъ третій ярусъ, всталъ въ первый ангръ-актъ, и увидѣлъ молодую женщину, которая только что вошла въ сосѣдную ложу. Взглядъ на эту женщину, юную и прекрасную, мило одѣтую и сопровождаемую молодымъ человекомъ, любимцемъ ея, для котораго

всѣ черты ея лица блистали прелестью любви, произвелъ на душу и чувства Ламберта такое жестокое впечатлѣніе, что онъ въ ту же минуту вышелъ изъ залы. Если бъ онъ не ухватился за послѣдній лучъ разсудка, не совсѣмъ еще погасшій въ первый мигъ этой огненной страсти, то вѣроятно бы увлекся желаніемъ почти не-удержимымъ — убить того юношу, къ которому стремился взглядъ этой женщины. Въ нашемъ Парижскомъ свѣтѣ, — это взрывъ любви дикаря, кидающагося на женщину, какъ на добычу, это инстинктъ звѣря, соединенный съ неимовѣрною быстротою почти свѣтлаго полета души, сдавленной подъ грудой мыслей; это мнимое прикосновеніе перочиннаго ножа, которое ощущалъ ребенокъ, превратившееся у взрослого, въ громовый ударъ его генія. (28).

Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Блоа, дядя Лудвига повелъ его, для развлеченія, въ одинъ изъ тѣхъ домовъ, гдѣ обыкновенно, по своему, онъ провожалъ вечера. Никто не хотѣлъ принимать къ

себѣ революціонера изгнанника. И такъ общество его состояло только изъ нѣсколькихъ единомышленныхъ, по тогдашнему, вольнодумовъ, которыхъ онъ завѣщалъ для партіи виста или бостона. Въ этотъ вечеръ Лудвигъ увидѣлъ молодую дѣвушку, положеніе которой вынуждало ее оставаться въ обществѣ, презираемомъ людьми большаго свѣта; но значительное богатство ея заставляло предполагать, что со временемъ, она можетъ войти въ союзъ съ высшею степенью тамошней аристократіи.

Дѣвица Полина Вильнуа, была единственная наследница богатства, собраннаго ея дѣдомъ, по имени Саломономъ, который, вопреки обычаямъ земли своей, женился въ старости на католичкѣ, и имѣлъ сына, воспитаннаго въ законѣ матери. По смерти отца, молодой Саломонъ, слѣдуя духу времени, купилъ помѣсть Вильнуа, произвелъ въ Баронское достоинство Вильнуа, присвоивъ себѣ это имя; умеръ холостымъ, оставя дочь, которой завѣщалъ большую часть имѣнія, именно помѣстье

Вильнуа, и назначилъ сиротѣ опекуномъ дядю ея Іосифа Саломона. Этотъ старый Жидъ такъ горячо любилъ свою питомицу, что казалось готовъ былъ на всѣ жертвы, чтобы только пристроить ее почтеннымъ образомъ. Но происхожденіе дѣвицы Вильнуа, и закоренѣлое предубѣжденіе къ Жидамъ, не смотря на состояніе ея и опекуново, возбраняли ей доступъ въ то избранное сословіе, которое справедливо илп итъ, зовется благороднымъ. Не смотря на это, Іосифъ Саломонъ все таки надѣлся, что за недостаткомъ провинціальнаго дворянчика, воспитанница его найдетъ въ Парижѣ супруга между Перами либералами или монархистами. Что же касается до ея благополучія, добрый опекунъ думалъ защитить отъ всего, условіями супружескаго контракта.

Дѣвица Вильнуа была тогда двадцати лѣтъ. Рѣдкая красота ея, прелесть и тонкость ума, къ счастью, служили ей оградою, больше прочною, чѣмъ богатство и контрактъ.

Черты лица ея выражали во всей чистотѣ свойство красоты Иудейской: эти продолговатыя овальныя линіи, рѣзкія и дѣвственныя, имѣли въ себѣ нѣчто идеальное, и дышали сладостью востока, его безоблачною лазорью неба, роскошью земли и баснословными сокровищами жизни. Прекрасныя глаза ея, завѣшенные длинными рѣсницами, опушались густою, тончайшею дугою бровей. Священная непорочность оживляла чело. Цвѣтъ лица отливался въ ней матовою бѣлизною одежды Левитовъ. — Обыкновенно молчалива и задумчива; но пріемы, движенія, высказывали скрытую прелесть, а слова, — ласковый и кроткій умъ женщины. Впрочемъ, она не имѣла того рѣзкаго румянца, тѣхъ багряныхъ щекъ, которыми рисуется безпечный возрастъ дѣвицы. Отливъ смуглый, съ примѣсью немногихъ красноватыхъ жилокъ — выражалъ характеръ яркой, раздражительность нервическую, которая многимъ мужчинамъ не нравится въ женщинѣ, но которая для иныхъ, служить знакомъ чувственной непорочности и гордыхъ страстей.

Ламбертъ, увидѣвъ дѣвицу Вильнуа, тотчасъ узналъ ангела подъ этой формой. Тогда-то прекрасныя, сильныя способности души, его мысль такая живая и дѣятельная, склонность къ изступленію — все растопилось въ безпредѣльную любовь, первую любовь юности, страсть сильную у всѣхъ, но которую, непрерывное горѣніе чувствъ, свойство его мысли и родъ жизни, должны были довести до самой необузданной степени. — Эта страсть была пропасть, въ которую несчастный ринулся весь, — пропасть, куда мысль страшится ступить, потому что и его мысль, такая гибкая, закаленная, погибла невозвратно. Тамъ все таинство, — все происходило въ духовномъ мірѣ, недоступномъ для большей части людей, и котораго — такъ ему казалось, — онъ отгадалъ законы.

Когда случай свелъ меня съ его дядей, добрый старикъ показалъ мнѣ ту комнату, гдѣ въ это самое время Ламбертъ жилъ. Я искалъ, нѣтъ ли въ ней чего нибудь изъ его сочиненій; и между бума-

гами, безпорядокъ которыхъ старикъ почтилъ сильнымъ чувствомъ горести, отличающимъ старыхъ людей, я нашелъ много писемъ, такъ нечеткихъ, что вѣроятно по этому онъ не отослалъ ихъ дѣвицѣ Вильнуа.

Умѣя разбирать почеркъ Ламберта, мало помалу я разгадывалъ Иероглифы этой стенографіи, созданной нетерпѣніемъ и бѣшенствомъ страсти. Увлекаемый чувствами, онъ писалъ не видя безобразія строкъ, слишкомъ неповоротливыхъ подъ молниеносною быстротою мысли. Лудвигъ принужденъ былъ переписывать свои изуродованные опыты, въ которыхъ строки часто сливались; онъ боялся сообщить понятіямъ своимъ ложный видъ, и въ началѣ по два раза переписывалъ письма своей любви.

Какъ бы то ни было, а надлежало имѣть весь жаръ благоговѣнія къ памяти его, и родъ фанатизма, способствующаго такого рода предпріятіямъ, чтобъ угадать и воскресить смыслъ слѣдующихъ пяти

писемъ. Эти рукописи, которыя храню какъ драгоцѣнность,—единственные вещественные памятники огненной его страсти. Вѣроятно дѣвица де Вильнуа истребила настоящія письма, полученные отъ него, эти краснорѣчивые документы безумія, которому она причиной.

Первые письма были точь въ точь черновые; это обличалъ ихъ видъ, ихъ полнота, неизвѣстность, томленіе сердца, боязнь, возбуждаемая желаніемъ нравиться, неровность выраженій, и эта робость мыслей, связывающая юношу въ первомъ письмѣ его любви: письмѣ, которое долго помнится, гдѣ каждая строка есть плодъ мечты, каждое слово погружаетъ въ продолжительную думу, гдѣ чувство самое необузданное изъ всѣхъ, понимаетъ необходимость скромныхъ изворотовъ; и какъ исполинъ, сгибается при входѣ въ хижи-ну, — дѣлается ручнымъ, малымъ, чтобъ не испугать робкую дѣвушку.

Никогда антикварій не прикасался съ большимъ благоговѣніемъ къ своимъ рѣд-

костямъ и не изучалъ ихъ какъ я, чтобъ возстановить эти развалины памятниковъ страданій и радостей, столь священныхъ для тѣхъ, которые извѣдали сами ту же радость, тѣ же страданія.



I.

Сударыня, когда вы прочтете это письмо, моя судьба будетъ въ вашихъ рукахъ: я люблю васъ; любить васъ — есть жизнь моя. Пусть другіе говорили вамъ то же, и обманывали, — вы вѣрьте истинѣ моихъ словъ: они слабы, но какъ искренни! Можетъ и не должно бы такъ сознаваться въ любви: — да, голосъ сердца совѣтовалъ мнѣ: молчаливо ждать, пока моя страсть васъ тронетъ, или поглотитъ ее, когда бы пѣмой языкъ ея былъ вамъ

противень. Долго прислушиваясь къ робости, столь сродной юному сердцу, наконецъ я далъ волю инстинкту, по которому умирающій кричитъ невольно, хотя и бесполезно. — Сколько мужества потребно было, чтобъ заглушить голосъ гордости, нетерпящей неудачь, и разрушить между вами и мною преграды, поставленныя предразсудкомъ. — Да, я долженъ былъ подавить бездну мыслей, чтобъ любить васъ, не смотря на ваше богатство, и рѣшиться писать къ вамъ, ожидая того презрѣнiя женщинъ за любовь, признанiе въ которой онѣ принимаютъ за лестъ — одною больше, въ счетъ уже полученныхъ или ожидаемыхъ. Брошусь же всею силою къ блаженству, увлеку себя къ жизни любви, какъ подсолнечникъ — къ солнцу; — сумѣю побѣдить муки, томленiе этихъ скрытыхъ наущенiй, которыми холодный разсудокъ старается въ тысячи видахъ рисовать бесплодность желанiй, таящихся въ глубинѣ сердца, и которая надежда всѣми силами ободряетъ. Я такъ былъ счастливъ удивляясь вамъ въ безмолвiи, былъ такъ безиредѣльно по-

груженъ въ созерцаніе прекрасной вашей души, что въ вашемъ присутствіи ни что уже не вмѣщалось во мнѣ. Нѣтъ, еще я не посмѣлъ бы говорить съ вами, еслибъ не слышалъ о вашемъ отъѣздѣ. Какъ мучительно было одно это слово! и эта мука раскрыла мнѣ всю силу моей привязанности: — о какъ она безпредѣльна! вы никогда не испытывали, и дай Богъ, чтобъ никогда не испытали той горести, которую причиняетъ страхъ, лишиться единственнаго блага, разцвѣтшаго для насъ на землѣ, блага, сверкнувшаго лучемъ во мракъ плачевной нищеты. Вчера я чувствовалъ, что жизнь моя не во мнѣ, но въ васъ. Въ цѣлой вселенной для меня только одна женщина, въ душѣ моей одна только мысль — это вы! Я не смѣю вамъ выразить въ какія крайности бросаетъ меня любовь. Желая быть только вамъ обязаннымъ за васъ, я не долженъ являться передъ вами со всеми очарованіями несчастья: — для душъ благородныхъ они обольстительнѣе всѣхъ обаяній богатства? И такъ о многомъ умолчу; высоко мое понятіе о любви, чтобы чер-

нить ее мыслями чуждыми ея природѣ. Если душа моя достойна вашей, если жизнь моя чиста, — сердце ваше отгадаетъ, и пойметъ меня! Жребій предоставилъ мужчинѣ первому повергать цвѣтокъ своей любви передъ тою, которая внушила ему вѣру въ счастье; ваши права — такъ искони было — отвергать чувство, даже самое истинное, если оно не вторитъ смутному голосу вашего сердца: я это знаю. Но если участь, вами для меня положенная, противна моему ожиданію, — заклинаю васъ всею разборчивостью непорочной души вашей, и высокимъ благочестіемъ женщины, да, на колѣняхъ умоляю, сожгите письмо, забудьте все! Не играйте чувствомъ священнымъ, и слишкомъ глубоко врѣзавшимся въ душѣ, чтобъ истребить его. Разбейте, но не терзайте мое сердце. Пусть голосъ первой любви моей, любви юной и непорочной, отзовется только въ сердце юномъ и непорочномъ; пусть тамъ умереть онъ.

Я благодаренъ вамъ : я провелъ незабвенные часы , смотря на васъ и погружаясь въ думы , сладчайшія во всей моей жизни . Не губите того минутнаго и хрупкаго блаженства , женскою насмѣшкой . Не отвѣчайте и—довольно : знаю какъ растолковать это молчаніе : вы не увидите меня больше . Если я осужденъ навсегда только разумѣть счастье и вѣчно терять его ; — если я , какъ ангель изгнанникъ , помню только упоеніе небесное , на вѣки прикованъ къ міру горести и скорби — ну , что же ? — я схороню тайну любви моеѣ точно также , какъ и тайну нищеты моеѣ . Прощайте ! . . . Да , я поручаю васъ Богу , молю Его о счастіи вашемъ , и никогда васъ не покину , даже и въ изгнаніи изъ вашего сердца ; — иначе , чтобы за цѣна была святыхъ словъ этого письма , молитвы первой и можетъ быть послѣдней ! Я достоинъ всѣхъ страданій моихъ , если перестану хотя одинъ день о васъ помышлять , любить , — блаженный или несчастный .

II.

Вы остаетесь. Такъ я любимъ! — я, бѣдное, темное существо! Милая Полнна, вы еще не знаете всей силы взгляда, въ который я вѣрую, которымъ высказали вы, что я уже избранъ вами, юною и прекрасною, достойною видѣть все у ногъ своихъ. Чтобы дать вамъ понятіе о блаженствѣ моемъ, надо бы пересказать сперва всю жизнь мою. — Отвергни вы меня — все бы кончилось. Я слишкомъ настрадался! Да, любовь моя, эта упоева-

ющая, торжественная любовь, — послѣднее усиліе къ счастливой жизни, которой душа моя такъ жаждала, душа, уже разбитая тщетными усиліями, снѣдаемая страхами, заставляющими меня сомнѣваться во мнѣ самомъ, источенная отчаяніемъ, давно зовущимъ къ смерти. Кто можетъ знать, до какой степени ужасаетъ меня мое же гибельное воображеніе. Оно часто возноситъ меня къ небесамъ; и вдругъ низвергаетъ съ высоты въ преисподнюю. Сердечный полетъ силы, какія-то рѣдкія и скрытыя свидѣтельства, особенно ясныя, говорятъ мнѣ иногда, что я многое могу. Тогда я обвиваю мыслию весь міръ, верчу его, пересозидаю, проницаю, постигаю, или думаю, что постигаю; я — пробужаюсь въ одиночество: во мнѣ ночь глубокая, безсиліе, даже не помню тѣхъ отблесковъ свѣта, которые сей-часъ лишь озаряли меня, — нѣтъ помощи, нѣтъ сердца, гдѣ бы могъ укрыться и сердцемъ отдохнуть! Такое зло внутренней жизни моей, равно дѣйствуетъ и на жизнь внѣшнюю. Свойство моего ума беззащитно предастъ меня: и восторгамъ блаженства и всей

ужасной ясности размышленія. Тогда видя въ равномъ свѣтѣ и успѣхъ и преграды, смотря по вѣрованію той минуты, я счастливъ и несчастливъ. Такъ, увидѣвъ васъ я ощутилъ присутствіе вышей природы; я вдыхалъ отраднѣйшій воздухъ въ раскаленную грудь; потомъ я слышалъ въ себѣ голосъ, который никогда не обманываетъ, голосъ, предвѣщающій блаженную жизнь. Но взглянувъ на всѣ преграды, насъ разлучающія, разгадывая въ первый разъ людскія предразсудки, и только тогда обнявъ всю обширность ихъ ничтожества, — я ужаснулся этихъ преградъ гораздо болѣе, чѣмъ восхитился блаженствомъ. Тогда-то я ощутилъ этотъ ужасный отбой, которымъ текущая душа моя была отброшена въ самую себя. Улыбка, которую вы изъ меня вызвали, внезапно превратилась въ какое-то горькое оцѣпенѣніе, я усиливался прохолодить себя, — но кровь, волнуемая тысячею противоположностей, клокотала какъ расплавленный металлъ. Наконецъ я понялъ это грызущее чувство, къ которому, двадцать три года подавленныхъ сѣтованій и вѣроломныхъ

взрывовъ, еще не приучили меня. Полива, взглядъ, которымъ вы возвѣстили мнѣ благополучіе, этотъ взглядъ растопилъ весь ледъ моей жизни, и эти двадцать три года, такіе богатые мечтами счастья— ваши. Любовь моя вдругъ выросла. Душу мою, эту обширную пустыню, въ которой не доставало солнца, озарилъ одинъ вашъ взглядъ. Благословенное провидѣніе! вы все для меня — бѣднаго сироты, у котораго кромѣ дяди, нѣтъ другой родни. Вы все мое семейство, счастье, вселенная моя. Не всѣ ли человѣческія богатства вы передали мнѣ этимъ дѣвственнымъ, роскошнымъ, робкимъ взглядомъ? Да, вы вдохнули въ меня увѣренность, — нѣтъ! дерзость неимоверную. Я всемогущъ теперь. Унылый воротился изъ Блоа; — въ пятилѣтнее ученіе въ Парижѣ, свѣтъ показался мнѣ темницей. Я обнималъ цѣлыя науки, и не смѣлъ говорить о томъ. Слава мнѣ казалась пустозвономъ, ничтожнымъ для души великой. Мои понятія надлежало бы имѣть человѣку столько смѣлосту, чтобы стать на подмостки, и громко говорить глупцамъ, которыхъ прези-

расть. Такой отваги мнѣ не доставало. Я страшичалъ разбитый приговоромъ толпы, отчаявшись когда нибудь заставить ее выслушать себя. Я былъ слишкомъ великъ и слишкомъ малъ. Я тайлъ мысли мои, какъ другіе таятъ свое ничтожество. — Мнѣ опротивѣло ученье за то, что ничего не прибавляло къ истинному благополучію. Но со вчерашняго дня все во мнѣ измѣнилось. Для васъ я жажду вѣнковъ славы, и торжества дарованій! Я хочу, склонивъ голову на ваши колѣна, привлечь къ нимъ взоры всего свѣта; хочу передать любви моеѣ весь умъ, всѣ силы! Теперь и самая слава есть для меня благо, котораго никакая власть не можетъ создать Да, я могу, если захочу, составить ложе вамъ изъ лавровъ. Но если мирнаго торжества наукъ для васъ мало, о, я ношу въ себѣ и мечъ и слово, — могу и я летать по попрису суеты и честолюбія, гдѣ другіе лишь пресмыкаются. Только скажите Полина, я буду все, чѣмъ захотите. Моя стальная воля всемогуща. Я любимъ, и предъ броней этой мысли, что можетъ устоять? Будьте

вы наградой за успѣхъ, и завтра же, — на ристалище. Чтобъ заслужить еще такой взглядъ, которымъ вы уже удостоили меня, — я готовъ перешагнуть все пропасти. Вы объяснили мнѣ баснословные подвиги рыцарства, и самые причудливые рассказы Тысячи и одной ночи. Теперь, я вѣрю самымъ чудовищнымъ иступленіямъ любви и возможности всего, на что отваживается узникъ за свободу. Вы пробудили тысячу добродѣтелей, дремавшихъ въ существѣ моемъ: терпѣніе, самоотверженность, все силы сердца, все власти души; вами я, и, сладостная мысль, для васъ — живу. Нынче все для меня имѣетъ смыслъ въ этой жизни. Я даже постигаю всю суетность богатства. Я готовъ похитить въ Индіи все перлы и положить у вашихъ ногъ; — съ восторгомъ рисую себя — вотъ вы склонились на ложе изъ прекраснѣйшихъ цвѣтовъ, вотъ покоитесь на мягкихъ, роскошнѣйшихъ тканяхъ! — Вижу, какъ вся роскошь и пышность земли ничтожны — не стоятъ васъ; хотѣлъ бы имѣть я власть усладить васъ очарованіемъ гармоніи всехъ арфъ, озарить бле-

скомъ всѣхъ свѣтилъ небесныхъ. Бѣдный восторженный студентъ! расточаю богатство слова, и могу дать только одно сердце мое; но въ этомъ сердцѣ вашъ вѣчный тронъ: — и вотъ мое имущество! А моя безпредѣльная признательность, моя улыбка, которой счастье придаетъ всю разноцвѣтность выраженія, и постоянное вниманіе любви моей, угадывать желанія братской души вашей — развѣ это не безцѣнное богатство? — Небесный голосъ не высказалъ ли намъ, что мы всегда можемъ любить и разумѣть другъ друга. Теперь, всякой вечеръ я возношусь молитвою къ Богу, молитвою за васъ: — »Господи! излей благодать свою на мою долину!« . . . Но не занимаете ли вы всѣ часы мои собою, такъ какъ вы занимаете собою мое сердце! Прощайте! Поручаю васъ Богу.



III.

Полина? Скажи не оскорбилъ ли я чѣмъ тебя вчера? Брось эту сердечную гордость, которая таитъ огорченіе, причиняемое любимцемъ души. Брани меня. Послѣ вчерашняго, не знаю, какая-то неопредѣленная боязнь — не огорчилъ ли тебя, — разливаетъ тоску на эту жизнь сердца, которая тобою такъ сладостна и такъ богата. Часто, легчайшее облачко, ставшее между двумя душами, дѣлается мѣдною стѣною. Въ любви нѣтъ легкихъ

преступлений! Ежели въ тебѣ есть даръ этого прекраснаго чувства, ты непременно должна ощущать и всѣ страданія его. Но безцѣнная! конечно вина моя, когда только есть вина. Не позволяю себѣ самонадѣянности, понимать сердце женщины во всемъ объемѣ его нѣжности, во всей силѣ приверженности; я буду только стараться угадывать цѣну тѣхъ чувствъ, тѣхъ тайнъ твоего сердца, которыя тебѣ угодно открыть мнѣ. Скажи, отвѣчай скорѣе. Уныніе, которое наводитъ на насъ сознание вины своей, ужасно, — оно заволакиваетъ жизнь и все туманитъ сомнѣніемъ. Цѣлое утро я просидѣлъ на краю пустой дороги, смотря на башни Вильнуа и не смѣя подойти даже къ нашему забору. Если бъ ты знала все, что я видѣлъ въ душѣ моей! Какіе печальные призраки носились передо мною, подъ сѣрымъ сводомъ неба, угрюмый видъ котораго умножалъ еще болѣе сумрачное расположеніе встревоженнаго духа. Злое предчувствіе гнѣздилося во мнѣ. Я боялся не сдѣлать тебя счастливою. — Все расскажу безцѣнная! Есть минуты, въ которыя духъ меня

оживляющій какъ бы уходитъ, — сила измѣняется. Тогда все тяготитъ меня, каждая жила въ тѣлѣ моемъ становится неподвижною, каждое ощущеніе ослабѣваетъ, взоръ меркнетъ, леденѣетъ языкъ, воображеніе гаснетъ, желанія замираютъ, — только одинъ видъ человѣка остается. Тогда предстань во всемъ торжествѣ красоты твоей, расточай твои сладчайшія улыбки и нѣжнѣйшія слова, — какая-то злая власть слѣпнеть меня, и слышатся нестройныя звуки вмѣсто плѣнительной гармоніи. Тогда, такъ полагаю, носится надо мною ужасный духъ умствователь, открывающій мнѣ ничтожество среди несомнѣнныхъ сокровищъ. Этотъ безжалостный демонъ срываетъ всѣ цвѣты, и съ корнемъ исторгаетъ чувства самыя сладчайшія, нашептывая: — «ну, а послѣ что?» Онъ помрачаетъ все что есть прекраснаго, показывая начало его. Я вижу одинъ только механическій составъ вещей, и не вижу гармоническихъ послѣдствій. Въ эти ужасныя минуты разрушенія, когда злой ангель овладѣваетъ существомъ моимъ, когда свѣтъ божественный померкаетъ въ душѣ — не знаю за что,

— я грущу и страдаю, я бы желалъ быть глухимъ и нѣмымъ, жажду смерти; въ ней вижу покой себѣ. Такіе часы сомнѣнія и тоски конечно необходимы; по крайней мѣрѣ они учатъ меня побѣждать гордость, послѣ пареній возносящихъ меня къ небу, гдѣ я обѣими руками пожинаю вѣдѣніе; такъ всегда, послѣ долгихъ странствій по обширнымъ полямъ умозрѣнія, послѣ свѣтлаго созерцанія, усталый, изнеможенный, впадаю въ эту темноту. — Въ ту минуту, безцѣнная! женщина должна усомниться въ моей нѣжности; по крайней мѣрѣ можетъ. Часто, своеправная, больная, печальная, она будетъ выпрашивать сокровищъ пламенной нѣжности, и тутъ-то ни однимъ взглядомъ не въ состояніи буду утѣшить ее. Мнѣ стыдно Полина, признаться, что тогда плакать съ тобою смогу еще, — но улыбки не вызывешь ни чѣмъ. Женщина въ любви своей находитъ силу подавлять свои огорченія! Она умѣетъ для своего ребенка и для любимца души, страдая, смѣяться. Ужели для тебя Полина я не могу раздражать твоему полу въ этой чудной силѣ?

Со вчерашняго дня, я сомнѣваюсь въ себѣ самомъ. Если я однажды огорчилъ тебя, — однажды не понялъ — трепещу что и впередъ мой духъ мучитель, часто будетъ уносить меня изъ нашей свѣтлой сферы. Не ужьли у меня много такихъ ужасныхъ минутъ? — Любовь моя такая безграничная, развѣ не можетъ искупить этихъ черныхъ часовъ моей жизни? — Или назначено оставаться мнѣ такимъ всегда, какъ я теперь? — Ужасные вопросы! Сила, гибельный подарокъ невѣсть, если можно назвать силою то, что я чувствую въ себѣ. Полина, бѣги отъ меня, покинь меня, лучше мнѣ перенести всѣ бѣдствія жизни, нежели мученія — видѣть тебя несчастливою черезъ меня. Но можетъ быть демонъ потому такъ овладѣлъ мною, что возлѣ меня не было еще бѣлыхъ, пѣжныхъ рукъ, сильныхъ прогнать его. Никогда женщина не изливала въ сердце мое бальзама утѣшеній, и я думаю, что въ эти минуты изнеможенія, любовь, повѣявъ своими крыльями надъ головою моею, прольетъ въ разбитое сердце новыя силы. Быть можетъ это злое уныніе есть

плодъ моего одиночества, есть одно изъ страданій души покинутой, которая стонетъ, и платитъ за невѣдомыя сокровища свои, невѣдомыми горестями. За минутное наслажденіе, минутныя горести; — за неисчерпаемое блаженство неслыханныя муки Какой приговоръ! и если справедливъ онъ, то не должны ли трепетать мы, такіе счастливцы? . . . Если природа все продаетъ по истинной цѣнѣ, то какая бездна зіяетъ передъ нами! Да, тѣ любящіеся сердца богато надѣлены, которые умираютъ вмѣстѣ среди сокровищъ юности и любви! Какъ грустно! — Не предвѣщаетъ ли душа моя злой будущности? Я испытываю, спрашиваю себя, пѣтъ ли чего нибудь во мнѣ, чтобы могло хотя слегка озаботить тебя? Не своекорыстно-ли люблю тебя?—Можетъ быть моя нѣжность не столько усладитъ твое сердце, сколь тяжело будетъ бремя, которое положу на твое безцѣнное чело любви? Ежели есть во мнѣ власть неумолимая, которая повелѣваетъ мною; если я долженъ проклинать, когда ты сложишь руки на молитвѣ, если черная мысль воз-

обладаетъ мною въ ту пору, когда я захочу у ногъ твоихъ играть съ тобою какъ дитя, — не приревнуешь ли къ такому взыскательному и причудливому генію? — Понимаешь ли, безцѣнная, — боюсь, что не буду весь я твой; я добровольно отрѣжусь отъ всѣхъ скипетровъ и пальмъ вселенной, чтобы только ты одна была моею мыслью вѣчной; чтобы видѣть въ нашей сладостной любви прекрасную жизнь, прекрасную поэму; погрузить въ ней всю душу, погубить все силы, и требовать у каждаго мгновенія твоихъ радостей, которыя оно обязано намъ дать. Но посмотри, вотъ толпа воспоминаній любви моей, тучи горести расходятся. Прощай. — Оставляю тебя, чтобы лучше быть твоимъ. Безцѣнная! жду одного слова, которое возвратитъ миръ сердцу моему. Жажду знать, огорчилъ ли я мою Полину, или ошибся сомнительнымъ выраженіемъ лица твоего? Я не хотѣлъ бы упрекать себя, даже послѣ всей блаженной жизни, — что когда нибудь подходилъ къ тебѣ безъ улыбки, исполненной любви, безъ ласковаго слова. Огорчить любимцу души! . . . Полина!

по моему, это верхъ преступленія! Скажи правду, не употребляй великодушной не истины. Но только обезоружь прощеніе твое отъ всякой жестокости!



Отрывокъ.

Привязанность такая полная не есть ли счастье? Да, годы страданій, не выкупятъ одного часа любви. Вчера сѣтованіе твое мелькнуло въ душѣ моей съ быстротою отбрасываемой тѣни. Огорчена ли ты была или страдала? а я страдалъ! Откуда эта печаль? Напиши мнѣ скорѣе. Почему я не угадалъ ее? И такъ мы еще не вполне соединены мыслию? За двѣ мили, за тысячу миль отъ тебя, равно я долженъ ощущать твои муки и горести!

. . Я не повѣрю что люблю тебя , пока жизнь моя не сольется съ твоею въ одну жизнь , въ одно сердце , въ одну мысль. Я долженъ быть тамъ гдѣ ты , видѣть что ты видишь , ощущать , что чувствуешь ты , и всюду преслѣдовать тебя мыслию. Не я ли первый узналъ , что карета твоя опрокинулась , и ты ушиблась? . . Въ тотъ день я тебя не покидалъ , я видѣлъ тебя ; и когда дядя спросилъ — отъ чего я поблѣднѣлъ , я отвѣчалъ ему : — »Дѣвица Вильнуа сей-часъ упала.« Почему же я не прочелъ въ душѣ твоей вчера? . . Или ты хотѣла утаить отъ меня причину горести? Однако я кажется отгадалъ , что ты для меня сдѣлала какія нибудь несчастныя усилія передъ ужаснымъ Господиномъ Саломономъ , который леденить меня. Онъ не нашего нсба. И за чѣмъ хочешь ты благополучіе наше , не похожее на другихъ , подчинить свѣтскимъ приличіямъ ! . . . Но я слишкомъ люблю твою безконечную робость , вѣру твою , твои повѣрья , и готовъ покориться малѣйшей прихоти. Что ни дѣлай — все должно быть хорошо , потому что ничего нѣтъ

чище твоей мысли, какъ ничего нѣтъ прекраснѣе твоего лица, на которомъ отсвѣчивается божественная душа твоя. Прежде нежели я пойду наслаждаться сладостными минутами, которыми даришь меня — буду ждать твоего письма. О! если бь ты знала до какой степени при видѣ башень бьется сердце, особенно когда окраиваетъ ихъ возшедая луна, единственная подруга и повѣренная наша!

IV.

Прощай слава, прощай будущее, прощай жизнь, о которой я мечталъ! Теперь, безцѣнная, слава моя — быть твоимъ, достойнымъ тебя; будущее мое все — въ одной надеждѣ видѣть тебя; жизнь — у ногъ твоихъ, простершись подъ твоими взорами, упоеваться дыханіемъ неба, тобою созданнаго. Всѣ силы мои, всѣ мысли должны тебѣ принадлежать, тебѣ, которая очаровала меня сказавъ: — »мучся, я хочу этого!« Не значить ли похищать

радости у любви, минуты у счастья, чувства у твоей божественной души, отдавал часы ученью, мысли свѣту, иженонія поэтамъ? — Нѣтъ, нѣтъ! безцѣнная! все твое; для тебя пусть цвѣтетъ душа моя. Есть ли что столь прекрасное, блистательное въ сокровищахъ земли и разума, чѣмъ бы можно почтить сердце такое богатое, такое чистое какъ твое, и съ которымъ иногда я осмѣливаюсь и мое сливать? иногда я самонадѣянно думаю, что умѣю любить столько же какъ и ты! Но нѣтъ, ты ангель-женщина, и всегда болѣе прелести въ изъявленіи твоихъ чувствъ, аромата въ дыханіи твоёмъ, мелодіи въ голосѣ, нѣги въ улыбкахъ, болѣе чистоты въ твоихъ взглядахъ, чѣмъ въ моихъ! — да, оставь меня думать, что ты созданіе гораздо высшей сферы, нежели я . . . Ты будешь гордиться, что сошла ко мнѣ, а я — что стою тебя; ежели самое прекрасное убѣжище для женщины, есть сердце совершенно ей отданное, то ты навсегда будешь господствовать въ моёмъ: — никакая мысль, никакой поступокъ не помрачить этого сердца — этого святили-

ца пока продлится въ немъ твоё присутствіе; — а развѣ ты не вѣчно будешь въ немъ? . . Не ты ли сказала мнѣ это очаровательное слово: *Теперь и всегда!* Et nunc et semper! Я вырѣзалъ подъ твоимъ портретомъ эти слова, достойныя тебя. Нѣтъ, никогда я не исчерпаю того что неисчерпаемо, безконечно, безпредѣльно; а таково чувство мое къ тебѣ. Я понималъ весь объемъ его, какъ понимаемъ пространство по одной изъ его частей! Такимъ-то образомъ я имѣлъ неизрѣченныя наслажденія, цѣлые часы исполненные лелѣющаго упоенія отъ одного воспоминанія одного изъ твоихъ движеній, отголоска одного твоего слова И если приведу на память только одинъ часъ упоенія и дружелюбія простаго,—я плачу, истеваю отъ радости, проникнуть до глубины этимъ неисчерпаемымъ источникомъ блаженства, то что же будетъ когда воспоминаніе, подавить меня всею своею тяжестью? Любить есть жизнь ангела! . . . Я кажется никогда не вычерпаю и одного наслажденія смотрѣть на тебя. И это наслажденіе самое скромное, для котораго

всегда мало времени, раскрыло мнѣ: — что это за лицезрѣніе Божіе, которымъ наслаждаются Серафимы и Духи небесные: — естли отъ сущности Его льется свѣтъ такой же обильный свѣжими чувствами для нихъ, какъ для меня отъ твоихъ глазъ, то я бы желалъ изобрѣсть иной языкъ, чтобъ выразить тебѣ возраждающееся упоеніе любви моей; — есть языкъ, и это у насъ: — живой языкъ нашихъ глазъ. Намъ нужно только видѣться, чтобы понимать глазами эти вопросы, эти отвѣты сердца, такіе живые, такіе пронзительные, что ты однажды вечеромъ сказала мнѣ: — »Замолчи пожалуста!« Тогда какъ я ни слова не говорилъ. Помнишь ли, безцѣнная? Но, въ отдаленіи, въ потемкахъ разлуки, нельзя безъ словъ человѣческихъ передать ощущеній божественныхъ: — не смотря на знаніе языка, не нашелъ я въ безчисленности его выраженій, такого, которое бы могло тебѣ начертать сладостное влеченіе сливающее жизнь мою съ твоею въ ту минуту какъ только я задумаю о тебѣ. Потомъ, какимъ словомъ кончить, когда я перестаю къ тебѣ ни-

сать не покидая тебя? Прощай? . . . Но это развѣ при смерти? — Да и смерть что за прощаніе? . . . Тогда душа моя не тѣснѣе ли сольется съ твоею? — О вѣчная мысль моя! Недавно на колѣняхъ, я вручилъ тебѣ и сердце и жизнь мою; теперь какой новый цвѣтокъ чувства сорву въ души и тебѣ перешлю? . . . Къ чему тебѣ ничто когда у тебя все? — Не ты ли мое будущее? — И какъ мнѣ жаль протекшаго! Эти — не наши годы хотѣлось бы отдать тебѣ: чтобъ и надъ ними ты царствовала, какъ надъ моею жизнью. И что была за жизнь когда я не зналъ тебя? — Ничтожество если бъ я не былъ несчастливъ.

Отрывокъ.

Ангель обожаемый, сладостенъ вечеръ подобный вчерашнему! Какое богатство въ твоёмъ безцѣнномъ сердцѣ! И твоя любовь какъ моя, неистощима? Что слово, то новая радость, что взглядъ то опоглубже и ярче. Спокойное выраженіе твоего лица есть безпредѣльный горизонтъ для нашихъ мыслей! . . . Да, все тогда было безконечно какъ сводъ небесный, и ясно какъ лазурь его. Не знаю, какимъ волшебствомъ твои божественныя черты

переливали свою нѣжность во все пріемы и въ самомалѣйшее твое движеніе. Я очень зналъ, что ты вся прелесть, вся любовь, но все еще не зналъ вполне, какъ ты мила. Нѣтъ, безцѣнная, никогда не предъзнаешь ты чѣмъ можешь одарить любовь мою, и быть можетъ невольно отдашь себя потому, что ты простодушна и покорна только своему сердцу. Какое сліяніе кроткаго голоса Полины съ нѣжною мелодіей чистаго воздуха и тишиною неба! ни щебетанія птички, ни малѣйшаго шороху: пустыня и — мы! листки не шелестили на деревьяхъ, не играли разноцвѣтными лучами заходившаго солнца, лучами, которые въ то же время и свѣтъ и тѣнь. Ты ощущала это вдохновеніе небесное, ты, дышавшая различными чувствами, обращая часто взоры къ небу для того только, чтобъ не отвѣчать мнѣ. Ты гордая и насмѣшливая, покорная и самовластная, отдавая всю себя душѣ, мысли, и уклоняясь отъ самой робкой ласки. Прелестное жеманство прелестнаго сердца! — Еще и теперь играютъ, нѣжатъ слухъ мой эти сладкія слова полуневысказанные

какъ дѣтскій лепеть, — эти — не обща-
нія, не отказы, которыя оставляютъ лю-
бви ея лучшія надежды, безъ муки, безъ
страха! какое непорочное воспоминаніе въ
жизни! какъ развились тогда всѣ цвѣты, про-
зябающіе въ глубинѣ души; — подавить
ихъ такъ легко — но какъ свято они
цвѣли и красовались въ душѣ! Такъ и
впередь—не правда ли, милая? Утромъ,
припоминая живыя и свѣжія упоенія, по-
черпнутыя въ тѣ минуты — я ощущаю
блаженство которое представляетъ мнѣ
истинную любовь океаномъ ощущеній вѣч-
ныхъ и всегда новыхъ. — Чѣмъ больше
погружаюсь тѣмъ глубже наслажденіе :
каждый день, каждое слово, каждый взглядъ,
каждая ласка присоединяетъ къ нему дань
своей утекшей радости Да, сердца,
столько великія, чтобъ ни въ чемъ не за-
быться, должны жить при каждомъ сво-
емъ біеніи всѣмъ своимъ счастіемъ и ми-
нувшимъ и ожидаемымъ. Вотъ что нѣко-
гда мнѣ снилось, — а теперь, все это на
яву! Не встрѣтилъ ли я на землѣ ангела,
который, конечно, за всѣ мои страданія

дать мнѣ вкусить все радости! Ангелъ небесный привѣтствую тебя поцѣлуемъ.



V.

Какъ , безцѣнная , нѣтъ больше преградъ! . . . Я твой—ты моя. Каждый день, каждый часъ, каждую минуту, всегда . . . Мы можемъ свободно , непрерывно , цѣлую жизнь быть такъ счастливыми какъ теперь украдкою, въ рѣдкія минуты? Наши чувства такія чистыя, такія глубокія, преобразуются въ безчисленныя ласки о которыхъ я столько мечталъ! Ты будешь вся моею! Такое счастье—ударъ, не вынесу его! Бѣдная, слабая голова моя тре-

щитъ подь тяжестію мыслей. Плачу, смѣюсь и сумазбродствую. Каждое удовольствіе какъ огненная стрѣла пронзаетъ; ес пламя жжетъ меня! Воображеніе, настроенное нѣгой, рисуешь тебя моимъ очарованнымъ глазамъ въ безчисленныхъ, прихотливыхъ, усладительныхъ видахъ . . . Наконецъ вся жизнь моя тамъ, передо мною съ потокомъ своимъ, роздыхами, игрою; она кипитъ, испаряется, дремлетъ и вновь пробуждается юною, свѣжею. Вижу—вотъ мы соединены; идемъ однимъ шагомъ, живемъ одною мыслию; всегда въ сердцѣ одинъ другаго, слышимъ, понимаемъ себя какъ эхо принимаетъ и отдаетъ отголоски сквозь пространство Долго ли проживемъ, пожирая такъ жизнь свою ежечасно? Не умремъ ли въ первыхъ объятіяхъ? И чего же ждать въ послѣдствіи, если уже тотъ сладостный, вечерній поцѣлуй—слияніе нашихъ душъ, истоциль всѣхъ силы наши; тотъ минутный поцѣлуй, развязка всѣхъ моихъ желаній, бессильный истолкователь моленій, вылетавшихъ изъ души моеѣ въ часы разлуки, и какъ жало пригтаившійся на днѣ сердца. Я, ко-

торый такъ часто прибѣгалъ ложиться подъ плетнемъ, чтобъ слышать шелестъ шаговъ твоихъ когда ты шла въ замокъ,— тотъ самый я, буду вполнѣ, когда хочу, удивляться тебѣ, смѣясь, играя, болтая, ходя! . . . Что за блаженство! Ты еще не знаешь какое для меня наслажденіе смотреть какъ ты ходишь, уходишь, приходишь! Надо быть мужчиной, чтобъ испытать такія глубокія ощущенія. Каждое твое движеніе доставляетъ мнѣ больше удовольствій, чѣмъ матери дитя, рѣзвясь или засыпая. Я люблю тебя суммою всѣхъ страстей. Прелесть малѣйшаго движенія твоего вѣтъ на меня всегда новымъ упоеніемъ . . . Кажется я буду проводить цѣлыя ночи, дыша твоимъ дыханіемъ, хотѣлъ бы вползти во всѣ дѣйствія жизни твоей, быть сущностью твоихъ мыслей,— весь быть всей тобою. И такъ я никогда не покину тебя . . . Никакое человѣческое чувство не возмутитъ нашей любви, безконечной въ своихъ преображеніяхъ и чистой какъ все — что едино; наша любовь какъ море, — глубокая! высокая какъ небо! — Ты моя! . . . вся моя! . . .

Такъ, я смѣло могу смотрѣть въ глубину твоихъ глазъ—находить скрывшуюся тамъ милую душу, подслушивать твои желанія! Есть нѣчто, чего не смѣлъ я высказать, но теперь открою. Я ощущалъ въ себѣ какую-то застѣнчивость души, которая противилась полному изліянію моихъ чувствъ, и я старался прикрыть ихъ личиною мысли. Но теперь хочу совершенно обнажить сердце, высказать весь пламень моихъ думъ, раскрыть кипучее честолюбіе моихъ чувствъ, раздраженныхъ уединеніемъ, въ которомъ я жилъ, палкихъ ожиданіемъ счастія; — и ты пробудила ихъ—ты, такая прелестная составомъ, увлекательная пріемами! Но можно ли выразить какъ изувѣчило меня неизвѣданное блаженство, почерпаемое въ обладаніи любимымъ предметомъ! Знай же Полина, я оставался по цѣлымъ часамъ въ оцѣпенѣніи даже отъ насилія страстныхъ желаній моихъ, исчезая въ осязаніи ласки какъ въ пучинѣ бездонной. Въ эти минуты, вся жизнь моя, всѣ мысли, всѣ силы таютъ, сливаются въ то, что я называю желаніемъ, за недостаткомъ слова,

могущаго выразить безуміе безъ имени . . . И теперь уже могу признаться, что когда ты такъ мило подала мнѣ руку, изъ недовѣрчивости къ любви моей—и я отвергъ ее—это была для меня одна изъ минутъ безумія, въ которую замышляютъ убійство для обладанія женщиной! . . . Да, если бѣ нѣжное пожатіе тобой предложенное я ощутилъ такъ живо, какъ голосъ твой отзывался въ моемъ сердцѣ, то не знаю куда бурныя желанія увлекли бы меня. Но я умѣю молчать и страдать много! За чѣмъ упоминать о тѣхъ горестяхъ, когда мои созерцанія становятся осязательными. Теперь, мнѣ уже позволено слить всю нашу жизнь въ одну ласку! Прелестная, безцѣнная моя! на твоихъ черныхъ волосахъ свѣтъ производилъ такую игру, что слезы сами навернулись и я готовъ былъ цѣлые часы все смотрѣть на тебя, если бѣ ты не сказала обернувшись: — »Перестань, мнѣ совѣстно! Завтра наша любовь увѣнчается! Ахъ Полна, чужіе взгляды, несносное любопытство постороннихъ жметъ мое сердце. Поѣдемъ въ Вильнуа, убѣжимъ отъ всѣхъ.

Я желалъ бы чтобъ ни одно существо, имѣющее на себѣ личину человѣка, не проникло въ святилище, гдѣ ты будешь мою. Я даже бы хотѣлъ, чтобъ послѣ насъ его разрушили, истребили; желалъ бы утаить отъ всей природы такое счастье, которое мы одни только въ состояніи понимать, ощущать, и которое такъ безпредѣльно, что я бросаюсь туда на смерть; — это пучина! Не пугайся слезъ, которыми переполнено письмо мое, — это слезы радости. Вѣчное мое счастье! и такъ мы вѣчно не покинемъ другъ друга.

Въ 1822 году, изъ Парижа въ дилижансѣ я отправился въ Туринъ. Въ Мервъ проводникъ нашъ принялъ еще понутчика въ Блоа. Вводя его въ одно со мною мѣсто въ каретѣ, сказалъ шутя:

— Вамъ не будетъ тамъ тѣсно Г. Лефевръ!

И въ самомъ дѣлѣ въ дилижансѣ я былъ одинъ одинешенекъ. Услыша эту

фамилію и видя сѣдаго старика, покрайней мѣрѣ лѣтъ около восьмидесяти, я тотчасъ вспомнилъ дядю Ламбертова. Послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ стороною, я узналъ что не ошибся. Добрый старикъ, собравъ виноградъ въ Мерѣ, возвращался въ Блоа. Тотчасъ я освѣдомился у него о моемъ старинномъ другѣ; но при первомъ вопросѣ важное и строгое лице Ораториста, какъ воина много пострадавшаго потемнѣло; изъ-за морщинъ, сжавшихся на лбу его, выглянула печаль; стиснувъ губы и бросивъ недовѣрчивый взглядъ, онъ спросилъ:

— Вы не видались съ нимъ съ самаго выхода изъ школы?

— Клянусь вамъ, не видалъ его, отвѣчалъ я; но мы оба виноваты забывъ одинъ другаго; вамъ извѣстно, что послѣ школьной скамейки, молодые люди, ведутъ такую бурную и странствующую жизнь, что только встрѣча пробуждаетъ прежнюю любовь. Но иногда воспоминанія юности воскресаютъ такъ живо, что

нельзя ихъ забыть, особенно въ такой тѣсной дружбѣ какъ наша—Ламбертова и моя, *Поэта-и-Пифагора!* . . Я сказала ему свое имя, и лишь только онъ услышалъ, — лице его еще мрачнѣе стало.

— Итакъ вы не знаете, что случилось съ нимъ? возразилъ онъ. Несчастный племянникъ мой собирался жениться на богатой наслѣдницѣ въ Блоа, но наканунѣ свадьбы помѣшался.

— Какъ! Ламбертъ помѣшался? вскричала я цѣпенѣя. Какимъ образомъ? — Память такая острая, голова такая крѣпкая, сужденіе такое пронизательное, что подобнаго ему я не встрѣчала еще. Прекрасный геній, такъ сказать прибитый къ логикѣ, немножко много пристрастился къ тайственности; но сердце превосходнѣйшее! — Что нибудь необыкновенное? . . .

— Теперь я вижу, что вы его коротко знали.

Тогда во всю дорогу изъ Мера до Блоа, мы проговорили о моемъ жалкомъ товарищѣ, и изъ продолжительныхъ отступленій, я узналъ подробности, которыя и передалъ уже, чтобъ не терять нити сказа. Я сообщилъ его дядѣ, тайну ученія нашего, свойство занятій его племянника; а старикъ въ свою очередь, пересказалъ приключенія Ламбертовы послѣ нашей разлуки.

По словамъ Господина Лефевра, Ламбертъ походилъ на сумасшедшаго еще до женитьбы. Но эти признаки общи всѣмъ страстно влюбленнымъ; они показались мнѣ меньше характерическими, когда я узналъ, и все бѣшенство его любви, и дѣвицу де Вильнуа. Въ провинціи, гдѣ понятія рѣдѣють, человекъ переполненный новизною мыслей и движимый системою, какъ Лудвигъ, легко могъ прослыть, по меньшей мѣрѣ, чудакомъ; и языкъ его долженъ удивлять тѣмъ больше, что онъ былъ очень молчаливъ. Всякой геній имѣетъ свой особенный складъ рѣчи, и чѣмъ выше и обширнѣе умъ, тѣмъ боль-

не рѣзкихъ странностей служатъ основаніемъ различныхъ степеней *оригинальности*. И такъ въ провинціи всякой оригиналь тотчасъ прослыветъ за полусумасшедшаго.

Первыя слова Г. Лефевра внушили мнѣ сомнѣніе о безуміи товарища моего; и слушая внимательно, я внутренно не вѣрилъ его разсказу.

Самый рѣзкій случай встрѣтился за нѣсколько дней до ихъ женитьбы; — это припадокъ съ Лудвигомъ со всѣми признаками каталепсіи. Цѣлыя пятьдесятъ девять часовъ онъ оставался неподвижнымъ, — глаза оцѣпенѣлыя, не ѣлъ, не говорилъ; — состояніе совершенно нервическое, въ которое впадаютъ люди отъ какой либо сильной страсти; явленіе рѣдкое, но врачи хорошо знаютъ его дѣйствіе. Одно только удивительно, что это первый съ нимъ припадокъ такого рода, къ которому имѣло большую склонность его изступленное сложеніе и тонкость его понятій.

Когда-то мы присовокупляли къ числу удивительныхъ явленій челоуѣчества, это внезапное разлученіе двухъ натуръ, замѣченное Ламбертомъ, и признаки совершеннаго отсутствія внутренняго дѣятеля, изъявляющаго свои невѣдомыя способности, подъ управленіемъ невѣдомой причины. Болѣзнь эта, — пучина столь же глубокая какъ и сонъ, связывалась съ системою Ламберта, изложенною въ его *Теоріи Воли*. Въ ту минуту, какъ Г. Лефевръ пересказывалъ о первомъ припадкѣ Лудвига, я тотчасъ вспомнилъ разговоръ, который, послѣ чтенія книги, я имѣлъ съ Ламбертомъ на счетъ этого предмета.

— Глубокое погруженіе въ самага себя и необыкновенное изступленіе можетъ быть, говорилъ онъ оканчивая, тѣ же каталепсіи неполныя.

Съ того дня, въ который онъ такъ кратко изложилъ эту мысль, онъ старался соединить нравственныя явленія между собою цѣпью дѣйствій, преслѣдуя шагъ

за шагомъ всё явленія разумѣтельности, начиная съ простаго движенія инстинкта совершенно животнаго, которымъ довольствуются многія существа, а особливо тѣ изъ людей, которыхъ силы заняты работою чисто механическою; — переходить къ возбужденію мысли, потомъ къ сравненію, размышленію, самоуглубленію и наконецъ къ изступленію и катаlepsii. — Дѣйствительно Ламбертъ вѣрилъ со всѣмъ простосердечіемъ юноши, что расположивъ такую лѣстницею эти разныя ступени внутреннихъ силъ человѣка, — онъ сдѣлалъ планъ прекрасной книги.

Я вспомнилъ, что по одной изъ тѣхъ неизбѣжностей, которыя заставляютъ вѣрить въ фатализмъ, мы добрались наконецъ до описанія жизни мучениковъ, содержащаго самыя любопытныя явленія совершеннаго отрѣшенія тѣлесной жизни, возможной для человѣка въ припадкѣ его внутреннихъ способностей. Тогда Ламбертъ размышляя о дѣйствіяхъ фатализма, придумалъ наконецъ, что собраніе понятій, которое мы зовемъ *ощущеніемъ*, очень мо-

жетъ быть всцщественною игрою , какой нибудь сильной жидкости. Мы пристрастились къ каталенсіи, и съ жаромъ, свойственнымъ дѣтскимъ затѣямъ , старались испытать, можно ли переносить боль, *думая о другомъ*. Мы изнуряли себя добиваясь оныгтовъ , которые походили бы на судорожныя явленія фанатизма иступленниковъ послѣдняго столѣтія. Я становился на желудокъ Ламберту и держался нѣсколько минутъ, не причиняя ему ни малѣйшей боли ; но не добились никакого припадка каталепсіи.

Такое отступленіе показалось мнѣ необходимымъ для объясненія первыхъ сомнѣній моихъ на счетъ безумія Ламбертова , сомнѣнія которыя Лесевръ совершенно разсѣялъ.

— Когда припадокъ миновался , продолжалъ онъ , племянникъ мой впалъ въ необычайную боязливость , въ тоску неизъяснимую , изъ которой ничто не могло вывести его. Онъ считалъ себя безсильнымъ. Я началъ присматривать за

нимъ съ материнскою заботливостію , и къ счастію моему подстерегъ его въ ту минуту, когда онъ хотѣлъ произвести надъ собою ту же операцію , которой Оригенъ считалъ себя обязаннымъ за все свои дарованія. Тогда немедленно я съ нимъ отправился въ Парижъ , чтобъ ввѣрить его попеченіямъ Господина Ескироля. Въ дорогѣ Лудвигъ впалъ почти въ непробудную сонливость и не узнавалъ меня. Въ Парижѣ медики нащли его неизлѣчимымъ , единогласно совѣтовали оставить его въ глубокомъ уединеніи , и помѣстивъ въ прохладной , умѣренно освѣщенной комнатѣ , не нарушать безмолвія , необходимаго къ его невѣроятному излѣченію.

— Дѣвица Вильнуа , отъ которой я тайлъ положеніе Лудвига , прибавилъ онъ , опустивъ глаза въ землю , замужество которой считали уже разстроенымъ , сама пріѣхала въ Парижъ , и узнала рѣшеніе докторовъ. Тотчасъ она пожелала видѣть моего племянника , и онъ едва узналъ ее ; потомъ , по логикѣ добродѣтельныхъ душъ , вознамѣрилась посвятить себя на все тру-

ды для излѣченія его. — Вѣдь я все это непременно бы, сдѣлала — говорила она, для мужа, почему же не пожертвовать собою для своего любимца? — И не мѣшкая увезла Лудвига въ Вильнуа, гдѣ вотъ уже два года они живутъ.

Вмѣсто пути, назначеннаго мною, я остановился въ Блоа, съ намѣреніемъ навѣстить Ламберта. Добрый Господинъ Лефевръ упросилъ меня пристать въ его домъ, — показалъ мнѣ комнату своего племянника, книги и другія вещи ему принадлежавшія. При каждой бездѣлицѣ, у старика вырывался болѣзненный ропоть горести, которымъ онъ изъявлялъ великія надежды, обѣщанныя преждевременнымъ геніемъ Ламберта, и ужасную печаль, о потерѣ такой невозвратной.

— Молодой человѣкъ который все зналъ, — милостивый государь, сказалъ онъ, положивъ на столѣ томъ сочиненій Спинозы, — не понимаю, какъ могла такая крѣпкая голова разстроиться?

— Къ несчастію, отвѣчалъ я ему, не есть ли это слѣдствіе именно его кривой организаціи? Если онъ въ самомъ дѣлѣ сталъ добычею этого припадка, еще не испытаннаго во всѣхъ его измѣненіяхъ, и который мы привыкли называть *сумасшествіемъ*, то я отношу главную причину къ его страсти. Занятія, образъ жизни, довели его силы и способности до той степени, выше которой малѣйшій излишекъ напряженія, невыносимъ для натуры. Любовь совсѣмъ разбила или вознесла ихъ на новую степень, на которую можетъ быть клеветцемъ, называя, не знаяши свойствъ ея.

— Милый господинъ мой, возразилъ старикъ внимательно выслушавъ меня, ваше сужденіе безъ сомнѣнія логическое; но я не понимаю, какимъ образомъ Лудвигъ ослабѣлъ отъ своихъ чрезмѣрныхъ силъ. А когда и пойму, то это печальное знаніе, утѣшитъ ли меня въ потерѣ?

Дядя Ламберта принадлежалъ къ числу людей, живущихъ только сердцемъ.

На другое утро я отправился въ Вильнуа, и добрый старикъ проводилъ меня до заставы города Блоа; а когда мы взвѣхали уже на дорогу къ Вильнуа, — онъ остановился и сказалъ:

— Я не поѣду туда. Не забудьте что я вамъ говорилъ; и передъ двѣцею Вильнуа не показывайте и вида, что вамъ известно помѣшательство Лудвига.

Потомъ остановясь на томъ мѣстѣ гдѣ мы растались, онъ все смотрѣлъ за мною въ слѣдъ, пока не потерялъ изъ вида.

Съ невыразимымъ ощущеніемъ я подходилъ къ замку Вильнуа. Мысли мои росли на каждомъ шагу по той дорогѣ, по которой Лудвигъ столько разъ ходилъ, гдѣ сердце его лелѣяла надежда, душа возносилась подстреканіями любви. Кустарники, деревья, всѣ прихоти извиистой дороги, края которой обрѣзывались небольшими канавками, все чрезвычайно занимало меня. Тамъ-то хотѣлось мнѣ оты-

скать мысли и впечатлѣнія жалкаго товарища моего. Конечно его вечернія бесѣды на краю этого пролома, куда любовная приходила встрѣчать его, открыли дѣвицѣ Вильнуа всѣ тайнства этой нѣжной и великой души, — какъ нѣсколько лѣтъ назадъ она была открыта мнѣ. Но изъ всего, что меня подстрекало и придавало моему пилигримству безпредѣльную жажду любопытства, между всѣми чувствами благоговѣнія меня сопровождавшими, всего болѣе занимало меня необычайное вѣрованіе дѣвицы Вильнуа, о которомъ старикъ мнѣ наговорилъ.

Заразилась ли она отъ времени помѣшательствомъ своего друга, или до того изучила его душу, что легко могла разумѣть даже самыя мутныя его мысли? Я терялся въ этой чудной задачѣ чувства, которое превышало самыя прекраснѣйшія внушенія любви и всю глубину ея самоотверженія. Умереть одному за другаго, есть жертва почти пошлая. Сохранить вѣрность первой любви, есть подвигъ обезсмертившій дѣвицу Дюкюн; и когда

Наполеонъ и Лордъ Байронъ имѣли послѣдователей въ томъ, что они любили, то позволительно удивляться этой вдовѣ Болинброка; но дѣвица Дюпюи могла жить воспоминаніемъ многихъ лѣтъ блаженства, тогда какъ дѣвица Вильнуа извѣдала только первыя движенія любви; — это высшей степени образчикъ самопреданности. Безумная — она недосыгаема; но понимая и объясняя безуміе, она присоединила къ прелести сердца, — превосходное произведеніе физиологій, достойное изученія.

Лишь только я примѣтилъ высокія башни замка, видъ которыхъ конечно не разъ приводилъ въ трепетъ бѣднаго Ламберта, сердце мое сильно забилося, оттого что я, можно сказать, природнился къ жизни и положенію его, приводя на память всѣ приключенія нашей юности.

Наконецъ я пришелъ на большой пустой дворъ, и даже въ переднюю, никого не встрѣтя. Однако шумъ моихъ шаговъ вызвалъ старушку, которой отдалъ я письмо отъ Г. Дефевра къ дѣвицѣ Вильнуа.

Тотчасъ она отнесла его и возвратясь ко мнѣ, проводила въ низкую залу, обложенную чернымъ и бѣлымъ мраморомъ, — жалюзи спущены, — въ глубинѣ залы я увидѣлъ, но не явственно, Лудвига Ламберта.

— Пожалуста садитесь, сказалъ мнѣ сладкій голосъ, прямо дошедшій до сердца.

Дѣвица Вильнуа стояла возлѣ меня, прежде нежели я примѣтилъ ее, и тихонько подала мнѣ стулъ. Въ первую минуту моего явленія въ этихъ ужаснѣйшихъ потемкахъ, дѣвица Вильнуа и Лудвигъ показались мнѣ двумя черными грудями, прорѣзывавшими собою эту мрачную атмосферу. Я сѣлъ наполненный чувствомъ, которое почти невольно ощущаемъ подъ мрачными сводами храма. Глаза мои, только что со свѣту, — на силу приемотрѣлись къ этой искусственной ночи.

— Съ этимъ господиномъ, сказала она ему, вы были друзья въ училищѣ? . . .

Ламберть не отвѣчалъ.

Наконецъ я разглядѣлъ его, и онъ представилъ мнѣ одно изъ тѣхъ зрѣлищъ, которыя на всегда врѣзываются въ памяти.

Онъ стоялъ на ногахъ, опершись обѣими локтями на деревянную площадку, такъ что бюстъ его, по видимому, сгибался подъ тяжестію головы, склоненной на грудь. Волоса, длинные какъ у женщины, падали по плечамъ, и дѣлали его очень похожимъ на бюсты знаменитыхъ мужей Лудвига XIV-го. — Лице совершенно бѣлое. По привычкѣ онъ теръ безпрестанно одну ногу о другую, и ничто не могло удержать этого машинальнаго движенія, однозвучный скрипъ котораго, производилъ такой ужасный гулъ, что мнѣ страшно и описывать.

— Онъ рѣдко ложится, сказала дѣвица де Вильнуа, хотя всякой разъ просыпается по нѣскольку сутокъ.

Лудвигъ простаиваетъ въ томъ же положеніи дни и ночи; — глаза неподвижны; рѣсницы не поднимаются и не опускаются, какъ у насъ.

Спрося у дѣвицы де Вильнуа, не причинить ли Ламберту вреда, не много больше свѣту, — и съ ея позволенія, я тотчасъ открылъ слегка жалюзи, — видъ моего друга ужаснулъ меня. Весь въ морщинахъ, постарѣлъ, сѣдой, глаза потускли какъ стекло. Вся черты будто судорогою стягивались къ вершинѣ головы. Я заговаривалъ нѣсколько разъ, но онъ не слышалъ. Это, — обломокъ вырытый изъ могилы, это добыча, отнятая жизнью у смерти, или смертью у жизни.

Цѣлый часъ прошелъ, какъ я, погруженный въ безотчетное раздумье, раздраемый тысячею прискорбныхъ мыслей, слушалъ дѣвицу де Вильнуа, которая мнѣ пересказывала подробности этого младенчества въ колыбели; — вдругъ Ламбертъ, переставъ скрипѣть ногами, медленно произнесъ :

— Ангелы совсѣмъ бѣлые!

Не могу выразить впечатлѣнія падо мною этого слова, произнесеннаго голо сомъ обожаемымъ, котораго звуки такъ убійственно было слушать. Глаза невольно налились слезами. Какое-то предчувствіе, внезапно мелькнувшее во мнѣ, заставило сомнѣваться, что Лудвигъ потерялъ разумъ. Однако я былъ точно увѣренъ, что онъ не видѣлъ и не слышалъ меня; но сладость голоса его, отзывавшагося божественнымъ блаженствомъ, сообщала этой рѣчи неодолимую власть. То было откровеніе незримаго міра, которое отзывалось въ нашихъ душахъ, какъ величественный звонъ колокола въ храмѣ среди полнощнаго безмолвія. . . .

Я уже не дивился болѣе, что дѣвица дѣ Вильнуа считала Лудвига въ здоровомъ умѣ. Можетъ быть духовная жизнь уничтожила жизнь внѣшнюю, и Полина, какъ и я тогда, предвкушала неопредѣленныя

виднѣя мелодической и вѣчно цвѣтущей природы.

Дѣвица де Вильнуа сидѣла всегда вользъ него, и вышивала въ пальцахъ шелками, при каждомъ движеніи иглы, взглядывала на Ламберта съ чувствомъ тихимъ и печальнымъ.

Не умѣя сносить подобно ей, такое ужасное зрѣлище, и тайну котораго я не умѣлъ такъ понимать, какъ Полина, я всталъ, и мы пошли проходиться вмѣстѣ, чтобы поговорить о ней и о Ламбертѣ.

Вѣроятно, сказала она, Лудвигъ долженъ казаться помѣшаннымъ; — но если сумасшедшими называютъ тѣхъ, у которыхъ отъ неизвѣстныхъ причинъ повреждается мозгъ, и нѣтъ ни въ чемъ малѣйшаго смысла, то онъ не разстроенъ; — въ немъ все идетъ очень стройно. Если онъ не узналъ васъ физически, то не заключайте, чтобъ онъ не видалъ васъ. Онъ

успѣлъ освободиться отъ тѣла, и видитъ насъ подъ другою формою, не знаю какою. Когда же говоритъ, то высказываетъ чудныя вещи. Только очень часто оканчиваетъ словомъ, мысль, начатую въ умѣ, или начавши рѣчь, оканчиваетъ мысленно. Инымъ людямъ онъ покажется помѣшаннымъ, но для меня, которая живетъ въ его мысли, всѣ понятія его очень ясны. Я пробѣгаю дорогу, проложенную его умомъ, и хотя не знаю вполне всѣхъ извилинъ ея, однако могу приходить къ цѣли вмѣстѣ съ нимъ. Кому не случалось, много разъ задумываться о пустякахъ, и увлечься къ важной мысли, круженіемъ понятій или воспоминаній. Часто кто либо разговорясь о какомъ нибудь вздорѣ,— задумывается, и въ быстротѣ полета мыслей, умалчиваетъ или забываетъ постепенность, приведшую его къ заключенію; потомъ возобновя слово, показываетъ только послѣднее звѣно этой цѣпи размышленія. Тогда люди разсудительные, которымъ эта быстрота мысленнаго видѣнія во все незнакома, не разумѣя внутренней дѣятельности души, смѣются надъ мечта-

телемъ , а если онъ привыкъ къ такому роду пропусковъ, считаютъ его сумасшедшимъ. Лудвигъ всегда таковъ. Безпрестанно парить онъ въ пространствѣ мысли, и реить какъ ласточка, къ изворотамъ которой я примѣнилась. Вотъ исторія его безумія. Быть можетъ и онъ возвратится къ этой жизни, въ которой мы прозябаемъ; но если онъ уже дышетъ небеснымъ воздухомъ прежде, нежели онъ для насъ будетъ доступенъ, то за чѣмъ желать видѣть его между нами? — Довольная бѣснѣемъ его сердца, — все мое счастье нахожу возлѣ него. Не весь ли онъ мой? Два года я владѣла имъ по нѣскольку часовъ; и я уже была такъ счастлива тогда, что очень могу жить воспоминаніемъ.

— Но, спросилъ я у нее, записываете ли вы слова, которыя вырываются у него?

— За чѣмъ? . . . отвѣчала она.

И замолчалъ. Человѣческія знанія ка-

зались мнѣ слишкомъ мѣлки предъ этимъ чуднымъ созданіемъ.

— Помню только нѣсколько словъ, сказанныхъ имъ недавно, возразила она.

Я выпросилъ ихъ взглядомъ, ей понятнымъ, и вотъ все, что я собралъ помогая при всемъ томъ ея памяти; потому что она обращала на слова Лудвига только вниманіе женщины любящей, не занимаясь ни смысломъ, ни важностью ихъ.

Гньвь есть электрическая струя. Разрѣшаясь, она потрясаетъ предстоящихъ, хотя вовсе къ нимъ не относится.

*Есть люди, которые разръшеніель
воли своей, подавляють оиуценія толпы.*

*Тайна безсмертія духа человѣческа-
го скрыта и открыта въ видимомъ раз-
рушеніи.*

*Отъ постели твоей до рубежей міра
два шага: Воля-Вѣра!*

*Разрушеніе есть созиданіе новаго, со-
зиданіе есть разрушеніе прежняго; и все
таки то и другое — бытіе, а не уничто-
женіе.*

*Отвлеченіе есть прекраснѣйшее издѣ-
ліе мысли. Оно важнѣе зерна, содержа-
щаго въ себѣ цвѣты, запахъ, листья и
весь составъ растенія; оно можетъ влѣп-
щать цѣлую природу въ зерно. Отвлече-
ніе — царь души.*

Предвидѣніе есть одна изъ способностей внутренняго существа. Она отдѣлываетъ оцущеніемъ непримѣтнымъ и невѣдомымъ для того, кто ему повинуется: — Наполеонъ инстинктомъ сошелъ съ своего мѣста прежде, нежели ядро туда прилетѣло.

Точно пространство существуетъ, по нѣкоторымъ способности даютъ власть перескакивать его съ такою быстротою, что ихъ дѣйствія равняются уничтоженію пространства. 29).

Посмотрѣвъ еще на Ламберта, я оставилъ его великую супругу, и сталъ добычею мыслей такихъ странныхъ, сумасбродныхъ, что не смотря на обѣщаніе возвратиться въ Вильнуа, болѣе не прѣзжалъ туда.

Видъ Лудвига сдѣлалъ на меня какостовидовитое впечатлѣніе. Я боялся попасть въ эту упоительную атмосферу, гдѣ изступленіе такъ приличиво. — Не смѣю сказать, чтобъ лестно было низринуть се-

бя, въ безпредѣльность; — такъ въ будкъ Булонскаго лѣса солдаты перерѣзались, потому только, что одинъ изъ нихъ тамъ убилъ себя. Извѣстно что Императоръ приказалъ выжечь этотъ лѣсъ, располагавшій къ самоубійству. Можетъ быть также заразительна была и комната Лудвигаго? Вотъ еще два событія, подтверждающія его систему Воли. Дѣйствительно, я чувствовалъ необычайное возмущеніе мысли, которое далеко превышало всѣ дѣйствія самыя фантастическія отъ чаю, кофе, сплина, опіума, сна и лихорадки, ганнственныхъ дѣятелей, черезъ посредство которыхъ головы наши подвергаются ужаснымъ дѣйствіямъ.

Вѣроятно я могъ бы составить цѣлую книгу этихъ черенковъ мысленности, занимательныхъ только для нѣкоторыхъ умовъ, привыкшихъ свѣшиваться черезъ край пронасти, въ надеждѣ увидѣть въ ней дно. Жизнь этого необъятнаго мозга, который вѣроятно, растрескался со всѣхъ сторонъ, какъ Имперія слишкомъ обширная, — можно бы развить повѣстествова-

нѣмъ видѣній этого существа, несовершеннаго, отъ избытка силы или отъ избытка слабости; но я счелъ за лучшее дать отчетъ въ моихъ впечатлѣнiяхъ, нежели написать сочиненiе больше или меньше логическое.

Ламбертъ умеръ двадцати восьми лѣтъ 25 Сентября 1824 года, на рукахъ своей подруги, которая схоронила его на одномъ изъ островковъ въ паркѣ Вильнуа. На его могилѣ — простой каменный крестъ, безъ имени, безъ числа.

Цвѣтокъ выросшій на краю бездны, свалился въ нее и съ собой увлекъ непознанную его красу и аромать. Такъ и многие изъ людей, которыхъ не поняли, съ гордостью пожелали погрузить себя и тайны жизни своей — въ ничтожество! . . .

Впрочемъ, Полина имѣла бы полное право вырѣзать на этомъ крестѣ имя Ламберга, оставивъ на немъ мѣсто и для своего. Послѣ потери друга, этотъ новый союзъ, не былъ ли ежечаснымъ ожиданiемъ

ея? — Но суетность погребальная, и пустословіе надгробныхъ, чужды для души вѣрной.

Вильнуа разрушается. Супруга Ламберта не живетъ въ немъ. Но, не отъ несли мы недавно слышали:

Его сердце — мое; а духъ — Божій!

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

1). Ламбертъ , по видимому, попалъ на извѣстное мѣсто о языкѣ первобытномъ, которымъ говоритъ человекъ въ состояніи свѣтломъ, небесномъ: когда имя вполне, живо выражало сущность, истинну вещей; когда каж-

II

дая буква была свѣтлая оболочка, чрезъ кошую прямо сквозили всѣ явленія духа.

Когда первый человекъ искажилъ себя, и не могъ уже оспаваться въ свѣтломъ шѣлкѣ своемъ, тогда и свѣтлыя буквы языка были уже несвойственны, чужды, и тоже одѣлись грубостію условнаго звука. — Немного, очень немного словъ уцѣлѣло во всѣхъ извѣстныхъ языкахъ, копорыхъ звукъ нѣкопорымъ образомъ ошзывается сущностію представляемой вещи или дѣйствія, но и то условно, больше или меньше скрыпно,— искаженно! наримѣръ: *шумъ, трескъ, свистъ* и другіе.

Отсюда Ламбертъ хотѣлъ придать вообще ту знаменательность и жизнь словамъ своего Французскаго языка, копорую имѣлъ только языкъ первобытныи и упрощенныи: — игра воображенія надъ новою блестящею игрушкою! однакожь Г-нъ Бальзакъ придалъ ей поэтическую занимательность.

2). Въ явленія, дѣйствія, событія въ природѣ вещеспвенной, живошной, разумной и Божеспвенной имѣютъ свою причину; причина *дѣйствуетъ*; *произведеніе* или слѣдствіе причины дѣйствующей есть дѣйствіе, явленіе, событіе, дѣло и проч. . .

Причина дѣйствуетъ — вошъ дѣйствіе - *action*; слѣдствіе шакого дѣйствія Французы называютъ *réaction* иногда *contre-action* — у насъ переводятъ иные *воздѣйствіе*, другіе *противодѣйствіе*, по и другое слишкомъ насильственно, какъ въ оригиналѣ такъ и въ переводѣ; потому что предлогъ *ce* соотвѣшествоующій нашему *воз* или *пере*, большою частію означаетъ повтореніе одного и того же дѣйствія, *ce-faire пере-дѣлать*, *ce-tourner воз-вратить*. — Такъ что *réaction* и наше *воздѣйствіе* выражаютъ не произведенія причины дѣйствующей, а повтореніе того же сааого дѣйствія.

Такъ движеніе пальцевъ по струнамъ есть дѣйствіе — *action*; но гармонія — слѣдствіе игры, совсемъ не *réaction*, и не *воздѣйствіе*,

и оная не есть она *contre-action*, и не противодействие, поному-чю эти слова ошзываются сопротивленіемъ, борьбой, спраданіемъ, чего въ гармоніи нѣтъ. Кажется, по Русски не лучше ли назвать это *отдѣйствіемъ* подражая словамъ: *бой -отбой; свѣтъ, отсвѣтъ; блескъ, отблескъ; голосъ, отголосокъ* и наконецъ *дѣйствіе, отдѣйствіе*.

Восходящее солнце представляется глазамъ — *дѣйствіе*; впечатлѣніе или поняніе произведенное имъ въ умъ — *отдѣйствіе*.

Слова поэта — *дѣйствіе*, поняніе произведенное его словами — *отдѣйствіе*.

Во все продолженіе книги буду вездѣ переводить *réaction* — *отдѣйствіе*.

5). Древніе христіянскіе созерцатели глубоко постигали всю пагубность любопытства,

которое никогда не довольствуясь должнымъ и полезнымъ, ищетъ только новаго, и едва успѣвъ опивѣдаться, спремится дальше и дальше, какъ бабочка съ цвѣтка на цвѣтокъ. — Какъ забопливо, искусно и удачно умѣли они, не насилуя этой страсти, обрѣзывать всѣ отпрыски ея, — замѣняя такимъ образомъ любовничество послушаніемъ и готовностію къ принятію того ученія, и тѣхъ знаній, которыми имъ предлагались, а не которыхъ, по своему волю, хопѣлось бы самимъ; эти мудрые наславники, мало по малу размягчали существо воли, которой престоль — сердце, и дѣлали его способнымъ къ принятію впечатлѣній духа, самыхъ таинственныхъ, божественныхъ. Лудвигъ напропивъ, — избалованный ложною вѣжностію отца и матери, весь геній свой сосредоточилъ въ ненасытномъ любознаніи, всю дѣятельность въ своемъ мечтательности, еще въ малолѣтствѣ сдѣлался неспособнымъ, бытъ полезнымъ членомъ общества. Невнимательные монахи не поняли бѣднаго ребенка, не имѣли другихъ средствъ кро-

мъ ферулы, приохопишь его къ виѣшнимъ за-
пятіямъ и рукодѣлію, споль необходимому для
подобныхъ умовъ. Хошьли слою переломишь
навыкъ и — сломли бѣднаго ребенка. Съ дру-
гой стороны еще хуже: безъ этого наслова-
нія, духъ Лудвига вѣчно оспался бы разжи-
женнымъ, бродящимъ въ ущеліяхъ мечпы и во-
ображенія, никогда не могъ бы, сосредоточить-
ся въ одинъ фокусъ, произвешъ свѣтъ и те-
плошу, и какъ спиртъ въ опкупоренной сѣлян-
кѣ, выдохся бы преждевременно. — Но все
таки ему не умѣли дань истиннаго направле-
нія.

4). Здѣсь идетъ дѣло не объ ангелахъ
духахъ, созданіяхъ Божіихъ, но о созданіяхъ
Шведенборговой и Ламбертовой мечпашельно-
сти.

Четыре міра природы: вещественный,
животный, разумный и божественный. Двухъ

первыхъ и послѣдняго отрицать не можемъ ; къ разумному міру принадлежишь человекъ , какъ первое его звено , соединяющее эпопѣю міръ съ міромъ живопнымъ ; но ужели одинъ человекъ занимаетъ весь міръ разумный или духовный , когда прочіе міры наполнены безчисленными степенями существъ , безпрестанно возвышающихся . И такъ Ангелы необходимы , чпобы примкнуть всеобщую цѣпь существъ видимыхъ , и послѣднее звено ея , человека , къ Богу источнику всѣхъ и всего .

5). По видимому Г. Бальзакъ не вѣришь въ бытіе существъ высшихъ — въ нашъ вѣкъ эпо не новостъ . Однакожь никакіе софизмы не запмятъ эпою испины , воплощенной въ человека , даже у самыхъ дикихъ и грубыхъ народовъ .

Вещественность и грубость понятій не

VIII

имѣютъ другихъ буквъ для начертанія религиозныхъ ощущеній — кромѣ кумировъ.

И такъ духи языческихъ народовъ, совсѣмъ не—олицетвореніе ощущеній и потребностей человѣческихъ, а карикашуры на духовъ.

б). Уподобленіе опіуму чтенія эпическихъ писателей, при всей игривости, справедливо только въ отношеніи къ Ламбертамъ, которыхъ мечтательность и любопытство жаждетъ лишь чудеснаго, таинственнаго и новаго; напрошивъ души, ищущія свѣта и пути къ нему, совсѣмъ иное ощущаютъ при этомъ чте-

ни. Первое дѣло Бема, а особливо Гюль, угомонить неугомонное воображеніе, облисть холодною водою накаленные призраки фантазіи, согрѣть сердце теплою, а черезъ него освѣжить и освѣтнить умъ.

7). Кажется, это не такъ. — Сталь сколько не точи, не изощряй, а она не сдѣлается ни воздухомъ, ни эфиромъ; если же обращенъ въ воздухъ или въ эфиръ, то она уже не будетъ сталью, но существо другой природы. Такъ и вещественныя наши чувства, все они будутъ вещественны, и смысла, воли и памяти пріобрѣсть не могутъ.

8). Ламбертъ не по сказалъ; ему именно хотѣлось разсказать съ тѣмъ, что онъ называетъ призраками.

9). Безподобное сравненіе! подѣ фуляръ всегда сберегаютъ драгоценности: бриллыны, перстны, фермуары и проч. Одно уже это доказываетъ, какъ должна бытъ дорога вещь, спрятанная подѣ такимъ драгоценнымъ фуляръ, и что она, — другой, высшей породы, чѣмъ фуляръ ся.

10). Можетъ еще любопытнѣе было бы видѣть самого Ламберна не передѣланнаго.

11). Здѣсь основной камень Бальзако-Ламберновой снѣжены:— осмотрите его со всѣхъ сторонъ.

Ежели вода не есть ледъ, ежели паръ есть существо выше воды, ежели зоръ еще выше

и опличиѣ *пара*, — и все это въ области по-го же міра вещественнаго, по не больше ли и безпредѣльнѣ разность между *веществомъ*, *жизнію* или *животностію*, и *духомъ*.

Духъ есть существо, безпредѣльно выше и опличиѣ опъ животноаго.

Животность, или основа жизни всѣхъ тварей, столько же безпредѣльно выше и опличиѣ опъ *вещества*, хопя бы по переэиреннаго эонра.

Какой же складъ въ опредѣленіи — *Воля* есть *жидкая среда* или просто жидкость, въ *которой тайно дѣйствуетъ мысль*? — Если это въ аналогическомъ смыслѣ, то еще шерпно, но все таки обманчиво; попому что никакая тончайшая вещественность не можетъ подвести подъ наше понятіе *духовности*; это міръ совсѣмъ иной, подлежацій, покуда, нашей вѣрѣ, по не разумѣнію. Мы видимъ нашу *волю*, нашъ *умъ*, нашу *чувствительность*

въ дѣйствіяхъ; но *лица* или *существа* ихъ, не увидимъ пока въ этой оболочкѣ.

Далѣе, — Г. Бальзакъ анализируетъ Волю и мысль (*pensée*) или лучше *мыслительную* способность:

Волю въ явленіи называетъ *Воленіе* (*volition*).

Мысль въ явленіи называетъ *понятіемъ* (*Idée*).

Но въ самой вещи онъ смѣшалъ причину, средство и дѣло.

Воля — есть причина; работа воли — *воленіе*; обнаруженіе этого воленія есть *желаніе*.

Точно также *умъ* — причина; работа ума — *мышленіе*; обнаруженное мышленіе есть *мысль, понятіе*.

Г. Бальзакъ употребилъ слово мысль (pensée) вмѣсто *ума*, можетъ и поному, что во Французскомъ языкѣ, вовсе нѣтъ кореннаго слова, *умъ*: такъ-же въ другихъ мѣстахъ онъ употребляетъ мозгъ (cerveau) вмѣсто ума.

12). По прежнему изъясненію надлежало бы вмѣсто *Воленія* писать *желаніе*, я слѣдую воленію Г. Бальзака, чтобы показать какъ оно не справедливо.

Кажется, не Воленіе, а Желаніе есть произведеніе Воли, — Воленіе есть только приговорованіе, средство къ образованію желанія; — кругъ въ которомъ Воля обращается.

13). Воля, умъ и чувствительность, — при сущности различныя, составляющія единство духа; между ими нѣтъ ни старшинства, ни очереди. После этого можно ли производить волю ошь ума, или по мнѣнію Г. Бальзака, ошь мысли (*pensée*?)

14). А не-вольныя мысли? — а воленія противныя не покорныя уму и мысли? — Не враздо ли вѣрнѣе, говоря о человекѣ, сказать, что нельзя *волитъ* не *разумѣть* своего воленія, и не *ощущая* своего воленія.

15). Кажется, безъ этого температурнаго разбора была бы яснѣе новая система.

16). Прекрасное сравненіе! Сердце есть престоль Воли, мозгъ престоль ума. — По сердцу своя работа, — мозгу своя. —

17). Разсматривать дѣйствіе и оцѣн-
еніе, безъ размошрѣнія *причины*, есть вървѣй-
шій способъ ничего не размошрѣшь.

18—19). Давнымъ давно говорили и пи-
сали и пишутъ о дѣйствіяхъ и оцѣнствіяхъ —
и все эшо не новосыь.

20). И прибавьте еще — оба начинались
давно писаннаго и говореннаго, и говорили шо-

XVI

же самое, но есть склоняли слова *action* и *réaction* и спрягали глаголь *agir* и *réagir*, не выведя ничего дѣльнаго, основательнаго.

21). Ежели было что выведено Ламбертомъ, но почему бы не упомянуть, какъ онъ вывелъ и доказалъ, — польза науки и слава Ламбертова того требовали; — не помню — пустая отговорка! — Ежели кто вспомнилъ основу, то гораздо легче помнить зданіе, а особливо такое новое и любопытное, — все выученное въ малолѣтствѣ, никогда не забывается. — Ламбертъ въроянно каждую новую мысль объяснялъ тысячу разъ, а Г. Бальзакъ тысячу разъ слушалъ, переслушивалъ, твердилъ, перетверживалъ, и со всѣмъ тѣмъ забылъ. — Всего вѣрнѣе, что Ламбертъ, сбившійся,

какъ видѣли, съ пути, написалъ цѣлую те-
традь *новаго соетанія словъ*, и назвалъ **ТЕО-**
РІЕЙ ВОЛИ.

22). И конечно ни тогда, ни теперь эпо-
го и нельзя изъяснить иначе; нельзя опредѣлять
дѣйствія отъ причины; человекъ — не самъ
себѣ причина, и все что въ человекѣ и чело-
вѣческаго — не само себѣ причина. — Эта
причина есть, но Г. Бальзакъ прикидывается
будто ее не видитъ. — Напрасно Г.г. ученые
будутъ просить объясненія у *Бога* — для нихъ
Онъ глухъ и немъ; открывъ все тайны Свои
дѣтямъ, Онъ *таитъ ихъ отъ разумныхъ и Пре-*
мудрыхъ. Ему нужны ученики послушные, же-
лающіе учиться, а не соспязаться: — и очень
справедливо.

XVIII

И такъ сколько не склоняйте и не спрягайте слова дѣйствіе и оидѣйствіе, — допѣхъ поръ ни чего не выведете, пока не возьмешь сперва за *причины*, которыя непрерывно дѣйствуютъ и оидѣйствуютъ на Волю, Умъ и Чувствительность внутри человека, а чрезъ нихъ и на все вѣшнія чувства.

23). Нельзя говорить утвердительно, что все явленія, основанныя на случайностяхъ — *мечта* и *вздоръ*, потому только, что изменяющіяся по волѣ обстоятельство, совершенно *невыдольны*. — Исчисленіе вѣроятностей, опытноскрывающіе положительныя законы въ явленіяхъ, повидимому совершенно случайныхъ, капризныхъ

демократически непокорныхъ никакому расче-
пу, — разительнo убѣждаетъ, что все слу-
чающееся, случается непременно по нѣкоото-
рымъ законамъ, правда невѣдомымъ до вре-
мени, но все таки существеннымъ, а не ме-
чшательнымъ.

Если *свѣтъ*, есть и *тѣнь*; должны быть:
причина свѣта, и причина тѣни. Средство че-
ловѣка съ причиною свѣта, вводитъ его въ цар-
ство свѣта со всеми таинствами. Средство
человѣка съ причиною тѣни, точно также
вводитъ его въ царство тѣни со всеми ея
таинствами. Тому и другому бездна примѣровъ.

(24 и 25). Гдѣ же его опчестъ, хотя бы
но и не *лестный*! Не хитро скажешь, что онъ
нашелъ это, но гораздо труднѣе въ самомъ
дѣлѣ найти. Вліяніе силъ міра вещественнаго на
нѣзранный составъ нашъ, передаваемое имъ ду-

ховному соснапу, производншь и объясняеть большую часть энихъ явленій, — и очень просто.

26). Это явленіе и исторически и практически знали и объясняли давшимъ давно Демосфены, Цицероны, Цезари, Суворовы, конорыхъ одинъ взглядъ, одно движеніе, намагнищеннзироваанные всеенальною волею, — все двигали, все оспанаваивали.

27). Однакожъ жизнь *Анахоретовъ* *первыхъ* *временъ* *церкви*, не была расшншельная въ смыслъ бесполезности; — но что она была въ высочайшемъ смыслѣ *растительная*, живая, дѣятельная, то это каждому извѣстно. — Самая дикая опдаенная пустыня, не могла укрышь въ неизвѣстности мерной нещеры,

Анахорета — созерцающа: пропавъ его воли, слава объ немъ гремѣла вездѣ, пустыни его заселялись городами скиповъ и обипселей, гдѣ истинное просвѣщеніе, трудолюбіе, дѣятельность, — изгнанные повсюду беззубымъ распадавшимся Римомъ, находили приютъ. Избѣгая пустой людской славы, великіе *растители* чловѣчества-анахореты, сколько разъ бѣгали и перемѣняли свои убѣжища; ихъ вездѣ находили, и вездѣ создались новые университеты правдивости.

Припомъ же кому и обязаны мы если что знаемъ, — какъ не монахамъ и монашескимъ? Будучи безсильны передать намъ золотой вѣкъ благочестія, они въ истиннѣ обипселей сажали, поливали и расхиали сѣмена наукъ, укрывшихся, какъ робкія ишницы, отъ сумасброднаго рыцарства среднихъ временъ: — конечно, съ этой стороны жизнь Анахоретовъ была *растительная*, но не такъ какъ думалъ Г. Бальзакъ.

28). И такъ два пути къ совершенству чело­вѣка: путь сердца и путь ума; путь любви и путь изнупленія. Первый путь свѣтлѣе, согрѣваетъ и сердце, и умъ. Второй только налѣпляетъ въ головѣ нѣсколько блестящихъ, похожихъ на свѣтъ, а сердце глушишь, сушишь и холоднѣе.

Первый путь пройденный, вводитъ чело­вѣка въ *безстрастіе* — въ господство надъ стихіями, людьми и надъ собой, въ жизнь любви, мира - свѣта.

Вторымъ путемъ нельзя пройти до конца, но хрупкости вещественныхъ органовъ. Онъ дѣлаетъ чело­вѣка рабомъ вещественности. Своевольіе, непокорность Ламберта въ школѣ, изнупленные выходки въ послѣдствіи, холодность къ пользѣ общества, желаніе жить только въ себѣ для собственнаго услажденія — вотъ доказательство, какъ сердце Ламберта было

далеко отъ совершенства, и какъ умъ его былъ слабъ въ управленіи сердцемъ.

29). Пространство — холстъ, на которомъ кисть времени рисуетъ черты нашей физической жизни, разлитой во вѣщности. — Опинимте у насъ пространство и время, — мы останемся въ пошемкахъ, — какъ картина безъ своего холста.

Услаждаясь пинпической прелестью Ламберта, нарисованнаго волшебнымъ перомъ Г. Бальзака, — я не позволила себѣ оставить переводъ мой безъ примѣчаній, тамъ, гдѣ казалось, говоритъ онъ, вопреки здравому смыслу.

Если ошиблась — виновата! — Мое намѣреніе было простое.

Если бъ Г. Бальзакъ окрасилъ Ламберта

бѣлою, а не пестрою краскою, онъ легко сохранилъ бы и романтическую прелесть и прелесть испины.

К о н е ц ъ.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

особь подписавшихся на книгу.

А.

Экземп.

| | |
|---|----|
| Арсеньевъ, А. И. Тайный Совѣтникъ | 1. |
| Авдунинъ | 1. |
| Альшевскій | 1. |

Б.

| | |
|--|----|
| Блюдовъ, Дмитрій Николаевичъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Тайный Совѣтникъ | 2. |
| Бояриновъ, Александръ Григорьевичъ, 5-го класса | 1. |
| Бибиковъ | 1. |
| Балшиховскій | 1. |
| Берхъ | 1. |
| Бурачковъ, С. О. К. К. Инж. Капитанъ | 1. |
| Барановскій, Ѳедоръ Ивановичъ | 1. |
| Башенинъ | 1. |

В.

Вяземскій, Князь Пётръ Андреевичъ 1.

Вяземскій, Князь Александръ Сергеевичъ 1.

Г.

Голыцынъ, Князь 2.

Грузинскій, Князь 1.

Гезехусъ, Александръ Яковлевичъ, Инжен.

Правор. 1.

Гедде, Консманншнъ Ѳедоровичъ 1.

Д.

Дашковъ, Дмитрій-Васильевичъ, Ми-
нистръ Юстиціи, Тайный Совѣщ-
никъ 1.

Е.

Ершовъ 2.

Евсеевъ 1.

Ершовичъ, П. С. 1.

З.

Завадовскій, Графъ Василій Петровичъ 2.

Завадовская, Графиня Елена Михайловна 2.

| | |
|---|----|
| Завалишинъ, А. Г. 5-го класса | 1. |
| Зиновьевъ | 1. |

И.

| | |
|---|----|
| Ивановъ, Е. В. Казачьяго полка Есауль | 1. |
| Исаевъ, И. И. | 1. |
| Ильинскій А. Г. 7-класса | 1. |

К.

| | |
|--|----|
| Кавкринна, Графиня Екатерина Захаровна | 5. |
| Кайсаровъ, Пётръ Сергѣевичъ, Тайный Совѣтникъ | 1. |
| Карбошьеръ, Александръ Львовичъ, Надворный Совѣтникъ | 1. |
| Киселевъ, Сергѣй Дмипріевичъ, Спашскій Совѣтникъ | 2. |
| Крыловъ, Тимофей Семеновичъ, Спашскій Совѣтникъ | 1. |
| Капковъ, П. А. Надвор. Совѣт. | 1. |
| Кейзербергъ, К. О. | 1. |

Л.

| | |
|--|----|
| Лачинова, Авдопья Дмипріевна | 3. |
| Лихаревъ, П. И., Надвор. Совѣт. | 1. |
| Ламинъ, К. О. К. П. П. С. Маіоръ | 1. |

М.

| | |
|--|----|
| Михайловъ, Дѣй. Стат. Совѣт. | 1. |
| Малиновскій, П. И., Коллеж. Совѣт. | 1. |
| Марчевскій, И. О., Подполковникъ | 1. |
| Милютинъ, И. П., 8-го класса | 1. |
| Муравьевъ, Николай Ивановичъ | 1. |

Н.

| | |
|--|----|
| Нацокниъ | 1. |
| Неизвѣстный | 1. |
| Новиковъ, К. И. Коллеж. Совѣт. | 1. |

О.

| | |
|--|----|
| Оболенскій, Князь | 1. |
| Оболянинновъ, Н. П. Полковникъ | 1. |
| Озеровъ, Конспантинъ Николасвичъ | 2. |
| Окуневъ, Михайло Михайловичъ К. М. А. Подпоруч. | 1. |

П.

| | |
|---|----|
| Паглиновскій, Д. М., Дѣйств. Стат. Сов. | 2. |
| Пауловичъ | 1. |
| Пономаревъ, Д. Д. | 1. |
| Поповъ | 1. |
| Подашевскій, Александръ Ивановичъ | 1. |

Р.

| | |
|--------------------------------------|----|
| Рахмановъ | 1. |
| Раевскій | 1. |
| Рачинская, Н. А. | 1. |
| Ронинъ, Э. И. К. И. П. С. Поручикъ . | 1. |
| Рихнеръ, Александръ Христьяновичъ . | 1. |

С.

| | |
|---|----|
| Салтыковъ | 1. |
| Соловьевъ, О. Г. | 1. |
| Сергеевъ, Андрей Сергеевичъ | 1. |
| Семечкинъ, Александръ Павловичъ, Пору- чикъ Архивлеріи | 1. |
| Сазоновъ | 1. |

Т.

| | |
|------------------------------------|----|
| Толстой, Графъ Михаилъ Дмитриевичъ | 2. |
| Танищевъ | 1. |
| Тиншовъ | 1. |

У.

| | |
|------------------------|----|
| Ушаковъ, Н. В. | 1. |
|------------------------|----|

Ф.

| | |
|-------------------------------|----|
| Фонъ Франкъ, Баронъ | 1. |
|-------------------------------|----|

Франкентъ, Оедоръ Ивановичъ Надвор.

Совѣщ. 1.

Х.

Ховентъ. 1.

Ч.

Чершковъ, Иванъ Дмитриевичъ, Дѣйстви-
тельный Снашек. Совѣщ. 1.

Ш.

Шаховской, Князь 1.

Шлесаръ, Оедоръ Оедоровичъ 1.

Я.

Якубовскій, Дѣйствишельный Снашекій

Совѣщ. 1.

Яковлеъ 1.

